ISSN 2312-7937

Федеральное государственное казенное учреждение дополнительного профессионального образования
«Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ВЕСТНИК

Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации

Ежеквартальный научно-практический журнал

№ 1(77)

VESTNIK

Advanced Training Institute of the MIA of Russia

Quarterly Journal of the scientific and practical

Журнал издается с марта 2006 года

Домодедово 2026

Главный редактор
С. А. Невский (*доктор юридических наук, профессор)*
Редактор А. В. Николаева
Дизайн Л. Р. Гильдеева. **Техническое редактирование** Е. В. Скрипкина

Head editor
S. Nevskiy (*doctor of law, professor*)
Editor A. Nikolaeva, **design** L. Gildeeva, **editorial** E. Skripkina

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-64728 от 22.01.2016

Решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации
журнал включен в Перечень рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора наук и кандидата наук

В журнале публикуются результаты оригинальных
фундаментальных и прикладных научных исследований
по следующим специальностям:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Распространяется на территории Российской Федерации
по подписке.
Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»: 70899

Адрес учредителя, редакции, издателя:
142007, г. Домодедово, Московская обл., м-н Авиационный,
ул. Пихтовая, д. 3
e-mail: rio_vipk@mvd.ru

Отпечатано в группе полиграфической
и оперативной печати печати РИО ВИПК МВД России
142007, г. Домодедово, Московская обл., м-н Авиационный,
ул. Пихтовая, д. 3

Дата выхода в свет 31.03.2026
Формат 60x84/8
Объём 15,1 усл. печ. л.
Тираж 63 экз. Заказ 08/26. Цена свободная

- Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редакции.
- Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник ВИПК МВД России» ссылка на журнал обязательна

Registered Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications
PI № ФС 77-64728 от 22.01.2016

By the decision of the Higher Attestation Commission
of the Ministry of education and science
of the Russian Federation the journal
«Bulleten of the All-Russian Advanced
Training Institute» is included in the List of peer-viewed
scientific publicatins, where basic scientific results
of dissertations on competition of scientific degrees of doctor
and candidate of sciences must be published

The journal publishes the results of the original basic
and applied research in the following specialties:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Distributed in the territory of the Russian Federation
by subscription. Subscription index for the United catalog
«Press of Russia»: 70899 ind.

Address of the founder, editorial staff, publisher:
142007, Bld. 3, Pikhtovaya str., Aviatsionny District,
Domodedovo, Moscow region, Russia,
e-mail: rio_ vipk@mvd.ru

Printed in a group of printing and operational printing press
publishing department
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
142007, Bld. 3, Pikhtovaya str., Aviatsionny District,
Domodedovo, Moscow region, Russia

Date of publishing 31.03.2026
Format 60x84/8;
Print output 15,1 leaves;
Circulation 80 copies. Order 08/26. Price free

- The published materials reflect the author's point of view, which may not coincide with the opinion of the editors.
- The authors bear full responsibility for the selection and presentation of the facts contained in the articles. Any violation of copyright is prosecuted by law.
- When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, the materials of the journal "Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia", a link to the journal is required

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
CYBERLENINKA

© ВИПК МВД России, 2026

© Advanced Training Institute of the MIA of Russia, 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	EDITORIAL BOARD
Председатель: **М. В. Костенников** заместитель начальника ВИПК МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации	Chairman: **M. V. Kostennikov** Deputy Head of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia for scientific work, Doctor of Law, Professor, Honored employee of Internal Affairs of the Russian Federation
Члены: **Н. Т. Алиев –** доктор философии по праву, доцент (Республика Азербайджан)	Members: **T. N. Aliyev –** Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor (Azerbaijan Republic)
В. В. Астанин – доктор юридических наук, профессор	**V. V. Astanin –** Doctor of Law, Professor
А. Т. Байсеитова – доктор юридических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Республика Казахстан)	**A. T. Baiseitova –** Doctor of Law, Associate Professor (Republic of Kazakhstan)
В. В. Бачила – кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь)	**V. V. Bachila –** PhD, Associate Professor (Republic of Belarus)
В. Ю. Бельский – доктор философских наук, профессор	**V. Yu. Belsky –** Doctor of Philosophy, Professor
В. В. Векленко – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**V. V. Veklenko –** Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
А. А. Гришковец – доктор юридических наук, профессор	**A. A. Grishkovets –** Doctor of Law, Professor
В. В. Денисенко – доктор юридических наук, профессор	**V. V. Denisenko –** Doctor of Law, Professor
С. В. Запольский – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**S. V. Zapolskiy –** Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
А. Б. Зеленцов – доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации	**A. B. Zelencov –** Doctor of Law, Honored Scientist of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation
О. В. Зиборов – доктор юридических наук, профессор	**O. V. Ziborov –** Doctor of Law, Professor
М. Н. Кобзарь-Фролова – доктор юридических наук, профессор	**M. N. Kobzar-Frolova –** Doctor of Law, Professor
С. Н. Максимов – доктор юридических наук, доцент	**S. N. Maksimov –** Doctor of Law, Associate Professor
А. Л. Осипенко – доктор юридических наук, профессор	**A.L. Osipenko –** Doctor of Law, Professor
К. М. Осмоналиев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ (Киргизская Республика)	**K. M. Osmonoliyev –** Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Education of RAE (Kyrgyz Republic)
Ю. Н. Старилов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации	**Yu. N. Starilov –** Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia
Ю. В. Трунцевский – доктор юридических наук, профессор	**Yu. V. Truntsevsky –** Doctor of Law, Professor
А. Ю. Якимов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A.Yu. Yakimov –** Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	EDITORIAL COLLEGE
Председатель: **А. А. Скивтерист** начальник ВИПК МВД России Главный редактор: **С. А. Невский** заместитель начальника ВНИИ МВД России – начальник НИЦ № 1, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации	Chairman: **A.A. Skivterist** Chief of Advanced Training Institute of the MIA of Russia Editor in Chief: **S. A. Nevsky** Deputy Head National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation – Head of Research Center № 1, Doctor of Law, Professor, Honored employee of Internal Affairs of the Russian Federation
Члены: **И. А. Адмиралова** – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, доцент	Members: **I. A. Admiralova –** Professor of Chair of migration service staff training of the police training center for public order protection Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Doctor of Law, Associate Professor
Ю. М. Антонян – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР	**Yu. M. Antonyan** – Chief Researcher, Scientific Research Center No. 1 National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the RSFSR
А. В. Вилкова – заместитель начальника НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор	**A. V. Vilkova** – Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
В. Н. Григорьев – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор	**V. N. Grigoriev –** Leading Researcher, Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor
А. В. Гриненко – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A. V. Grinenko –** Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics, MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Ю. Н. Демидов – руководитель Аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции, доктор юридических наук, профессор	**Yu. N. Demidov –** Head of the Staff of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Security and Anti-Corruption, Doctor of Law, Professor
А. С. Дугенец – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A. S. Dugenets –** Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Е. Н. Клещина – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор	**E. N. Kleschina –** Professor of the Department of criminology and criminal Executive law of the Moscow state law University After O.E. Kutafin, Doctor of Law, Professor
А. М. Кононов – главный научный сотрудник НИЦ Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A.M. Kononov –** Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
А. В. Куракин – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор	**A. V. Kurakin** – Professor of Chair Of Migration Service Staff Training of the Police Training Center For Public Order Protection, Doctor of Law, Professor
В. П. Малахов – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации	**V. P. Malakhov -** Professor of Theory of State and Law «Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V.Y. Kikot» Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Д. А. Матвеев – заместитель начальника ВИПК МВД России по работе с личным составом, кандидат юридических наук, доцент	**D. A. Matveev –** Deputy Head of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia for work with personnel, Candidate of Law, Associate Professor
С. Н. Мешалкин – начальник НИЦ № 2 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор	**S. N. Meshalkin** – Head of the Research Center № 2 National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor
А. Н. Мошков – помощник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе	**A. N. Moshkov** – Assistant Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Central Federal District
А. Ю. Олимпиев – научный сотрудник научно-исследовательского отдела ВИПК МВД России, кандидат юридических наук, доктор исторических наук	**A. Y. Olympiev** – Researcher at the Scientific Research Department of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Doctor of Historical Sciences
А. Н. Харитонов – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор	**A. N. Kharitonov –** Professor of The Training Center for Police Officers in Ensuring Transport Safety, Doctor of Law, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА ЗЕЛЕНЦОВА 8

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL SCIENCES

ЖИГАРЕВ ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВИЧ
О СУЩНОСТИ ДИАЛЕКТИКИ И ЕЕ ЗАКОНОВ 11
ZHIGAREV EVGENY S.
ON THE ESSENCE OF DIALECTICS AND ITS LAWS

АФЗАЛЕТДИНОВА ГУЛЬНАРА ХАСАНОВНА
АДАПТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
ВНУТРИСИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ 18
AFZALETDINOVA GULNARA KH.
ADAPTIVE LEGAL REGULATION: INTRASYSTEM COMMUNICATIONS AND THEIR INTERACTION

МЕЛЕНТЬЕВ АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
ЭВОЛЮЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО ОБЫЧАЯ
В ПРАКТИКЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (1861–1917 ГГ.) 24
MELENTEV ANDREY V.
THE EVOLUTION OF THE APPLICATION OF LEGAL CUSTOM
IN THE PRACTICE OF THE VOLOST COURTS OF CENTRAL RUSSIA (1861–1917)

НЕВСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД – ОРГАНИЗАТОРЫ И РУКОВОДИТЕЛИ
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 28
NEVSKIY SERGEY A.
REPRESENTATIVES OF THE NKVD BODIES AND TROOPS – ORGANIZERS AND LEADERS
OF THE PARTISAN MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

ПОПОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, КОВРОВА ВЕРА ГЕННАДЬЕВНА
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 40
POPOVA ANASTASIA A., KOVROVA VERA G.
THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT INSTITUTE OF STATE SECRETS
IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА
ГЕНОЦИД. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГЕНОЦИДУ 46
KOBZAR-FROLOVA MARGARITA N.
GENOCIDE. HISTORICAL MEMORY. ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES
TO PRESERVE HISTORICAL MEMORY AND COUNTER GENOCIDE

ВАРГАСОВ ВИТАЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ЮРИСДИКЦИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ 52
VARGASOV VITALY K.
TO A QUESTION ABOUT INTERACTION OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE
JURISDICTIONS IN COUNTERACTION OF ILLEGAL MIGRATION

ТРЕГУБОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ
ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ 59
TREGUBOV IGOR S.
PROBLEMS OF RESTRICTING CONSTITUTIONAL RIGHTS OF INDIVIDUALS
WHEN APPLYING MEASURES OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL ENFORCEMENT

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЫКОВ АРМАН НУРЛАНОВИЧ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 68
KALYKOV ARMAN N.
ADMINISTRATIVE AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE PROTECTION AND SAFEGUARDING
OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

ДЫРМА СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
СУБЪЕКТЫ И ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 77
DYRMA SERGEY V.
SUBJECTS AND FORMS OF COUNTERACTION TO CRIMES COMMITTED
USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

ИСАЕВА ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА, ЗАШАКУЕВ АЗАМАТ ЗАУРОВИЧ
АЛГОРИТМ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ
ПО ПРИБЫТИИ НА МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 82
ISAEVA ELENA D., ZASHAKUEV AZAMAT Z.
ALGORITHM OF THE FIRST ACTIONS TAKEN BY POLICE OFFICERS ON ARRIVAL
AT A CRIME SITE COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

СОБОЛЕВ АНТОН ВАЛЕНТИНОВИЧ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 88
SOBOLEV ANTON V.
THEORETICAL AND LEGAL HYPOTHESES ON THE DIGITALIZATION
OF THE CRIMINAL PROCESS AS A BASIS FOR LAW-MAKING ACTIVITIES

ГУСЕВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА
К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦА,
ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 95
GUSEVA NATALYA N.
ON THE ISSUE OF COMPREHENSIVE SECURITY FOR A PERSON
WHO HAS ENTERED INTO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

КУРГАЕВ ЕГОР АЛЕКСЕЕВИЧ
ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 102
KURGAEV EGOR A.
FEATURES OF THE CONTENT OF THE OPERATIONAL-INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS
OF THE APPLICATION OF SECURITY MEASURES IN RELATION TO PARTICIPANTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ТАРАСОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ, СОКОЛОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
ХОДИКОВА НИНА АНАТОЛЬЕВНА
ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ. 219 УК РФ 109
TARASOV MAXIM YU., SOKOLOV SERGEY S., KHODIKOVA NINA A.
PROBLEMS OF ESTABLISHING A CAUSAL RELATIONSHIP IN THE INVESTIGATION
OF CRIMES UNDER ARTICLE 219 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

КАУНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
ОБЩЕУГОЛОВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 119
KAUNOV ALEXANDER V.
COUNTERING ORGANIZED CRIME OF A COMMON CRIMINAL NATURE:
PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

СОДЕРЖАНИЕ

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ
В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИИ 124
KOBETS PETER N.
LEGAL AND ORGANIZATIONAL FRAMEWORK FOR THE FIGHT AGAINST TERRORISM
IN THE REPUBLIC OF INDIA

ДУТОВ ПАВЕЛ ОЛЕГОВИЧ
НЕЗАКОННАЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 132
DUTOV PAVEL O.
ILLEGAL LABOR ACTIVITY OF FOREIGN CITIZENS AS A THREAT TO PUBLIC SAFETY

ПОЛЯКОВА ЯНИНА НИКОЛАЕВНА, КАШКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ 136
POLYAKOVA YANINA N., KASHKINA EKATERINA V.
SOCIAL AND LEGAL CONTEXT AND THE IMPORTANCE OF EDUCATION FOR CRIME PREVENTION

ПЛЕШАКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
КОНЦЕПЦИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА
КАК КАТЕГОРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ 142
PLESHAKOV BLADIMIR A.
THE CONCEPT CRIMINOLOGICAL IMMUNITY AS CATEGORIES OF CRIMINOLOGICAL SCIENCE

СТРАМИЛОВ СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ
КОМПЛЕКСНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 149
STRAMILOV STANISLAV YU.
COMPLEX PREVENTIVE MEASURES FOR DOMESTIC VIOLENCE:
MODERN APPROACHES AND PROSPECTS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

КУЛЬЧИКОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
ПОРЯДОК ОРГАНИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ОБСЛЕДОВАНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ
СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ 154
KULCHIKOV DMITRY E.
PROCEDURE FOR ORGANIZING DEPARTMENTAL CONTROL THE EXAMINATION
OF RESIDENTIAL BUILDINGS BY EMPLOYEES OF OPERATIONAL DEPARTMENTS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА ЗЕЛЕНЦОВА

11 февраля 2026 г. *свой юбилей отметил известный ученый-правовед, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор* ***Александр Борисович Зеленцов*** *– профессор кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы*

Александр Борисович родился 11 февраля 1951 г. в селе Селевкино Дмитровского района Московской области. Свой трудовой путь начал в 1968 году учеником электромонтера в Икшанской воспитательной трудовой колонии (ВТК ГУВД МО). После прохождения срочной воинской службы в 1971 году поступил на факультет экономики и права Университета дружбы народов (УДН) им. Патриса Лумумбы, который в 1978 году с отличием закончил по специальности «международное право» (квалификация «юрист»). В 1975–1976 гг. стажировался в Университете Орьенте (Республика Куба).

В 1981–1983 гг. обучался в аспирантуре по кафедре теории и истории государства и права Университета дружбы народов, которую успешно завершил защитой кандидатской диссертации.

В период с 1981 по 1983 год являлся преподавателем кафедры теории и истории государства и права Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В 1983 году был приглашен для работы в Институт общественных наук (ИОН) при ЦК КПСС на должность старшего преподавателя кафедры философии. В 1985–1990 гг. находился в командировке в Республике Ангола в должности преподавателя, а затем руководителя группы преподавателей-консультантов.

В 1990–1991 гг. – доцент кафедры философии Института общественных наук (ИОН), а в 1991 году вновь переходит на работу в Российский университет дружбы народов (РУДН) в должности доцента кафедры теории и истории государства и права. В 2005 году защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы правового спора» по двум специальностям: 12.00.01 – теория и история права и государства; история политических и правовых учений; 12.00.14 – административное право; финансовое право; информационное право. В 2009 году А. Б. Зеленцову было присвоено звание профессора.

С 1995 по 1996 год – заместитель декана юридического факультета РУДН по научной работе. В 1996–2003 гг. – организатор и первый заведующий кафедрой конституционного, административного и финансового права РУДН, а после ее преобразования возглавлял кафедру административного и финансового права РУДН (2003–2012 гг.). В настоящее время является профессором-консультантом этой кафедры.

Сферу научных интересов А. Б. Зеленцова составляют актуальные проблемы административного и административно-процессуального права, представленные в таких направлениях научных исследований, как контроль за деятельностью публичной администрации, административная юрисдикция, административно-правовая конфликтология, административная юстиция, административный процесс, судебное

административно-процессуальное право, административно-правовая компаративистика, конституционализация административного права.

В трудах А. Б. Зеленцова выдвинуты фундаментальные для развития теории административной юстиции в России идеи, касающиеся форм и видов административной юрисдикции и административно-правового спора как категории, способствующей четкому определению ее предметной сферы. Разработка общетеоретической конструкции спора о праве, предпринятая в работах А. Б. Зеленцова, способствовала чёткой идентификации административно-правового спора как его отраслевой разновидности и концептуальному обоснованию возможности организации административного судопроизводства как искового со всем набором предоставляемых им правовых средств и гарантий.

Под руководством профессора А. Б. Зеленцова на базе кафедры административного и финансового права РУДН в начале этого века сформировалась научная школа, ориентированная на сравнительно-правовые и теоретические исследования административной юстиции как одной из форм контроля за законностью в деятельности публичной администрации. В рамках этого направления А. Б. Зеленцовым и его учениками изучен и синтезирован опыт организации, функционирования и правового регулирования административной юстиции во многих зарубежных странах и произведена оценка возможности его применения в России в условиях формирования современной системы административного судопроизводства.

Зеленцов А. Б. – автор более двухсот пятидесяти научных и учебно-методических публикаций, из которых 12 монографий, более двадцати учебников и учебных пособий . Наиболее значимыми и известными из них являются: монографии: «Конфликты в управлении и управление конфликтами (опыт комплексного исследования предмета и форм административной юрисдикции)». М.: изд-во РУДН, 2001. 527 с.; «Административно-правовой спор: вопросы теории». 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2009. 692 с., «Административная юстиция как судебное административное право: концептуальные проблемы». М.: изд-во «Буки-Веди», 2014. 180 с.; учебники и учебные пособия: «Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права: учебное пособие для студентов вузов». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 399 с.; «Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / А. Б. Зеленцов, О. А. Ястребов; Российский университет дружбы народов, Юридический институт. М.: Статут, 2017. 766 с.

В 2020 году А. Б. Зеленцов в качестве автора учебника «Административно-процессуальное право России (в 2 ч. Ч. 1)» за качественный, актуальный и насыщенный юридический контент, наиболее востребованный студентами России и русскоязычного образовательного пространства, награжден грамотой Образовательной платформы «Юрайт».

Научно-педагогическую деятельность А. Б. Зеленцов совмещал и совмещает с общественной работой. В 2009−2012 гг. являлся председателем диссертационного совета Д212.203.29 при Российском университете дружбы народов. С 2020 года – член созданного на базе РУДН диссертационного совета ПДС 0900. 002 и член диссертационного совета ПДС 0900. 003. Более десяти лет состоял членом ученого совета РУДН и работал в его комиссии по науке, а также являлся членом ученого совета юридического факультета РУДН. С 2004 по 2017 год – член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

В 2011 году избран академиком Евразийской академии административных наук, а в 2012 году – ее вице-президентом.

В 2019 году А. Б. Зеленцов стал победителем конкурса по присуждению премий Национальной ассоциации административистов России в номинации «За значительный вклад в развитие административно-правовой науки (в 2018 году)».

За заслуги в области научной и педагогической деятельности А. Б. Зеленцову в 2010 году присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», в 2011 – почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», в 2022 – почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Имеет почетное звание Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы «Ветеран РУДН» (2023). Награжден рядом государственных наград.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием
«Актуальные проблемы и тенденции развития административного
и административно-процессуального права в России и зарубежных странах»,
посвященная 75-летнему юбилею со дня рождения
доктора юридических наук, профессора А. Б. Зеленцова

Александр Борисович Зеленцов – светлый человек, ученый с большой буквы. О таких людях принято говорить – «судьба подарила мне возможность общения с ним». Мы много лет знакомы с Александром Борисовичем, и я горжусь тем, что мне было предоставлено слово на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы и тенденции развития административного и административно-процессуального права в России и зарубежных странах», посвященной 75-летнему юбилею со дня рождения доктора юридических наук, профессора А. Б. Зеленцова, проведенной в феврале этого года в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, где я от имени руководства Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России сердечно поздравил юбиляра.

На фото слева направо:
д.ю.н., проф. С. М. Зубарев (МГЮА),
д.ю.н., проф. А. Б. Зеленцов (РУДН),
д.ю.н., проф. Ю. Н. Старилов (ВГУ),
д.ю.н., проф. М. В. Костенников (ВИПК МВД России)

От имени редакционного совета и редакционной коллегии
научно-практического журнала «Вестник ВИПК МВД России»,
а также от всего нашего Института поздравляем Вас с юбилеем!
Примите искренние пожелания здоровья, благополучия, уверенности
в своих силах, неиссякаемого вдохновения и творческой энергии!
Пусть всем Вашим планам будет суждено сбыться!

Заместитель начальника ВИПК МВД России по научной работе,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации,
полковник полиции М. В. Костенников

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-11-17
EDN: https://elibrary.ru/befezx

ЖИГАРЕВ ЕВГЕНИЙ СЕМЕНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
office@unity-dana.ru

О СУЩНОСТИ ДИАЛЕКТИКИ И ЕЕ ЗАКОНОВ

Аннотация. *Вопрос, которому посвящена данная статья, давно требует переосмысления. На основе анализа сущности диалектики становится ясным, что это учение в основном связано с логикой. Так называемый диалектический материализм, исказивший гегелевские законы логического мышления, основан на надуманном законе единства и борьбы противоположностей. В этой связи он по своей сути контрадикторный, поэтому и нерабочий. Являясь ядром материалистической диалектики, этот закон из-за своей контрадикторности превратил учение классиков марксизма об эволюционном развитии природы, общества и мышления в ложную теорию. Логические же законы имеют диалектический характер, соблюдая которые человек в своих мыслительных процессах устраняет непоследовательность мыслей и путаницу в изложении умозаключений.*

Ключевые слова: *диалектика, противоречие, платоновская концепция диалектики, диалектика Аристотеля, новые связи диалектики И. Канта, понятие как основная форма мышления по Гегелю, диалектический материализм, закон единства и борьбы противоположностей*

Для цитирования: *Жигарев Е. С. О сущности диалектики и ее законов // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 11–17; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-11-17.*

ZHIGAREV EVGENY S.
doctor of law, professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

ON THE ESSENCE OF DIALECTICS AND ITS LAWS

Abstract. *The issue addressed in this article has long been in need of rethinking. Based on an analysis of the essence of dialectics, it becomes clear that this doctrine is primarily related to logic. The so-called dialectical materialism, which has distorted Hegel's laws of logical thinking, is based on the contrived law of the unity and struggle of opposites. As a result, it is inherently contradictory and therefore ineffective. As the core of materialistic dialectics, this law, due to its contradictory nature, has turned the teachings of the classical Marxists about the evolutionary development of nature, society, and thought into a false theory. However, logical laws have a dialectical nature, and by following them, individuals can eliminate inconsistencies in their thoughts and confusion in their reasoning.*

© Жигарев Е. С., 2026.

Keywords: *dialectics, contradiction, Plato's concept of dialectics, Aristotle's dialectics, new connections of I. Kant's dialectics, concept as the basic form of Hegel's thinking, dialectical materialism, law of unity and struggle of opposites*

For citation: *Zhigarev E. S. On the essence of dialectics and its laws // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 11–17; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-11-17.*

Криминологи постсоветского периода – авторы учебника «Криминология» под редакцией Г. А. Аванесова (2015) – до сих пор продолжают считать методологией своей науки так называемый «всеобщий метод познания» – диалектический и исторический материализм, выражающий наиболее общие законы развития природы, общества и мышления.

Следовательно, эти криминологи придерживаются мысли, что происходящие процессы в физическом мире и криминальные действия людей связаны между собой одними и теми же объективными законами материалистической диалектики.

Создатели следующего учебника под редакцией В. И. Гладких (2021) тоже констатируют, что диалектический и исторический материализм в советский период был методом познания криминологии. И сегодня эта философия остается единственной методологией для криминологии. Это мнение подтверждается следующим тезисом моего соавтора первой главы этого учебника. Суть его в том, что на истинное изучение характеристик преступности во всей их объективности ориентирует криминологию философская категория диалектического материализма «противоречие».

Значит, не было бы противоречия в жизни общества между людьми, то и не было бы пресловутой преступности. Однако невдомёк этому автору, что категория «противоречие» в диалектическом материализме выражает внутренний источник всякого движения, корень жизненности, принцип развития. Именно признание противоречия в вещах и явлениях объективного мира отличает материалистическую диалектику от метафизики – науки о нематериальных субстанциях, к коим относятся: Бог, бессмертие, ничто, свобода, экзистенция, истина, душа, дух и т. п.

По представлению *В. И. Ленина*, диалектика и противоречие неотделимы друг от друга, ибо оно является сущностью диалектики. «Диалектика, – утверждал он, – есть изучение противоречия в самой сущности предметов...» [4, с. 227].

Но если противоречие есть принцип развития (принцип в философском понимании есть причина развития), то нужно определить между чем в вещах происходит противоречие, которое является причиной развития неорганических предметов в органические субстанции. Ведь суть диалектического противоречия в том и состоит, что развитие происходит только по восходящей линии (классики марксизма называли её спиралью).

Этот процесс апологеты марксизма толковали следующим образом. «Развитие – имманентный процесс: переход он низшего к высшему возникает потому, что в низшем *в скрытом виде (выд. курс. – Е. Ж.)* содержатся тенденции, ведущие к высшему, а высшее есть развитое низшее» [5, с. 380].

В данном тезисе апологеты диалектического материализма произошедшее, по их мнению, эволюционное развитие неживой материи в живую умышленно определили как «скрытый процесс». Они тем самым освободили себя от объяснений, каким же это образом неорганический мир произвёл биологический, а он затем – духовный. Действительно этот мистицизм сложно объяснить при помощи науки, если, по общему мнению математиков, вероятность события, равная 10^{-50}, считается равной нулю. По сравнению с этим показателем вероятность случайного соединения в нужном порядке аминокислот для получения самого простейшего протеина равна 10^{-67} [1, с. 56].

На этом примере закончим дальнейшее изобличение нелепости учения диалектического материализма, ибо цель автора иная. Первая задача – убедить криминологов, что категория марксистской философии «диалектическое противоречие», согласно которому предполагается скрытое от глаз науки эволюционное развитие объективного мира, к регрессивному криминальному «развитию» преступного человека никакого отношения не имеет. Полагаю, что решение первой задачи автор достиг.

Вторая задача связана с раскрытием понятия «диалектика» и сущности законов, ею позиционируемых.

Итак, термин «диалектика» (от греч. *dialektike* – искусство вести беседу), его буквальное значение – искусство аргументированно, не теряя логики, вести беседу. То, что диалектика в этом понимании исходит к античной философии, думаю, не требует специального обоснования. Поэтому раскроем сущность различных учений как древних философов, так и философов по-

следующей эпохи, касаемых этого предмета исследования.

История философии свидетельствует, что «изобретателем» диалектического метода был *Зенон Элейский* (490–430 гг. до Р. Х.), который прославился своими парадоксами. Однако формирование навыков диалектического мышления связано в первую очередь с *Сократом* (469–399 гг. до Р. Х.). Сократовский диалектический метод мышления, ведущий к самосовершенствованию личности как цели человеческой жизни, заключался в логически-правильном делении и соединении понятий, в разделении их на роды и виды, в использовании индуктивных умозаключений и в определении общих понятий как цели всего логического исследования.

Диалектическим приёмом мыслительной деятельности Сократ полагал пробудить в людях развитие духовно-нравственных качеств, приводящих к служению богу. Призывая людей заботиться о душе, он считал, что «от смерти уйти не трудно... а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идёт скорее, чем смерть» [2, с. 590]. Следовательно, Сократ «нравственную порчу» связывал с непоследовательностью мысли и путаницей в суждениях.

Используя предшествующий опыт античного философствования, диалектика *Платона* (427–347 гг. до Р. Х.) изложена в его учениях об идеях и вещах, Едином, Духе (Уме), Душе, в философско-богословских сочинениях и в опыте созерцания истины.

Платоновская концепция диалектики менялась и усложнялась вместе с учением об идеях (идея в философии со времён Платона есть метафизическая сущность вещи). Изначально связанная с логикой диалектика Платона вобрала в себя опыт мистического созерцания умопостигаемого. Способность постигать мышлением (или интеллектуальным созерцанием) направлена на познание интеллигибельного мира, реально существующей нематериальной сферы. Предметы этой сферы – Бог, Дух, сознание, разум и т. п. – именуются мыслимыми вещами, которые невозможно чувствовать.

Этим обстоятельством обусловлено многообразие определений Платоном диалектики, назовём некоторые из них:

1. Диалектика есть восхождение души человека от земного мира к небесному (к миру идей), от условного к безусловному, от чувственно воспринимаемого к умопостигаемому миру.

2. Диалектика – учение о пути вниз, от идей к чувственно воспринимаемому миру (то есть движение в познании от духовного к материальному), от созерцаемого душой и постигаемого умом к самим вещам.

3. Диалектика – это априорный принцип познания.

4. Диалектика – учение о доказательствах истины и опровержении лжи.

5. Диалектика – учение о логических и метафизических противоречиях и т. д. [2, с. 590].

Смысл всех этих определений диалектики Платона можно обобщить следующими словами. Диалектика в первую очередь есть умопостигаемый способ познания интеллигибельного (духовного) мира, а логика мышления связана с чувственной сферой и обращена к видимому материальному миру, познаваемому эмпирическим путем. Ведь интеллигибельное невозможно объяснить законами логики, но диалектически умопостигаемым способом можно его представлять, хотя эти представления будут индивидуальными. Но индивидуальность не отменяет диалектического субъективного представления трансцендентного (непознаваемого) духовного мира.

У *Аристотеля* (384/383–322/321 гг. до Р. Х.), в связи с отличием взгляда на учение Платона об умопостигаемом и иной трактовкой отношений между идеями, диалектика приобретает новое понимание. Оно связано с разрабатываемой им наукой логики.

В своем произведении «Логика» Аристотель выделил основные формы логического мышления, дал описание законов логики, разработал способы мышления – дедукцию и индукцию, учения об умозаключениях (силлогистика), доказательствах и опровержении.

В философском произведении «Топика», понимаемом как учение об общих исходных пунктах, Аристотель представлял диалектику как вероятностное знание. Он исходил из следующего положения: поскольку диалектика представляет собой исследование «общих начал», относящихся ко всем наукам (а это, по сути, есть философия. – *поясн. Е. Ж.*), эти знания не могут быть истинными. Следовательно, диалектика должна общие положения разбирать на основании правдоподобных положений в каждом отдельном случае. Такая задача, по Аристотелю, свойственна именно диалектике. По Аристотелю, будучи способом философского исследования, диалектика прокладывает путь к началам всех учений [2, с. 592].

Суть взгляда Аристотеля на диалектику, по мнению автора статьи, заключается в том, что он на её основе создал науку «логика». Следовательно, основную роль дислектики он видел в правильном построении человеком своего мышления. А во вторую очередь диалектику Аристотель рассматривал в качестве принципа самой философии как науки об общих началах.

Новое время, связанное с Рождеством Христовым, в философии ознаменовалось правлением метафизического учения. Однако вопрос о степени влияния античной диалектики и логики на христианское богословие, можно сказать, неоднозначное: от запрета изучения «Метафизики» Аристотеля Западной церковью до Соборного осуждения платонизма на Востоке. Тем не менее отцы и учителя Церкви были людьми сведущими в философской терминологии и диалектике и пользовались этим средством для обоснования христианских идей в богословии.

Достаточно сказать, что такие христианские проповедники и философы, как Августин Блаженный, Максим Исповедник, Николай Кузанский, Иоанн Дамаскин и др., понимали диалектику как часть философии, которую «может знать каждый». Содержание диалектики они сводили в основном к логике, при это отмечали необходимость придерживаться закона непротиворечия (в логике одно из основных требований) и учения о силлогизме (умозаключении), позволяющего опровергать софистические (словесные ухищрения, вводящие в заблуждение) и ложные выводы.

То есть, если кратко, и христианские религиозные деятели не отделяли диалектику от духовной субстанции разума человека, мыслительная деятельность которого должна быть подчинена законам логики, а иначе в мыслях будет происходить путаница и непоследовательность суждений.

Таким образом, можно сказать, что диалектика – это термин, введенный философами-элеатами для обозначения развития сознания человека и всего того, что с ним связано (разум, рассудок, мышление, познание), согласно законам логики. В этой связи исключалось (и это главное) противоречие. Поэтому можно предположить, что законы логического (можно сказать диалектического) мышления заложены в человеке изначально, в момент его творения. Только поэтому их смогли открыть и изложить в науке «логика»; они объективны, их нельзя изменить, ибо являются общими для мышления всего человечества.

Развитие диалектики как науки мы находим прежде всего в трудах таких философов, как И. Кант и Гегель. Ознакомимся и с их учениями, в которых проявились их неординарные взгляды.

Кант И. (1724–1804 гг. после Р. Х.) в диалектике открыл новые качества, которые можно принять или, наоборот, проигнорировать, но без внимания их оставить невозможно. Поэтому автор статьи приведет их полностью, но со своим комментарием.

Вначале следует отметить, что диалектику Кант не отделял от ее античных истоков и традиций. Поэтому, придерживаясь ее первоначальных основ, Кант сохранил конструктивное единство между диалектикой, учением об идеях и умопостигаемом мире.

Эти знания позволили Канту, по его же мнению, углубить науку диалектику, которая приобрела новый смысл и связи. А в связи с чем именно, мы сейчас рассмотрим.

Во-первых, с основополагающим принципом философии, что не «наши знания должны сообразовываться с предметами», а, наоборот, «предметы должны сообразовываться с нашим познанием».

То есть если раньше философские знания должны соответствовать предмету познания, то новое видение Канта – предметы должны соответствовать знаниям философии. А это значит, что априори умопостигаемые знания становятся приоритетными (полагаю, что не каждый ученый с этой мыслью Канта согласится).

Во-вторых, с разделением мира на «феномены», «вещи для нас», то есть на пространственно-временной мир, именуемый материальным, и «ноумены», «вещи в себе» – умопостигаемый духовный мир, существующий вне времени и пространства.

Здесь налицо снова спорный момент в философии Канта. Во-первых, дуализм, разделяющий реальность на материальный видимый мир и нематериальный духовный мир, существует с начала философствования вообще. Поэтому «новый смысл» в этом призыве Канта автор статьи не видит.

Мир «ноуменов» вообще-то воображаемый, который не соответствует интеллигибельным предикатам (логическим сказуемым), которыми описывается умопостигаемый духовный мир. Другим словом, ноумен – голая идея, иллюзия, а интеллигибельный предмет познания подсказан интуицией, духовным ведением человека, который можно объяснить аналогами или скорее схожестью природных явлений.

А ноумен можно назвать трансинтеллигибельным предметом, находящимся вне сферы человеческого разума и его духовного ведения, а это и есть «вещь в себе»[1].

В-третьих, с учением о трансцендентальном субъекте познания, в котором Кант также видел «новый смысл» науки диалектики. В этой связи Кант разделял человеческий разум на две части: теоретическую (чистый разум) и практическую. Но главное, Кант в конце концов подверг критике чистый разум, который направлен на познание «вещи в себе» (понимаемой автором статьи ее интеллигибельной сущности, связанной с целеполагающим творением всего внешнего мира Святым Духом), с которой имеет дело «трансцендентный субъект», то есть Бог. И в этой связи Кант сделал вывод, что чистые мыслительные конструкции относительно «вещи в себе» (ноумены) не представляют собой подлинного знания. А вот истинные знания, по Канту, полностью покоятся на опыте, на чувственном восприятии (здесь он выступал как истинный материалист).

Если этот категорический вывод связан с интеллигибельной сущностью предмета «вещи в себе», то автор с этой мыслью Канта согласен. Однако есть интеллигибельные образования, постигаемые интеллектуальным содержанием. Но чувства (опыт) дают человеку знания лишь о действительном внешнем мире. В этой связи человек не ограничивает себя эмпирическими знаниями и никогда ими не удовлетворится. Поэтому он не сбрасывает со счетов знания, которые возможно получить с помощью интуиции и духовного ведения об интеллигибельном (невидимом), например о личности человека – категории метафизической.

В-четвертых, с разделением познания на опытное, связанное с чувствами, и неопытное, связанное с теоретическим (чистым) разумом. Хотя Кант знания, полученные чистым разумом, считал неистинными, тем не менее он их оставил в поле зрения так называемой трансцендентальной философии, которой придавал смысл, ей не принадлежащий: вместо спекулятивно-метафизического (т. е. умозрительно-духовного) смысла придавал опытный смысл, связанный с чувственным познанием.

Здесь автор вновь расходится во мнении с Кантом: невозможно трансцендентное познать чувствами (опытом), но только умопостигаемым путем. Но если все же опытом, то эмпирическую философию Канта следовало бы назвать практической. Но это уже была бы не философия, а один из видов какой-либо естественной теории [2, с. 595].

Кроме того, Кант практический разум, на наш взгляд, загружал не свойственной ему компетенцией – познать через опыт трансцендентный мир. Он полагал, что это возможно, потому что существование Бога подтверждало не только звездное небо над головой, но и ощущение в себе нравственного закона (императива).

Но духовно-нравственные чувства и их антиподы – это всего лишь малая толика необъятного трансцендентного, и оно в некоторой степени доступно лишь умопостигаемому познанию и духовному ведению.

Так что не жаловал он диалектику, если называл ее псевдофилософствованием, «диалектической иллюзией» за то, что она хочет прийти к познанию метафизики, не опираясь на опыт, а чисто умопостигаемым путем. Из сказанного видно, что не получилось у Канта расширить знания диалектики путем «новых смыслов и связей» с трансцендентным.

Гегель (1770–1831 гг. после Р. Х.). Если кратко охарактеризовать суть его учения, то его диалектика – это логика, как и его логика – это диалектика, что в целом поддерживается мнением автора статьи. В этой связи Гегель стремился исследовать и обосновать важнейшие принципы диалектического способа мышления. Мышление, по Гегелю, – это не только субъективная человеческая деятельность, но и независимая от человека объективная его сущность. Ведь человек не может остановить своего мышления, которое постоянно действует даже во сне помимо его воли. В этой связи разум человека рассматривался Гегелем как абсолютная (ни от чего не зависящая) сущность человека, не как неподвижная, неизменная первосущность, а как непрерывно развивающийся процесс познания, восходящий от одной ступени к другой, более высокой.

Основной формой мышления является, по Гегелю, понятие. Поскольку он абсолютизировал мышление, он неизбежно «обожествлял» и понятие. Выступая против материалистического учения о понятии как внешней форме отражения объективной действительности, Гегель писал: «Понятие есть то, что живет в самих вещах, то, благодаря чему они суть то, что они суть, и по-

[1] *«Вещь в себе»* связана с целеполаганием, которое известно только Творцу материального мира. Познанию человека не доступно целеполагание каждого предмета внешнего мира и даже бактерии, ибо все это находится в ведении Господа Бога.

нять предмет означает, следовательно, осознать его понятие» [3, с. 276].

Эти слова Гегеля раскрывают, во-первых, что весь предметный внешний мир был действительно создан Творцом. Во-вторых, при творении каждой вещи объективного мира Творец заложил в нее не только целепологание, но и понятие, которое формулируется человеком при раскрытии сущности вещей и предметов.

Понятия, по Гегелю, находятся в непрерывном движении, переходят, переливаются друг в друга, изменяются, развиваются, превращаются в свою противоположность, обнаруживая внутренние присущие им противоречия, которые и составляют движущую силу их развития согласно действию гегелевского закона взаимного проникновения противоположностей.

Все эти качественные характеристики понятия есть категории метафизические, но классики марксизма перенесли в область материального и наделили ими предметы внешнего мира; из этого получился у них диалектический материализм.

До Гегеля философы противоположность таких диалектических категорий, как тождество и различие, абсолютизировали. Гегель же первым выступил против этого, объяснив: «говоря о тождестве, мы всегда имеем в виду различия, говоря о различии, предполагаем существование тождества». «И смешно говорить, – подчёркивал он, – что противоречие нельзя мыслить» [3, с. 279], имея в виду противоположности, возникающие в мыслительных понятиях.

Смысл логического закона тождества таков: если при утверждении высказывания отрицается закон тождества, то тем самым и отрицается утверждение этого высказывания. Следовательно, согласно этому закону логики, в процессе рассуждения каждое осмысленное выражение (понятие, суждение) должно употребляться в одном и том же смысле [5, с. 457]. Поэтому никакого так называемого диалектического противоречия в силлогизмах (умозаключениях) быть не должно. А иначе будет путаница в их понимании и непоследовательность мысли.

Но без противоречия развитие понятий невозможно. Ведь само развитие понятий происходит в процессе их превращения в свою противоположность, при которой и обнаруживаются внутренние присущие им противоречия. Следовательно, противоречие не должно пониматься как некая аномалия или дефект мыслительного процесса. Потому что противоречие есть взаимосвязь, взаимообусловленность противоположных смыслов всяческих определений (дефиниций).

В связи с устранением противоречия в мышлении гегелевский закон отрицания отрицания стал главным в его диалектике. Отсюда следует, что отрицание противоречивого определения «понятие» есть закономерная ступень процесса развития понятия.

Свое учение об отрицании отрицания Гегель схематически представил в виде триады: тезис – антитезис (отрицание) – синтез (отрицание отрицания). В этом и состоит гегелевское превращение сущности предмета (вещи) в понятие.

Даже краткий обзор гегелевского диалектического учения о мышлении человека свидетельствует, что никакого намёка он не сделал в сторону диалектического развития природы или общества. Наоборот, он был решительным противником тех эволюционных идей, которые в его время выдвигались учёными-естествоиспытателями. Эволюционное учение о происхождении более развитых живых организмов из низших Гегель считал безосновательной идеей, поэтому она не представляла для него никакого интереса.

Природа, по Гегелю, неспособна к развитию во времени, так как «осуждена» на вечное повторение одних и тех же процессов. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере (мышлении человека), появляется новое [3, с. 285].

Маркс К. и Ф. Энгельс подвергли диалектику Гегеля критике и материалистической переработке, в результате появились диалектический и исторический материализм и диалектическая логика.

Если гегелевская диалектика ставит пределы развитию мышления и познания вообще, то марксизм, наоборот, утверждает, что развитие не имеет предела. В этой связи в советскую эпоху назвать учёного «агностиком» считалось оскорблением, так как этот термин как бы был ругательным словом среди интеллигенции.

Классики марксизма (фамилии их указаны выше) и апологеты их учения, начиная с В. И. Ленина, сосредоточили свое внимание именно на гегелевской категории «противоречие». С его характеристики автор начал писать статью. Но теперь кратко продолжим, чтобы убедить читателя, что никакого противоречия, играющего роль причины диалектического (можно сказать, эволюционного) развития материи, нет и быть не может.

Гегелевский закон «взаимного проникновения противоположностей» (под которыми понимаются понятия) классики марк-

сизма переиначили в так называемый диалектический закон «единства и борьбы противоположностей». Ленин В. И. назвал его «ядром диалектики». Однако он видел в нём логическое противоречие между словами «единство» и «борьба», которые исключают друг друга. Закон противоречия в науке логики гласит, что два контрадикторных (противоречивых) суждения не могут быть одновременно истинными, и если одно из них истинно, то другое обязательно ложно. Поэтому Ленин был вынужден внести в этот закон поправку: единство назвал условным (т. е. воображаемым), а борьбу – абсолютной (т. е. действительной). Но и в этом варианте всё равно закон нерабочий. Ведь если нет единства элементов, из которых состоит вещь, то не будет и её самой. Именно единство элементов образует целостность, не неразрывность формы и содержания предмета, а борьба элементов между собой непременно бы разрушила этот предмет.

Следовательно, если бы реально действовал такой закон в материальном мире, то он не дал бы возможности появиться материи вообще. Полагаю, что читатель убедился в отсутствии в действительности такого «диалектического закона», как «единство и борьба противоположностей».

Само же противоречие (в смысле противоположных интересов), конечно же, существует как в самом обществе, так и между государствами. Но они играют негативную роль в развитии социального организма и в межгосударственных отношениях, так как приводят и к преступлениям в обществе, и к войнам между государствами.

Разрешаются противоречия и мирным способом – путём компромиссов и консенсусов. В любом случае противоречия в обществе между людьми и между государствами никогда не играли созидающей роли, которую им хотели приписать классики марксизма своим надуманным диалектическим законом «единства и борьбы противоположностей».

Однако, если вдуматься в историю человечества, то станет очевидным, что логические противоречия в мыслительном процессе человека произошли именно в раю. Изначально первозданный человек располагал здравым непротиворечивым мышлением. Однако первородный грех, преследующий цель человека стать богом, деформировал его разум, и он стал мыслить беспорядочно, иррационально, непоследовательно, путаясь в своих нелогичных умозаключениях.

Поэтому стали формировать различные философские концепции, в которых рассматривались вопросы диалектики, впоследствии сформировавшиеся в специальную науку – логику. И только в рамках этой науки следует рассматривать категорию «противоречия», которая в обязательном порядке упраздняется путем применения законов логики в процессе диалектического развития мышления человека. Все иное, как говорится, от лукавого.

Список источников

1. Забегайло О. Н. История возникновения мира и человека: эволюция или сотворение: учеб. пособие. М.: Военный университет, 2002.
2. Казарян А. Т. Диалектика // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIV.
3. Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Новчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. 2-е изд., перераб. М.: Мысль, 1971.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
5. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963.

Информация об авторе:

Жигарев Евгений Семенович,
профессор кафедры криминологии,
почетный член (академик) РАЕН

About the author:

Zhigarev Evgeny S.,
professor of criminology department,
honorary member (academician)
of the Russian Academy of Natural Sciences

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 10.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-18-23
EDN: https://elibrary.ru/zienek

АФЗАЛЕТДИНОВА ГУЛЬНАРА ХАСАНОВНА
кандидат юридических наук
Российский университет транспорта (МИИТ)
(Москва, Россия)
gulnara.a84@mail.ru

АДАПТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ВНУТРИСИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Аннотация. *Изучение внутрисистемных связей позволяет исследовать правовое регулирование с позиций системного подхода. Это применимо и к особой, мало изученной разновидности правового регулирования – адаптивному правовому регулированию. В статье рассмотрены: функциональные, генеалогические, иерархические, исторические, онтологические, системно-энтропические, генетические, репродуктивно-конструктивные связи.*

Целью исследования является установление особенностей внутрисистемных связей в адаптивном правовом регулировании, их влияние на системные свойства и проявление в самом регулировании.

Рассматриваемые виды связей свидетельствуют о целостности адаптивного правового регулирования, его самостоятельности.

При написании статьи использовались общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция) и частнонаучные методы исследования. В статье акцентируется внимание на недостаточности изученности внутрисистемных связей в правовом регулировании вообще и в разновидностях последнего. Внутрисистемные связи определяют функциональную и структурную целостность рассматриваемого явления и детерминируют системность в праве.

Автором использованы положения общей теории систем.

Ключевые слова: *адаптивное правовое регулирование, системность в праве, внутрисистемные связи, функциональные связи, элемент*

Для цитирования: *Афзалетдинова Г. Х. Адаптивное правовое регулирование: внутрисистемные связи и их взаимодействие // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 18–23; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-18-23.*

AFZALETDINOVA GULNARA KH.
phd of law
Russian University of Transport (MIIT)
(Moscow, Russia)

ADAPTIVE LEGAL REGULATION: INTRASYSTEM COMMUNICATIONS AND THEIR INTERACTION

Abstract. *The study of intra-systemic connections allows us to examine legal regulation from a systems-based perspective. This is also applicable to a special, understudied type of legal regulation – adaptive legal regulation. The article examines functional, genealogical, hierarchical, historical, ontological, systemic-entropic, genetic, and reproductive-constructive connections.*

The purpose of this study is to identify the features of intra-system connections in adaptive legal regulation, their impact on system properties, and their manifestation in the regulation itself.

These types of connections demonstrate the integrity and independence of adaptive legal regulation.

© Афзалетдинова Г. Х., 2026.

This article utilizes general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction) and specific scientific research methods. The article emphasizes the insufficient study of intra-systemic connections in legal regulation in general and in its various forms. Intrasystemic connections that define the functional and structural integrity of the phenomenon under consideration determine systemicity in law.

The author utilizes the principles of general systems theory.

Keywords: *adaptive legal regulation; systematicity in law; intra-systemic connections; functional connections; element*

For citation: *Afzaletdinova G. Kh. Adaptive legal regulation: intrasystem communications and their interaction // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 18–23; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-18-23.*

Развитие в различных сферах общества, секторах народного хозяйства, переход на иной порядок взаимодействия производителей, потребителей и поставщиков посредством экосистем в рамках платформенной экономики, необходимость внедрения в различные сферы экономики подтвердивших свою результативность экспериментальных правовых режимов и многое другое свидетельствует о переходе на иную ступень и в правовом регулировании отмеченных процессов. На примере необходимости внедрения беспилотных летательных аппаратов в иные сферы экономики прослеживается необходимость иных, гибких, оперативных вариантов правового регулирования, действующих совместно с существовавшей ранее моделью регулирования. В целях познания сущности детерминируемой разновидности регулирования предлагаем рассмотреть особенности внутрисистемных связей между элементами.

Под условным обозначением «адаптивное правовое регулирование» мы понимаем комплекс правовых средств и правовых механизмов, действующих в определенной логической последовательности, направленных на гибкое приспособление субъектов к изменившимся и изменяющимся условиям, создание для последних благоприятных условий, а также с целью ускоренного «внедрения» развивающихся технологий в сферы общественной жизни, нивелирования фактического неравенства посредством расширения правомочий, особого сочетания и взаимодействия правовых средств стимулирующей и ограничивающей направленности. Такое регулирование распространяется на уязвимых субъектов правоотношений (инвалидов, участников войн, военных операций, публично-правовые образования) в целях условного «выравнивания» их с другими субъектами, вовлечения их в правовую жизнь.

В правовой конструкции, к которой относится адаптивное правовое регулирование, исследование взаимодействия элементов между собой и обеспечение выполнения определенного регулятивного назначения невозможно без обращения к внутрисистемным связям.

Адаптивное правовое регулирование можно рассматривать как систему, обладающую свойствами целостности и другими, так и системный комплекс. Достижение целей адаптивного регулирования коррелирует со степенью взаимодействия между элементами. «Предметом изучения целостной системы оказываются прежде всего ее структура, законы соединения частей в некое структурное или функциональное целое, их внутренние механизмы и интегральные закономерности. Во втором же случае предметом изучения становятся связи, взаимодействия и отношения двух или нескольких объектов-систем, образующих полисистемный комплекс» [6, с. 57].

Единство интеграции и дифференциации позволяет нам, с одной стороны, исследовать адаптивное правовое регулирование как правовой феномен, самостоятельный вид правового регулирования и в то же время изучать его структурные элементы и внутрисистемные связи, функционирующие как единое целое.

В связи с тем, что адаптивное правовое регулирование задействует нормы права, относящиеся к различным отраслям права, правовым институтам, субинститутам и иным укрупненным блокам, а также нормы права, действующие непродолжительное время (например, регламентирующие предоставление правовых льгот, юридических гарантий и иных мер участникам специальной военной операции (далее – СВО) и их семьям)[1], формируется иной характер

[1] Об утверждении Правил предоставления и оплаты услуг по санаторно-курортному лечению, медицинской реабилитации лиц, указанных в части 10 статьи 7 Федерального закона «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», в центрах реабилитации Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28.12.2024 № 1960 // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411138249/ (дата обращения: 19.12.2025).

внутрисистемного взаимодействия между нормами права, прежние внутрисистемные связи получают корректировку, существенно трансформируются. Исследование адаптивного правового регулирования как системного комплекса, включающего правовые средства и формы их воздействия на общественные отношения, направлено на выявление особенностей взаимодействия между элементами посредством тех или иных внутрисистемных связей.

Справочная литература раскрывает термин «связь» как «взаимообусловленность существования явлений, разделенных в пространстве и (или) во времени» [3, с. 266].

Не всякое взаимодействие образует связь. При рассмотрении правового регулирования с позиций системного подхода связь как внутрисистемного характера, так и связь с другими элементам сопоставляют с оказанием определенного влияния на элементы, части. Благодаря внутрисистемным связям элементы рассматриваемого вида регулирования не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы.

Исследованию видов и особенностей связей в праве посвящены работы следующих теоретиков права: С. С. Алексеева [1, с. 38, 39], Т. В. Кашаниной [5, с. 156, 157], Л. Б. Тиуновой [9, с. 14], А. Ф. Черданцева [10, с. 10–17] и других, в меньшей мере этому посвящены исследования представителей отраслевых наук: С. В. Полениной [8, с. 21–28], А. А. Гончарова [4, с. 1–140]. Так, профессор Т. В. Кашанина выделяет в структуре права функциональные, генеалогические и иерархические связи [5, с. 156, 157]. Такие связи в праве, безусловно, демонстрируют взаимодействие между структурными элементами правовой системы в целом и между отраслями, правовыми институтами, правовыми нормами. В рамках адаптивного правового регулирования данные связи также проявляются, но вместе с тем они приобретают и некоторые особенности, состоящие во взаимодействии и расширении спектра действия конкретных видов внутрисистемных связей. Рассмотрим их подробнее.

Функциональные связи между структурными элементами правовой системы обеспечивают осуществление направлений правового воздействия на анализируемые общественные отношения, позволяют рассматривать с позиций функциональности, т. е. динамики. «Функциональные – это связи, выражающие взаимообусловленность и взаимную зависимость юридических норм, правовых институтов, отраслей права в процессе их функционирования» [1, с. 38, 39]. Так, закрепленная в ч. 3 ст. 37 Конституции России юридическая гарантия о том, что «каждый имеет право на труд», без имеющихся функциональных связей субординации в адаптивном правовом регулировании со ст. 20 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»[1], предусматривающей обязанность для работодателя по обязательному созданию квот для приема на работу инвалидов, в зависимости от среднесписочной численности у каждого работодателя, то есть действие общих норм побуждает к действию специальные нормы. Это позволяет создать юридические условия, включить их в трудовую деятельность, приспособить их к последней в связи с ограничением их жизнедеятельности, поскольку они в силу физических данных, ограничений со здоровьем объективно не могут наравне с иными осуществлять трудовую деятельность. Отношения субординации распространяются не только на содержание права, но и на форму права, проявляясь в иерархии законодательства и нормативных правовых актов. Функциональные связи обеспечиваются также отношениями координации, имеющими однопорядковую плоскость регулирования, проявляющегося в единстве регулятивных и охранительных норм, материальных и процессуальных. Отношения субординации и координации способствуют выстраиванию в праве вертикальной и горизонтальной структур соответственно, составляют основу функциональных связей, проявляются в регулировании общественных отношений с использованием различных отраслей права. Многообразие функциональных связей в праве, их взаимодействия и форм выражения детерминирует такое же свойство в функциях права.

Специализация норм права на уровне отрасли права, правового института детерминирует субординационные связи в праве, которые тесно переплетаются с иными внутрисистемными связями.

[1] О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (с изм. и доп. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

В законодательстве, опосредующем правовые связи, возникающие при адаптивно-правовом регулировании, связи субординации и координации не существуют изолированно, не осуществляют свою связующую роль без взаимодействия, корреляции. Тем самым в правовом регулировании зачастую затруднительно выделить внутрисистемные связи в «чистом виде». Сложно представить действие права без возможности обращения в суд и составления искового заявления, в котором находят отражение материальные нормы, например регулирующие гражданско-правовой договор, и процессуальные.

Связи субординации приобретают определенную специфику, выражающуюся в определении места рассматриваемого регулирования в системе правового регулирования и социального регулирования в целом.

Присущие природе права связи координации и субординации проявляются в правовом регулировании, «закладываются» в процессе правотворческой деятельности. Справедливо отмечено, что «функциональные связи складываются изначально в процессе развития самого права, а не являются результатом генетических, структурных связей» [7, с. 34].

Генеалогические связи позволяют проанализировать содержание, многоуровневость структурных элементов, подсистем адаптивного правового регулирования. Так, правовые нормы, регламентирующие предоставление юридических дозволений, правовых льгот и обязанностей инвалидам, входят в правовые институты трудового права и права социального обеспечения, то есть носят межотраслевой характер. Правовые нормы, обеспечивающие адаптивное правовое регулирование, выражают определенную иерархию ценностей, потребностей. «В отличие от генетических связей связи генеалогические показывают зависимость правовых норм от внешних факторов и характеризуют их довольно красноречиво» [5, с. 156, 157].

В связи с тем, что система права имеет иерархию, то при рассматриваемом виде регулирования, если используются правовые нормы, относящиеся к разным уровням, задействуются иерархические связи.

«Структура несет в себе тип, способ связей, совокупность устойчивых взаимосвязей …» [9, с. 14]. Структурные связи между элементами адаптивного правового регулирования обеспечивают единство рассматриваемой правовой конструкции, целостность, позволяют исследовать объект в статике. Структурные связи обеспечивают взаимозависимость целого от частей, определяются целью регулирования и претерпевают изменения в связи с её корректировкой. Трансформация в структурных связях детерминирует изменение качественного состояния регулирования. Посредством данного вида связи осуществляется преобразование структурных элементов, задействованных в механизме адаптивного регулирования. Если последний в каких-то случаях будет сам выступать сложной системой, то в качестве самостоятельных элементов могут рассматриваться отдельные виды связей. Структурные связи непосредственно связаны с функциональными связями, поскольку последние немыслимы без взаимодействия элементов, и связями, их обеспечивающими. Функциональные связи являются подтверждением жизнеспособности, динамических свойств рассматриваемого вида регулирования.

Просматривается тенденция по выделению новых видов связей. Среди последних считаю необходимым отметить связи исторические, онтологические, системно-энтропические, генетические, репродуктивно-конструктивные.

Исторические связи исследуют взаимосвязи в процессе развития нормативных правовых актов, содержащих нормы адаптивного правового регулирования, и исторических процессов. Данные связи отражают объективные процессы, в частности противостояние угрозе распространения COVID-19 повлекло как принятие самостоятельных нормативных правовых актов, так и внесение изменений в действующие. Например, в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ[1] Федеральным законом от 08.12. 2020 № 407-ФЗ[2] в ст. 312.1–312.9 внесены изменения, регламентирующие

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[2] О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_370070/ (дата обращения: 25.12.2025).

режим труда и отдыха с дистанционным работником, что явилось отражением процессов, затронувших различные сферы человеческой деятельности при борьбе с вирусной инфекцией. Также исторические связи помогают проследить и проанализировать вносимые изменения в законодательство, понять их причину.

Онтологические связи рассматривают изучаемое правовое явление сквозь призму онтологических категорий: бытие и небытие, материальное и идеальное и др. Эти категории используются и при выстраивании онтологических связей в адаптивном правовом регулировании, что применимо в системной методологии. Данные связи позволяют структурировать юридические знания посредством использования онтологических категорий и их свойств.

Системно-энтропические связи рассматриваемого вида регулирования позволяют определить меру неопределенности в изучаемом правовом явлении или хаоса, что присутствует при более детальном анализе. Зачастую связь между элементами может сопровождаться процессами, приводящими к противоречиям, что может прослеживаться, например, на этапе правотворческой деятельности.

Генетические связи в адаптивном правовом регулировании показывают такое взаимодействие, как возможность применения правил или юридических конструкций одной отрасли при регулировании предмета другой отрасли. В качестве примера можно привести нормы-дефиниции, закрепленные в одной отрасли права, используемые в другой. Так, в праве социального обеспечения в ст. 1 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» закреплены дефиниции «инвалид», «ограничение жизнедеятельности», используемые за пределами правового регулирования данной отрасли, выстраивая таким образом зависимости между отраслями права.

Генетические связи проявляются посредством широкого круга факторов и обстоятельств, имеющих как правовую природу, так и экономическую, социальную (в качестве примера можно привести зависимость некоторых социальных пособий от установленного минимального размера оплаты труда) и др. Например, социальная дифференциация нейтрализуется посредством предоставления правовых стимулов слабо защищенным в социальном отношении субъектам (инвалидам, участникам войн и специальной военной операции), осуществляется посредством адаптивного правового регулирования.

Репродуктивно-конструктивные связи выражаются в том, что нормы анализируемого вида регулирования выступают базой для формирования новых институтов в других областях права, например в праве социального обеспечения, что свидетельствует о наличии внутрисистемных связей в праве и законодательстве. Развитие адаптивного правового регулирования способствует таким же тенденциям и в отраслях права.

Генетические, структурные и функциональные связи являются системообразующими. Последний вид связи определяет и изменяет структурные связи и структуру, развитие структурных элементов адаптивного правового регулирования. Генеалогические, исторические, онтологические, системно-энтропические, репродуктивно-конструктивные связи следует отнести к системоприобретенным.

Корреляция *внутрисистемных связей* проявляется в том, что некоторые виды связей не только не функционируют без других, но и отчасти определяют их развитие. Так, функциональные связи сложно представить без структурных, генетических.

Внутрисистемные связи, группируясь в системообразующие и системоприобретенные, выражая определенные блоки, зависимость, проявляются как на уровне нормы права, правовых предписаний, так и межотраслевых связей, влияющих на эффективность правового регулирования в соответствующей сфере. Находя выражение в определенных структурно-логических формах и посредством них проявляясь в правовом регулировании и определяя его эффективность, внутрисистемные связи слабо заметны, отчасти по этой причине внимание к ним ученых-правоведов не столь явное.

Системообразующие связи в праве, совместно с нормами-принципами, нормами-дефинициями, общими нормами, юридическими конструкциями, выступают системообразующими факторами, формируют основу в правовой системе, на которой в последующем развивается правовое регулирование и отдельные его разновидности. Эффективность адаптивного правово-

го регулирования определяется качеством системообразующих связей, но не сводится к ним.

Классификация типов связей позволяет продемонстрировать их системные характеристики. В системном подходе И. В. Блауберг и Э. Г. Юдиным предложена классификация связей, согласно которой ими выделены связи взаимодействия, порождения, преобразования, строения, функционирования, развития, управления [2, с. 188–190]. В результате *связей взаимодействия* происходит взаимное воздействие элементов друг на друга, данные связи обеспечивают признак эмерджентности. К последнему виду связей относят отношения субординации и координации, действующие в рамках многообразных функциональных связей. К *связям порождения* относят генетические и репродуктивно-конструктивные; к *связям преобразования* – исторические, к *связям строения* – структурные, к *связям функционирования* – функциональные, к *связям развития,* сопровождающимся существенными изменениями, – онтологические, системно-энтропические, к *связям управления*, обеспечивающим целенаправленное регулирование, – генеалогические.

Наличие в адаптивном правовом регулировании разнообразных по юридической природе и сфере распространения связей обеспечивает внутрисистемное взаимодействие элементов с целью решения задач, стоящих перед данным видом регулирования. Внутрисистемные связи показывают зависимость между нормами рассматриваемого вида регулирования, являются проявлением системных свойств, наглядно демонстрируя выражение в правовой действительности таких категорий, как общая и специальная норма, субординация и координация, что свидетельствует о целостности права.

Список источников

1. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: из-во «Юридическая литература», 1975.
2. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
3. Большая советская энциклопедия. В 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров; 3-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1976. Т. 23.
4. Гончаров А. А. Горизонтальный уровень федеративных отношений: вопросы правового регулирования отношений между субъектами Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002.
5. Кашанина Т. В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2020.
6. Кузьмин В. П. Системный подход в современном научном познании // Вопросы философии. 1980. № 1.
7. Левченко В. М. Субординация в структуре права России (функциональные аспекты): монография. Рязань: Ин-т права и экономики МВД России, 1996.
8. Поленина С. В. Субсидиарное применение норм гражданского законодательства к отношениям смежных отраслей // Советское государство и право. 1967. № 4.
9. Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности: методология и теория. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 1991.
10. Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. № 8.

Информация об авторе:

Афзалетдинова Гульнара Хасановна,
доцент кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института

About the author:

Afzaletdinova Gulnara Kh.,
associate professor of the department of theory of law, civil law and civil procedure Law institute

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 21.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-24-27
EDN: https://elibrary.ru/nnziqd

МЕЛЕНТЬЕВ АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
МИРЭА – Российский технологический университет
(Москва, Россия)
melentev@mirea.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО ОБЫЧАЯ В ПРАКТИКЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (1861–1917 ГГ.)

Аннотация. *Статья посвящена анализу эволюции роли правового обычая в деятельности волостных судов Центральной России в период с 1861 по 1917 год. На основе междисциплинарного подхода и анализа архивных материалов рассматривается уникальный статус волостного суда как института, сформированного крестьянской реформой для разрешения споров на основе местных обычаев «обычного права». В работе прослеживается динамика изменений организационно-правовых основ волостной юстиции от «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» (1861 г.) до «Закона о преобразовании местного суда» (1912 г.).*

Автор показывает, как в практике судопроизводства по семейным, наследственным, земельным спорам и обязательствам происходило столкновение и взаимодействие патриархальной традиции, основанной на представлениях о «правде» и «справедливости», и новых формально-правовых норм.

Ключевые слова: *волостной суд, правовой обычай, обычное право, пореформенное крестьянство, судопроизводство, правовая культура, крестьянская реформа 1861 года, земский начальник, сельское правосудие*

Для цитирования: *Мелентьев А. В. Эволюция применения правового обычая в практике волостных судов Центральной России (1861–1917 гг.) // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 24–27; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-24-27.*

MELENTEV ANDREY V.
MIREA – Russian Technological University
(Moscow, Russia)

THE EVOLUTION OF THE APPLICATION OF LEGAL CUSTOM IN THE PRACTICE OF THE VOLOST COURTS OF CENTRAL RUSSIA (1861–1917)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the evolution of the role of legal custom in the activities of the volost courts of Central Russia in the period from 1861 to 1917. Based on an interdisciplinary approach and analysis of archival materials, the unique status of the volost court as an institution formed by the peasant reform to resolve disputes based on local customs of «customary law» is considered. The paper traces the dynamics of changes in the organizational and legal foundations of volost justice from the «Regulations on Peasants emerging from serfdom» (1861) to the «Law on the Transformation of the Local Court» (1912).*

The author shows how, in the practice of judicial proceedings on family, inheritance, land disputes and obligations, there was a clash and interaction of the patriarchal tradition based on the concepts of «truth» and «justice», and new formal legal norms.

Keywords: *volost court, legal custom, customary law, post-reform peasantry, legal proceedings, legal culture, peasant reform of 1861, zemstvo chief, rural justice*

© Мелентьев А. В., 2026.

For citation: *Melentev A. V. The evolution of the application of legal custom in the practice of the volost courts of Central Russia (1861-1917) // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 24–27; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-24-27.*

Волостной суд, созданный в ходе крестьянской реформы 1861 года, стал уникальным институтом, соединившим в себе элементы сословного самоуправления и государственной юстиции. Его деятельность основывалась на принципе, согласно которому «суд должен решить дело по совести, на основании имеющихся в деле доказательств; никакими формальными требованиями, кроме указанных в правилах, он при этом не стеснен» [1, с. 19]. Однако главной особенностью судопроизводства стало официальное признание норм обычного права в качестве источника для разрешения споров между крестьянами. Это решение законодателя было вынужденным, но прагматичным: «Законов крестьяне не знают, да и некоторые законы в корне противоположны по своей идеи крестьянским традициям и воззрениям» [1, с. 13–14]. Таким образом, волостной суд превратился в «лабораторию» взаимодействия устной правовой традиции и формирующегося общеимперского законодательства.

Организационно-правовые основы волостной юстиции претерпели значительные изменения от «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», утверждённых 19 февраля 1861 г., до «Временных правил о волостном суде» (входящих в пакет законов, утверждённых 12 июля 1889 г.) и «Закона о преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. Изначально суд задумывался как временная мера, призванная оградить крестьянскую жизнь от резкого вмешательства чуждых ей формальных норм. Как отмечалось в документах Редакционных комиссий, «мысль Административного отделения та, чтобы крестьяне имели пока суд для разбора своих собственных дел, которые во все времена их крепостного состояния ведению общих наших учреждений совсем не подлежали. Такие дела могут быть разрешаемы только по существующим у крестьян обычаям…»[1]. Однако созданный как временный, волостной суд просуществовал в своей сословной форме более полувека, и его эволюция отражала общую логику модернизации страны. Реформа 1889 года, введя фигуру земского начальника, резко усилила административный контроль над волостным судом, подчинив его государственной бюрократии, что, по мнению исследователей, привело к «царству полицейской гегемонии»[2]. Закон о преобразовании местного суда 1912 года, напротив, пытался вернуть суду элементы самостоятельности, включив его в общую судебную систему, но последовательная реализация этих планов была прервана войной и революцией.

Практика применения правового обычая в волостных судах была крайне разнообразной и зависела от характера спора. В семейных отношениях обычай закреплял патриархальную власть «большака», однако суды, вникая во внутренние обстоятельства конфликтов, применяли этот принцип не формально, а стремились найти решение, соответствующее представлениям о справедливости внутри крестьянского мира. Например, при рассмотрении дел о краже, совершенной по научению главы семьи, волостные суды, следуя патриархальным принципам обычного права, могли полностью переложить ответственность с фактического исполнителя на главу семьи как организатора. Иллюстрацией служит случай, описанный в 1898 году: крестьянин послал жену воровать пеньку, и после ее поимки суд, признав его вину основной, приговорил мужа к пятнадцати суткам ареста. Таким образом, к жене или детям, выступавшим в роли подневольных исполнителей, применялось существенное снисхождение [1, с. 19]. Эта логика, где статус и роль в семье напрямую влияли на меру ответственности, проявлялась и в гражданских делах.

В делах о наследовании волостные суды руководствовались не нормами Свода законов, а местными представлениями о справедливости, часто основанными на принципе трудового участия в создании семейного имущества. Специфика хозяйственного уклада, при котором «все имущество являлось семейной собственностью», предопределяла подход, при котором право на наследство связывалось

[1] Волостной суд по законам 1861, 1889 и 1912 годов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 513. Ед. хр. 2624. Л. 2.

[2] Там же. Л. 24.

с личным вкладом каждого члена семьи [5, с. 74].

Земельные споры, составлявшие значительную часть дел, наиболее ярко демонстрировали примат общинного интереса над формальным правом отдельного домохозяина. Однако исследования показывают, что «наиболее активные крестьяне уже в 60–70-е гг. XIX в. обращались в крестьянский суд для решения «по справедливости» целого ряда вопросов жизни, в том числе земельного и, даже, с жалобой на сельский сход» [3, с. 53]. Это свидетельствует о внутренней дифференциации крестьянской среды и использовании суда как инструмента защиты своих интересов в рамках традиционных институтов. В делах по обязательствам (займам, договорам подряда) на смену устным договоренностям, гарантированным лишь репутацией в замкнутом мире общины, постепенно приходили письменные расписки. Этот процесс фиксировали уже материалы 1870-х годов: «появление с начала 1870-х гг. письменных расписок взамен устного обязательства и требование «бумажного факта» судом» [3, с. 53]. Такая трансформация обычая отражала развитие товарно-денежных отношений и растущую мобильность населения.

Важнейшей чертой народной юстиции был ее глубоко персонифицированный характер. Судьи принимали решения, «глядя по человеку», то есть учитывая репутацию, хозяйственное положение, семейные обстоятельства сторон. В этом проявлялся не произвол, а особое понимание справедливости, основанное на полном знании контекста жизни тяжущихся. Как отмечали сами крестьяне, «судом своим довольны… судьи, зная хорошо каждого крестьянина, знают поэтому, кого иногда надо постращать, а кого помиловать» [2, с. 70].

Оборотной стороной глубокой вовлеченности судей в жизнь общины стала уязвимость самой судебной процедуры к постороннему влиянию и внутренним договоренностям. Патриархальный принцип формирования суда из числа «своих» – соседей или даже родственников, объективно создавал риски сговора, давления на судей со стороны заинтересованных лиц или местных властей в лице волостного старшины или писаря. Ситуация усугублялась низким социальным и материальным статусом судей, их частой неграмотностью и, как следствие, зависимостью от того же писаря при ведении дел. Неудивительно, что крестьяне воспринимали избрание в волостные судьи не как почетную обязанность, а как тяжелую и неблагодарную повинность, чреватую ссорами с односельчанами, «кому охота своего же брата судить, только ссора, да неудовольствие, а чего доброго и беда от этого произойти может» [6, с. 133–135], так объясняли они свое нежелание занимать эту должность. Эта двойственность, глубокое знание обстоятельств жизни тяжущихся при одновременно высокой вероятности неправового влияния на решение была неотъемлемой характеристикой сословного крестьянского правосудия.

В то же время главной целью суда часто было не наказание, а примирение сторон и восстановление мира. Широко практиковались мировые сделки, а в случае недостатка доказательств дело решали на основании «божбы» (крестьянина заставляли перекреститься перед образом для подтверждения своих показаний), применялся обычай «грех пополам», когда убытки делились между истцом и ответчиком [5, с. 78]. Эта практика, уходящая корнями в глубокую древность, была жива еще в пореформенный период, особенно в земледельческих регионах.

К концу XIX – началу XX века роль обычая в волостном судопроизводстве начала меняться под влиянием ряда факторов: роста грамотности, отходничества, деятельности земств и мировых судов. Крестьяне, побывавшие в городах или служившие присяжными заседателями, приносили в деревню знания об официальном законодательстве. Это вело к своеобразному «правовому дуализму»: в бытовых, земельных и семейных спорах по-прежнему доминировал обычай, тогда как в коммерческих вопросах крестьяне все чаще стремились обращаться к источникам нормативного права. Сами волостные суды, особенно после 1889 года, испытывали растущее давление со стороны земских начальников, которые требовали руководствоваться законом, а не обычаем. В результате, как констатировала комиссия Любощинского, в протоколах все чаще появлялась формулировка: «Обычаев нет, решаем по закону»[1], хотя за этой формальной фра-

[1] Волостной суд по законам 1861, 1889 и 1912 годов // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 513. Ед. хр. 2624. Л. 17.

зой зачастую скрывалось все то же решение «по справедливости» и «по человеку».

Таким образом, практика волостных судов в 1861–1917 гг. представляет собой динамичную картину постепенного, но неполного и противоречивого вытеснения правового обычая формальным законом. Волостной суд выступал в качестве буфера между двумя правовыми культурами – традиционной крестьянской и модернизационной государственной. С одной стороны, он консервировал патриархальные нормы, с другой, стал каналом их постепенной трансформации под влиянием новых экономических и социальных реалий. Решения волостных судов, будучи массовым историческим источником, позволяют услышать «живой голос» русского крестьянина, увидеть, как народные представления о правде и справедливости адаптировались к меняющемуся миру, создавая уникальный сплав традиции и новации в правовой жизни пореформенной деревни.

Список источников

1. Безгин В. Б. Волостной суд сельской России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12.
2. Духовской М. В. Имущественные преступления по решениям волостных судов. М.: тип. М. П. Щепкина, 1891.
3. Земцов Л. И. Решения волостных судов как источник по истории крестьянства 60–70-х гг. XIX в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Тезисы докладов и сообщений XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Рязань, 21–24 сентября 2010 г.). М., 2010.
4. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н. П. Семенова. Т. I. СПб., 1889.
5. Тарабанова Т. А. Правовая культура пореформенного крестьянства (волостное судопроизводство) // Уральский исторический вестник. 1995. № 2.
6. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873–1874. Т. II.

Информация об авторе:

Мелентьев Андрей Витальевич,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления

About the author:

Melentev Andrey V.,
lecturer of the department of state
and legal disciplines
at the Institute of management technologies

Статья поступила в редакцию 25.12.2025;
одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.12.2026;
approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-28-39
EDN: https://elibrary.ru/zdelic

НЕВСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
nevskiy40@mail.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД – ОРГАНИЗАТОРЫ И РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье рассматривается деятельность органов НКВД СССР по организации и руководству партизанским движением в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. До создания в 1942 г. Центрального штаба партизанского движения органы НКВД СССР осуществляли значительную часть работы в данной сфере. С первых дней войны органы НКВД совместно с партийными организациями прифронтовых областей развернули работу по подготовке и засылке в тыл противника партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп. Часть партизанских формирований создавались на базе истребительных батальонов НКВД, из сотрудников местных органов НКВД. Большую роль в развитии партизанского движения сыграли пограничные войска, непосредственно создававшие партизанские формирования для действий в тылу врага. Военнослужащие войск НКВД, оказавшиеся в тылу противника, перешли на партизанские методы борьбы, ряд из них возглавили партизанские отряды. Сотрудники НКВД возглавили или стали членами региональных штабов партизанского движения. В статье приведены биографические данные представителей НКВД, внесших большой вклад в развитие партизанского движения*[1].

Ключевые слова: *органы НКВД, партизаны, партизанские отряды, партизанская бригада, штабы партизанского движения, пограничные войска, истребительные батальоны*

Для цитирования: *Невский С. А. Представители органов и войск НКВД – организаторы и руководители партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 28–39; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-28-39.*

NEVSKIY SERGEY A.
doctor of law, professor
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

REPRESENTATIVES OF THE NKVD BODIES AND TROOPS – ORGANIZERS AND LEADERS OF THE PARTISAN MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. *The article examines the activities of the NKVD of the USSR in organizing and leading the partisan movement during the Great Patriotic War of 1941 – 1945. In the first days of the war, the NKVD bodies, together with the party organizations of the front-line regions, launched work on the preparation and dispatch of partisan detachments, extermination, sabotage and reconnaissance groups to the enemy's rear. Some of the partisan formations were created on the basis of the NKVD extermination battalions, from employees of local NKVD bodies. An important role in the development of the partisan movement was played by the border troops, which directly created partisan formations for operations in the enemy's rear. The servicemen of the NKVD troops, who found themselves behind enemy lines, switched to partisan methods*

© Невский С. А., 2026.

[1] Фото к статье использованы из открытого доступа сети «Интернет».

of struggle, a number of them led partisan detachments. NKVD employees headed or became members of the regional headquarters of the partisan movement. The article contains biographical data of representatives of the NKVD who made a great contribution to the development of the partisan movement.

Keywords: *NKVD bodies, partisans, partisan detachments, partisan brigade, headquarters of the partisan movement, border troops, extermination battalions*

For citation: *Nevskiy S. A. Representatives of the NKVD bodies and troops –organizers and leaders of the partisan movement during the Great Patriotic war // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). С. 28–39; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-28-39.*

В ранее опубликованных работах [1, с. 100–106; 2, с. 943–953] отмечалась значительная роль органов НКВД СССР в организации борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. В первые месяцы войны сотрудники органов и военнослужащие войск НКВД СССР осуществляли большую работу по содействию партийным и советским органам в организации партизанских отрядов, подборе командных кадров для партизанских формирований, непосредственному созданию партизанских формирований, подготовке партизан к ведению боевых действий в тылу врага, ведению разведывательной и контрразведывательной работы и др.

Сотрудники НКВД СССР принимали непосредственное участие в работе региональных органов по организации и руководству партизанским движением. Например, в Московской области областной комитет ВКП(б) для руководства партийным подпольем и партизанским движением создал в июле 1941 г. областной штаб, действовавший до января 1943 г. (в его состав вошли секретари МК: С. Я. Яковлев – руководитель, Б. Н. Черноусов, П. А. Поздеев, Н. П. Фирюбин, А. И. Максимов, председатель Мособлсовета П. С. Тарасов, начальник Управления НКВД по Москве и Московской области М. И. Журавлев) [10, с. 536].

Журавлев Михаил Иванович,
начальник УНКВД по Москве и Московской области
с февраля 1941 г. по январь 1948 г.

В Ленинграде бюро обкома партии 2 августа 1941 г. образовало «тройку» по руководству партизанским движением на территории области (секретарь Ленинградского обкома партии Г. Х. Бумагин, заведующий военным отделом Ленинградского обкома партии М. Ф. Алексеев, сотрудник областного управления НКГБ Л. И. Кожевников). 27 сентября 1941 г. постановлением Военного совета Ленинградского фронта был утвержден Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД, в который вошли секретарь обкома М. Н. Никитин – начальник штаба, начальник разведывательного отдела Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев, начальник УНКВД по Ленинградской области П. Н. Кубаткин, заведующий военным отделом Ленинградского обкома партии М. Ф. Алексеев и др. [20; с. 48–49, 56].

Кубаткин Петр Николаевич,
начальник УНКВД по Ленинградской области
с 23 августа 1941 г. по 7 мая 1943 г.

В докладной записке НКГБ БССР в НКГБ СССР и НКВД СССР об организации партизанских отрядов и групп, датированной 5 июля 1941 г., сказано: «после захвата противником некоторой части Белорусской ССР для нанесения поражения немецким войскам в тылу совместно с ЦК КП(б) Белоруссии на захваченной территории из числа работников НКГБ и НКВД центрального аппарата и курсантов межкраевых школ 26 июня 1941 г. была начата организация партизанских отрядов в районах,

частично занятых противником и прилегающих к фронтовой полосе, с целью поднятия на борьбу с врагом всего населения… 26 июня с. г. было организовано 14 партизанских отрядов общей численностью 1 162 человека, в их составе оперативных и руководящих работников НКГБ – 539 человек, работников НКВД и милиции – 623 человека…» [12, с. 187–188].

В докладной записке о проделанной работе Управлением НКВД – НКГБ, его 4-м отделом, периферийными органами и оперативными группами по организации и развитию партизанского движения в Орловской области до разделения на Орловскую и Брянскую за период с августа 1941 г. до мая 1944 г., датированной 17 января 1945 г., отмечено, что в августе – октябре 1941 г. районные отделения НКВД – НКГБ Орловской области при помощи райкомов ВКП(б) создавали и обучали истребительные батальоны в районах, находившихся под угрозой вторжения немецких войск, быстро комплектовали партизанские отряды, вооружали и обучали партизан, закладывали продовольственные базы и запасы боевых средств и т. п. Был организован и переброшен в район Брянского фронта оперативный штаб 4-го отдела в количестве 13 оперативных работников; непосредственно на линии фронта из числа других работников УНКВД – УНКГБ и периферийных органов были созданы Трубчевская, Выгоничская и Дятьковская оперативные группы, занимавшиеся формированием партизанских отрядов и подготовкой диверсионных групп, перебрасыванием их в тыл противника. К концу 1941 г., когда все районы Орловской области (за исключением трех районов – Красненского, Чибисовского, Задонского) были оккупированы противником, в 63 районах области периферийными органами государственной безопасности было создано 72 партизанских отряда общей численностью 3 257 человек и 87 партизанских групп с общим числом бойцов 615 человек. В составе партизанских отрядов и групп было оставлено 235 работников НКВД – НКГБ, милиции, военизированной пожарной охраны, значительная часть которых возглавила партизанские формирования. В докладной записке указано, что «в периоды, когда фашистские войска прорывали оборону наших войск на различных участках фронта, в частности, когда произошел прорыв нашей обороны на реке Десна в начале октября 1941 г., многие начальники и оперработники райотделений остались в тылу противника, причем некоторые из них стали во главе ранее организованных ими отрядов и групп, а другие вступили в отряды в качестве бойцов».

В докладной записке особо отмечается деятельность руководителя опергруппы 4-го отдела Дмитрия Васильевича Емлютина, работавшей на территории Трубчевского района Орловской области. Оперативная группа, в результате прорыва противником фронта на реке Десна, оказалась в его тылу и занималась работой по организации новых партизанских отрядов и пополнением отрядов личным составом. В состав группы Д. В. Емлютина входили: начальник Трубчевского РО НКВД Абрамович, оперуполномоченный Трубчевского РО НКВД Зарайский, начальник Навлинского РО НКВД Кугучев, начальник Навлинского РОМ А. И. Кубышкин и др. оперативные работники. Объединив партизанские отряды, группа Д. В. Емлютина приступила к проведению боевых операций. К январю 1942 г. было объединено шесть отрядов с общей численностью партизан более трех тысяч человек. Партизанское движение на базе этих отрядов охватило все юго-западные районы Орловской области (южная часть Брянских лесов) [8, с. 536–538].

Емлютин Дмитрий Васильевич. *С сентября 1941 г. – начальник Мглинского РО НКВД Орловской области. С октября 1941 г. находился в тылу врага в составе партизанского отряда. С апреля 1942 г. возглавлял объединенное командование партизанских отрядов в юго-западных районах Орловской области и северной части Сумской области. На юге Брянских лесов был создан партизанский край с населением более 200 тыс. человек. Летом 1943 г. Д. В. Емлютин руководил обороной партизанского края от двух немецких и двух венгерских дивизий. С конца 1943 г. – в Центральном штабе партизанского движения, затем в органах госбезопасности. Герой Советского Союза. Полковник.*

Емлютин Дмитрий Васильевич

В докладной записке о результатах оперативно-чекистской работы НКВД – НКГБ Крымской АССР в организации и деятельности партизан Крыма за период с 1941 по 1944 год, датированной 22 февраля 1945 г., говорится, что формирование партизанских отрядов в Крыму было начато в августе 1941 г. Практически этой работой занимались партийные органы и органы НКВД – НКГБ Крымской АССР. Партизанские отряды комплектовались за счет местного населения, партийно-советского актива и частично сотрудников НКВД – НКГБ и милиции Крыма. Общее и оперативное руководство партизанским движением Крыма осуществлялось специально созданным штабом главного руководства, на территории, находившейся под контролем партизан, – районными штабами, в руководстве которых на положении заместителей командиров партизанских отрядов по чекистской работе находились оперативные работники органов НКВД – НКГБ Крыма. В докладной записке отмечено, что в 1941 году 28 партизанских отрядов были созданы при непосредственном участии органов НКВД Крыма, в дальнейшем комплектование и руководство партизанскими отрядами осуществлялось по линии штаба партизанского движения Крыма [8; с. 563, 578].

В литературе указано, что директивой НКВД СССР от 11 сентября 1941 г. «О мероприятиях по развертыванию партизанского движения» начальникам прифронтовых территориальных управлений НКВД предписывалось: лично организовывать работу по развертыванию партизанских отрядов в тылу противника как путем укрепления существовавших отрядов, так и формирования новых отрядов и групп из местного населения; в качестве организаторов и руководителей партизанских отрядов выделять тщательно отобранных, хорошо подготовленных и проинструктированных оперативных работников или лиц, эвакуировавшихся с территории, занятой противником, знакомых с местными условиями, располагавших необходимыми связями с населением; в качестве командиров партизанских отрядов назначать людей преданных, волевых, настойчивых…; продолжать отбор лучшей части бойцов истребительных батальонов для партизанских действий, формировать партизанские отряды и направлять их для подрывной работы в тылу врага [14, с. 319].

Народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия в сообщении от 13 февраля 1942 г. № 191/Б на имя председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина об организации и деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп отметил, что органы НКВД совместно с партийными организациями прифронтовых областей за время войны развернули работу по подготовке и засылке в тыл противника партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп.

Как сказано в сообщении, базой для формирования перебрасываемых отрядов и групп в тыл противника являлись лучшие бойцы и командиры истребительных батальонов НКВД, партийный и советский актив на местах. Подготовка перебрасываемых в тыл противника групп и отрядов проводилась на курсах при областных управлениях и районных отделах НКВД с привлечением инструкторов стрелкового дела и специалистов-подрывников. В общей сложности в прифронтовых областях и республиках (Ленинградская, Калининская, Московская, Смоленская, Орловская, Курская, Тульская, Рязанская, Ростовская области, Карело-Финская, Белорусская, Украинская ССР) было оставлено для действий в тылу противника 1 600 партизанских отрядов численностью 27 тыс. человек и 500 диверсионных групп численностью 2 250 человек. В районах прифронтовой полосы систематически проводилась работа по формированию новых отрядов и групп за счет бойцов истребительных батальонов, чекистов и местного партийно-советского актива для заброски их в тыл противника. Всего переброшено в тыл противника во второй половине 1941 г. 198 партизанских отрядов численностью 43 796 человек и 1 033 диверсионных группы численностью 4 893 бойца-подрывника. На момент составления сообщения, за время войны в тылу противника оперировало 77 939 человек. В сообщении говорится, что из областей, которые освобождены от фашистских захватчиков, партизанские группы и отряды перебрасываются на соседние территории, где еще находились войска противника, для проведения подрывной работы. Также в сообщении приведен ряд наиболее ярких примеров успешной боевой деятельности партизанских отрядов, организованных органами НКВД [4, с. 247–251].

В докладной записке НКВД УССР № 272/СН в Военный совет Юго-Западного направления о работе НКВД УССР по организации и руководству оперативной деятельностью партизанских формирований в тылу противника (по состоянию на 1 марта 1942 г.), датированной 6 марта 1942 г. и подписанной народным комиссаром внутренних дел УССР В. Т. Сергиенко, приводятся следующие данные: «В августе 1941 г. приказом НКВД СССР в составе НКВД УССР был создан 4-й отдел, на который была возложена организация и оперативное руководство деятельностью партизанских формирований. С созданием 4-го отдела НКВД УССР активно развернул работу по формированию и выброске в тыл противника партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп и по руководству их деятельностью. За время с августа по 1 ноября 1941 г. НКВД УССР и областными управлениями НКВД сформировано, подготовлено, вооружено и выброшено в тыл противника 1 724 партизанских формирования общей численностью 28 188 человек и 682 агента-разведчика и связника с партизанскими отрядами. С ноября 1941 г. в связи с началом наступательных операций частей Красной Армии на Юго-Западном направлении 4-й отдел НКВД УССР провел особенно большую работу по дезорганизации ближайшего тыла противника, нарушению его коммуникаций, разрушению стратегических объектов и главным образом по уничтожению его живой силы и техники. С этой целью 4-м отделом НКВД УССР был создан и выброшен в тыл противника ряд новых партизанских формирований и агентуры, а также усилена работа по установлению связи и обеспечению оперативного руководства ранее сформированными и оставленными в тылу противника партизанскими отрядами. За время с ноября 1941 г. по 1 марта 1942 г. НКВД УССР сформировано, подготовлено, вооружено и выброшено в тыл противника 150 партизанских формирования общей численностью 1 119 человек и 148 агентов-разведчиков и связников с партизанскими отрядами. Кроме того, по указаниям НКВД УССР, Управлением НКВД по Ворошиловградской области для действий в тылу противника на случай вынужденного временного отхода частей Красной Армии с территории Ворошиловградской области было сформировано и подготовлено 120 партизанских отрядов общей численностью 1 828 человек и 297 диверсионно-террористических групп на важнейших объектах и железнодорожных узлах, которые в настоящее время в связи с изменившейся обстановкой на фронтах активно используются для периодических действий в тылу противника…. На 1 марта 1942 г. НКВД УССР располагает данными о боевой деятельности на временно оккупированной немцами территории Украины 241 партизанского отряда» [16, с. 220–221].

Активное участие в организации партизанского движения приняли пограничные войска НКВД СССР.

Сечкин Г. П. отметил, что партизанские отряды под командованием офицеров-пограничников выполняли задачи в интересах военного командования. В ряде случаев для наращивания ударов по тылам противника партизанские отряды усиливались штатными подразделениями пограничников. Такая форма участия пограничных войск в развертывании партизанского движения была характерна на северном участке фронта, где отсутствовали условия для базирования партизанских отрядов в глубоком тылу противника. Каждый пограничный отряд Мурманского и Карело-Финского пограничных округов сформировал партизанские отряды [6, с. 356]. В 72-м пограничном отряде было сформировано три партизанских отряда, одним из которых командовал командир штаба отряда И. Д. Ткаченко. Также успешно действовали и другие партизанские отряды, возглавлявшиеся командирами-представителями пограничных войск. В их числе старший лейтенант А. И. Калашников, старший лейтенант Ф. Ф. Журих и др. [5, с. 416–417].

Некоторыми партизанскими формированиями руководили сотрудники органов или войск НКВД, которые ранее проходили службу в пограничных войсках. Их пограничный опыт позволил успешно руководить партизанскими формированиями. *Например, бывший комендант участка погранвойск Иван Антонович Григорьев (начальник штаба МПВО г. Петрозаводска) в сентябре 1941 г. был назначен командиром батальона особого назначения Карельского фронта, с февраля 1942 г. – командир 1-й партизанской бригады, состоявшей из восьми отрядов. Личный состав бригады был укомплектован из местных жителей оккупированных Заонежского, Шелтозерского, Прионежского, Медвежьегорского, Кондопожского районов*

Карело-Финской ССР и г. Петрозаводска. О боевых делах бригады сообщалось в сводках Совинформбюро. Майор И. А. Григорьев погиб в бою 31 июля 1942 г., посмертно награжден орденом Ленина.

Григорьев Иван Антонович,
командир 1-й партизанской бригады
Карело-Финской ССР

В литературе указано, что Политуправление войск НКВД СССР в июле 1941 г. обязало военных комиссаров и начальников политорганов пограничных частей принимать активное участие в отборе людей и создании диверсионных групп и партизанских отрядов. Лишь на территории Ленинградской области для этой цели из войск НКВД, в том числе пограничных, было выделено до одной тысячи военнослужащих [5, с. 420].

На партизанские методы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками перешли также пограничники, оказавшиеся в тылу противника после боев на линии границы в первые дни войны. Ряд из них возглавил партизанские отряды, которые в последующем переросли в соединения. Здесь следует выделить помощника начальника политотдела по комсомольской работе 87-го Ломжинского пограничного отряда младшего политрука В. Л. Никитина, начальника штаба пограничной комендатуры 23-го отряда капитана Н. А. Шестопалова, начальника отделения штаба 94-го Сколенского пограничного отряда старшего лейтенанта М. И. Наумова [13, с. 287].

Наумов Михаил Иванович

Наумов Михаил Иванович. *В 1930 г. призван на службу в войска ОГПУ, в 1937 г. окончил Высшую пограничную школу. Великую Отечественную войну встретил в должности начальника отделения боевой подготовки 94-го Сколенского пограничного отряда. Прикрывая отход пограничников, получил тяжелое ранение и остался в тылу врага. Осенью 1941 г. в Сумской области включился в партизанскую борьбу. До начала 1943 г. был командиром группы партизанского отряда, начальником штаба оперативной группы партизанских отрядов Сумской области. В феврале 1943 г. возглавил соединение украинских кавалерийских партизанских отрядов. В 1943–1944 гг. соединение под командованием М. И. Наумова совершило три глубоких рейда по тылам противника. За время рейдов по тылам противника соединение прошло более 10 тыс. км. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 г. М. И. Наумову присвоено звание Героя Советского Союза, постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 9 апреля 1943 г. воинское звание – генерал-майор. В апреле 1944 г. соединение влилось в состав Действующей Красной Армии, М. И. Наумов окончил курсы усовершенствования высшего командного состава при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, был назначен заместителем командира 26-й гвардейской дивизии. С 1946 по 1953 год работал в органах МВД на Украине и в Ленинградской области, с 1953 г. – начальник Управления внутрен-*

ней и конвойной охраны МВД УССР, с 1960 г. – в отставке. Генерал-майор.

Основой ряда партизанских формирований стали истребительные батальоны, созданные в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Возглавлялись истребительные батальоны, как правило, оперативными сотрудниками НКВД, милиции, командирами погранвойск. По мере приближения фронта истребительные батальоны вливались в состав частей Красной Армии, обороняли отдельные участки фронта. Те из них, которые оказались на оккупированной территории, продолжали действовать как партизанские отряды или диверсионные группы [4, с. 616]. Соколов Б. В. отметил, что бойцы истребительных батальонов как в количественном, так и в качественном отношении явились костяком для формирования партизанских отрядов. По его данным, участие истребительных батальонов в партизанском движении шло по двум направлениям. В первом случае для партизанских действий в тылу противника оставлялись истребительные батальоны в полном составе. Например, к 26 июля 1941 г. в захваченных районах Ленинградской области было оставлено для партизанских действий 25 истребительных батальонов численностью до четырех тысяч бойцов. В Киевской, Одесской, Полтавской, Кировоградской и Харьковской областях УССР к партизанским действиям перешли 109 истребительных батальонов численностью 7 230 бойцов. Другим направлением было выделение бойцов из состава истребительных батальонов для формирования партизанских отрядов из местного населения [7, с. 50]. Из состава истребительных батальонов НКВД Украинской и Карело-Финской ССР, Ленинградской, Калининской, Московской, Тульской, Орловской, Курской, Ростовской областей для партизанских действий в тылу противника частично было выделено 27 847 бойцов и командиров [9, с. 64–65].

Из командного состава истребительных батальонов НКВД вырос ряд известных руководителей партизанского движения. Например, Константин Дионисиевич Карицкий, командир 5-й Ленинградской партизанской бригады.

Карицкий Константин Дионисиевич. *В 1931–1940 гг. проходил службу в пограничных войсках НКВД СССР, затем в Управлении НКВД по Ленинградской области. Участник советско-финляндской войны. В 1941 г. назначен командиром истребительного батальона, в том же году стал участником партизанского движения. В 1943 г. возглавил 5-ю Ленинградскую партизанскую бригаду. Герой Советского Союза. Полковник.*

Карицкий Константин Дионисиевич

В донесении Ленинградского штаба партизанского движения командующему войсками Волховского фронта генералу армии К. А. Мерецкову, датированном 16 февраля 1944 г., приводятся сведения о героических делах 5-й партизанской бригады под командованием К. Д. Карицкого в ходе Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции Красной Армии 1944 г. В донесении говорится, что «2, 5, 6, 9, 11 и 12-я партизанские бригады, общей численностью более 13 000 человек, соединившись с наступающими частями Красной Армии Ленинградского и Волховского фронтов, в тесном взаимодействии очищают Ленинградскую область от немецко-фашистских захватчиков». Далее указано: «8.2.44 г. на Витебской ж. д., на участке Дно – Сольцы, партизанами 5-й бригады (командир т. Карицкий) взорван воинский эшелон противника. Разбиты 1 паровоз, 7 вагонов с боеприпасами, 2 платформы с четырьмя автомашинами. 9.2.44 г. партизанами этой же бригады взорван паровоз и разрушено ж.-д. полотно. 10.2.44 г. группа партизан 5-й бригады на шоссейном участке ст. Уторгош – Б. Уторгош взорвала 2 автомашины и вырезала 2 км телефонного ка-

беля. С 8 по 10.2.44 г. на шоссейном участке ДНО – Сольцы группами подрывников этой же бригады взорвана, сожжена и разбита 31 автомашина противника, при этом убито и ранено 43 немецких солдата…. 12.2.44 г. на Витебской ж. д., на участке Дно – Сольцы, диверсионной группой 5-й партизанской бригады спущен под откос воинский эшелон противника, в результате чего разбиты 1 паровоз, 19 платформ с 28 автомашинами и 8 платформ с зенитными орудиями» [21, с. 656–657].

1-й особой партизанской бригадой Ленинградской области командовал бывший командир истребительного батальона Н. П. Буйнов. 22 марта 1942 г. бригада под его командованием отражала нападение противника численностью 350 человек. В ходе боя противник потерял 195 человек убитыми и ранеными, партизаны захватили два зенитных орудия, три тысячи снарядов и мин, 15 подвод с боеприпасами, продовольствием. В ночь с 3 на 4 мая 1942 г. отряды бригады организовали налет на гарнизон противника, расположенный в дер. Старое и Новое Заполье в Дедовичском районе. В ходе 10-часового боя противник потерял убитыми и ранеными около 100 солдат и офицеров. Партизаны заняли два населенных пункта, уничтожили склад боеприпасов, два пулемета, нарушили связь в трех направлениях [11, с. 520].

2 января 1942 г. НКВД СССР направил в Государственный Комитет Обороны и Генеральный штаб Красной Армии сообщение № 6/Б о боевой деятельности партизанских отрядов под командованием А. Н. Сабурова в районе Трубчевск – Суземка Орловской области, подписанное народным комиссаром внутренних дел СССР Л. П. Берия. В сообщении говорилось: «В районе Трубчевск – Суземка Орловской области действуют партизанские отряды под руководством комиссара одного из истребительных батальонов г. Киева т. Сабурова, взявшего под свое командование два местных и два харьковских партизанских отряда общей численностью 151 человек. Партизанские отряды т. Сабурова провели ряд операций в тылу противника: 1. 27 декабря т. Сабуров сообщил, что на участке железной дороги Зерново – х. Михайловский ежедневно идут поезда с военным грузом и награбленным имуществом и ценностями. Партизанскими отрядами проведены операции, в результате которых движение поездов на указанном участке железной дороги прекращено. 2. НКВД УССР были получены сведения об отходе частей противника через Севск Орловской области на Новгород-Северский Черниговской области и через Трубчевск Орловской области на Гомель. Тов. Сабурову были даны указания дезорганизовать и задерживать отход германских войск по указанным направлениям, сбрасывать их с дорог, уничтожать транспорт и истреблять живую силу. Партизанские отряды минировали дорогу Брянск – Трубчевск, в результате чего были уничтожены 8 грузовых автомашин с немецкими солдатами и офицерами. Противник прекратил движение по этой дороге. В настоящее время партизанские отряды принимают меры к минированию грунтовых дорог на направлении Брянск – Почеп, по которым отходят части противника. По донесению т. Сабурова, его отрядами уничтожено много представителей фашистской администрации в Суземском районе Орловской области и изъяты мука и скот, приготовленные для отправки в Германию» [16, с. 7–8].

В письме НКВД СССР от 16 мая 1942 г. № 874/Б в Государственный Комитет Обороны с ходатайством о присвоении звания Героя Советского Союза командирам партизанских отрядов, действовавших на территории УССР, и награждении орденами и медалями особо отличившихся командиров и бойцов партизанских отрядов, также подписанном народным комиссаром внутренних дел СССР Л. П. Берия, отмечено: «Тов. Сабуров при отходе частей Красной Армии из Киева организовал партизанский отряд, который по настоящее время ведет беспощадную борьбу в тылу врага. Отрядом т. Сабурова уничтожено: солдат и офицеров противника – 1 500, полицейских – 100, предателей – 66; взято в плен солдат и полицейских – 152; захвачено 4 орудия, 45 пулеметов, 12 минометов, 320 винтовок. Совершено 4 крушения эшелонов с войсками. В начале мая с. г. партизанскими отрядами под руководством т. Сабурова проведена наступательная операция против 32-го и 46-го мадьярских полков, в результате чего мадьярские полки бежали с территории Середина-Будского района» [16, с. 452–453].

Сабуров Александр Николаевич*. С 1938 г. – в органах НКВД. Осенью 1941 г. организовал партизанский отряд, действовавший на территории Сумской и Орловской областей. С марта 1943 г. – командир партизанского соединения, с сентября – член подпольного ЦК КП(б)*

Украины. В октябре 1942 г. соединение под командованием А. Н. Сабурова совершило 700-километроый рейд на Правобережную Украину по тылам врага. С ноября 1942 г. – начальник штаба по руководству партизанским движением в Житомирской области. С 1944 г. – в органах НКВД – МВД. С 1954 по 1957 год – начальник Главного управления МВД СССР. Герой Советского Союза. Генерал-майор.

Сабуров Александр Николаевич

Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 30 мая 1942 г. № 1837сс об объединении руководства партизанским движением в тылу противника и его дальнейшем развитии при Ставке Верховного Главного Командования был создан Центральный штаб партизанского движения, начальником которого назначен П. К. Пономаренко. В состав Центрального штаба в качестве заместителя начальника был введен представитель НКВД СССР В. Т. Сергиенко [16, с. 507–510].

Сергиенко Василий Тимофеевич. *С 1928 г. проходил службу в органах ОГПУ – НКВД – МВД. С 26 февраля 1940 г. по 26 февраля 1941 г. – заместитель народного комиссара внутренних дел УССР, начальник УНКВД Львовской области. С 26 февраля 1941 г. по 29 июля 1943 г. – народный комиссар внутренних дел УССР, с июня 1942 г. по август 1943 г. – заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения. С октября 1943 г. по июль 1945 г. – народный комиссар внутренних дел Крымской АССР, с июля 1945 г. по сентябрь 1946 г. – начальник УНКВД – УМВД Крымской области. В дальнейшем по май 1954 г. проходил службу на различных должностях в системе МВД СССР.*

Сергиенко Василий Тимофеевич

Этим же постановлением Государственного Комитета Обороны для непосредственного руководства партизанским отрядами при военных советах фронтов были образованы штабы партизанского движения: Украинский штаб партизанского движения (при военном совете Юго-Западного направления), Брянский штаб партизанского движения, Западный штаб партизанского движения, Калининский штаб партизанского движения, Ленинградский штаб партизанского движения, Карело-Финский штаб партизанского движения, которые были подчинены Центральному штабу партизанского движения[1]. Большинство из указанных штабов партизанского движения возглавили представители НКВД СССР. В частности, Украинский штаб партизанского движения возглавил Т. А. Строкач, Западный – С. С. Бельченко, Калининский – В. В. Радченко, Карело-Финский – С. Я. Вершинин. В состав Ленинградского штаба партизанского движения был назначен Н. А. Алмазов [16, с. 507–510].

Строкач Тимофей Амвросиевич*. С января 1924 г. служил в пограничных войсках. С апреля 1941 г. – заместитель наркома внутренних дел УССР, с июня 1941 г. руководил формированием истребительных батальонов и партизанских отрядов на Украине, в 1942–1944 гг. – начальник Украинского штаба партизанского движения. В 1944–1946 гг. – заме-*

[1] Впоследствии были организованы Южный штаб партизанского движения, Ставропольский штаб партизанского движения, штаб партизанского движения при Военном совете Сталинградского фронта, Литовский штаб партизанского движения, Латвийский штаб партизанского движения, Эстонский штаб партизанского движения.

ститель наркома внутренних дел УССР и начальник Управления по борьбе с бандитизмом, в 1946–1953 гг. – народный комиссар (министр) внутренних дел УССР, с марта по июнь 1953 г. – начальник УВД Львовской области, с июня 1953 г. по май 1956 г. – министр внутренних дел УССР. С 1956 по 1957 год – заместитель министра внутренних дел СССР МВД СССР и начальник Главного управления пограничных и внутренних войск МВД СССР, с 1957 г. – в отставке. Генерал-лейтенант.

Строкач Тимофей Амвросиевич

Бельченко Сергей Саввич. *С 1924 г. – на службе в РККА, с 1927 г. – в войсках ОГПУ – НКВД. С октября 1939 г. – заместитель начальника УНКВД Белостокской области, в марте-июне 1941 г. – начальник УНКГБ Белостокской области. С июля 1941 г. – заместитель начальника Особого отдела Западного фронта, с июля 1942 г. – представитель Центрального штаба партизанского движения на Калининском фронте, заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. В 1943–1953 гг. – народный комиссар (министр) внутренних дел БССР. С марта по декабрь 1953 г.– начальник 3-го спецотдела МВД СССР. С декабря 1953 г. – начальник войск Ленинградского пограничного округа МВД СССР, с марта 1954 г. по январь 1956 г. – начальник УКГБ Ленинградской области. С января 1956 г. по июль 1959 г. – заместитель председателя КГБ при Совете Министров СССР. С июля 1959 г. – в отставке. Генерал-полковник.*

Бельченко Сергей Саввич

Начальником Брянского штаба партизанского движения стал секретарь Орловского областного комитета партии А. П. Матвеев, который до войны был народным комиссаром внутренних дел Белорусской ССР, его заместителем – А. П. Горшков [16, с. 507–510].

Матвеев Александр Павлович. *С 1937 г. – 1-й секретарь Минского обкома и горкома КП(б) Белоруссии. В 1941 г. – народный комиссар внутренних дел БССР, старший майор государственной безопасности. В 1941 г. выполнял правительственные задания по организации выпуска военной продукции в Новосибирске и Кемерово, по созданию оборонительных сооружений для войск Западного фронта и Тульского укрепленного района. С июля 1941 г. – 1-й секретарь Орловского обкома ВКП(б), член Военного совета Брянского фронта. С июля 1942 г. одновременно – начальник Брянского штаба партизанского движения. 19 сентября 1943 г. принял парад партизанских отрядов в Орле в честь освобождения Орла и Брянска от оккупантов. С июля 1944 г. – 1-й секретарь Брянского обкома ВКП(б). Скоропостижно скончался в 1946 г.*

Горшков Анатолий Петрович. *С 1930 г. – на службе в пограничных войсках ОГПУ – НКВД. Окончил Высшую пограничную школу. С начала Великой Отечественной войны – начальник 4-го отдела УНКВД по Тульской области. Во время обороны г. Тулы возглавил Тульский рабочий полк. С июля 1942 г. – заместитель начальника штаба партизанского движения Брянского фронта. С февраля 1944 г. – заместитель начальника Советской военной мис-*

сии в Югославии, в июне-августе 1944 г. возглавлял группу военных советников при начальнике Главного штаба НОАЮ. С декабря 1944 г. – начальник 1-го отдела Главного управления НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, с февраля 1946 г. – народный комиссар внутренних дел Кабардинской АССР. Генерал-майор. Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2016 г. А. П. Горшкову посмертно было присвоено звание «Герой Российской Федерации» – «за мужество и героизм, проявленные при обороне города Тулы от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 194–1945 годов».

Матвеев Александр Павлович

Горшков Анатолий Петрович

Вершинин Сергей Яковлевич. *С 1937 г. – начальник УНКВД по Рязанской области, с 1938 г. – начальник ГУПО НКВД СССР, с 1939 г. – начальник Тайшетского лагеря военнопленных, с 1940 г. – начальник Норильского ИТЛ НКВД. С 1942 г. – начальник штаба партизанского движения Карельского фронта, представитель Центрального штаба партизанского движения в Карелии. В 1945–1947 гг. – представитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Германии.*

Вершинин Сергей Яковлевич

В специальной литературе, посвященной деятельности пограничных войск НКВД СССР во Второй мировой войне, указано, что из войск НКВД в распоряжение руководящих органов партизанского движения регулярно направлялись опытные командиры и политработники. В частности, 21 июля 1942 г. начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко обратился в НКВД СССР с просьбой выделить 39 командиров из войск НКВД для организации обучения будущих партизан в одном из учебных центров [5, с. 420].

Органам и войскам НКВД СССР в период Великой Отечественной войны принадлежит одна из главных ролей в организации и руководстве борьбой в тылу врага. В литературе сделан объективный вывод о том, что «с начала войны и до создания в мае 1942 г. Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) Наркомат внутренних дел СССР, наряду со Ставкой Верховного Главнокомандования, партийными и советскими органами, сыграл ключевую роль в организации партизанской борьбы. В рядах партизан сражались тысячи сотрудников органов внутренних дел, бойцов и командиров войск НКВД. В 1941–1942 гг. около 90 % партизанских отрядов и групп, действовавших в тылу противника, было подготовлено и управлялось органами НКВД» [19, с. 264].

Список источников

1. Невский С. А. Деятельность НКВД СССР по организации борьбы в тылу врага в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 3 (51).
2. Невский С. А. Роль НКВД СССР в организации борьбы в тылу противника в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): материалы Междунар. науч. конф., 28–29 апреля 2020 г. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020.
3. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
4. Страна в огне: В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы / отв. ред.: А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. М.: «Абрис», 2018.
5. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2008.
6. Сечкин Г. П. Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993.
7. Соколов Б. В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. М.: Вече, 2018.
8. Великая Отечественная война. 1944: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. М.: изд-во ГБУ «ЦГА Москвы», 2014.
9. Климов А. Ю., Потемкин И. А., Сальников А. С. Роль НКВД СССР в партизанском движении и подпольной работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. М.: ДГСК МВД России, 2021.
10. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
11. Оборона Ленинграда. 1941–1945. Документы и материалы / авт. вступ. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2019.
12. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М.: изд-во «Русь», 2000.
13. Терещенко В. В. На охране рубежей Отечества. М.: Кучково поле, 2008.
14. Попов А.Ю. Партизанское движение и органы государственной безопасности СССР в тылу немецко-фашистских войск // Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне: В 2 кн. Кн. 2. / отв. ред. А. Н. Сахаров; ред.-сост. Л. П. Колодникова. М.: ИКЦ Академкнига, 2010.
15. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
16. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 3. Кн. 1. М.: изд-во «Русь», 2003.
17. Заместители наркомов, министров внутренних дел (1917–2016 гг.). Биографический сборник / сост. А. А. Макорин; 2-е изд., перераб. и доп. М.: ВНИИ МВД России, 2016.
18. Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: справочник / под ред. А. Н. Яковлева; авт.-сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003.
19. История внутренних войск. Т. 3 (1941–1945 гг.). Военно-исторический труд / А. С. Беркутов, А. А. Климов, Ю. А. Марценюк [и др.]. М.: редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2011.
20. Бередникова В. Е. Организация партизанского движения в Ленинградской области в 1941–1945 годах. М.: Наука, 2025.
21. Волковский Н. Л. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: изд-во «АСТ», 2024.

Информация об авторе:

Невский Сергей Александрович,
заместитель начальника ФГКУ «ВНИИ МВД России» – начальник НИЦ № 1, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

About the author:

Nevskiy Sergey A.,
deputy head, head of research center № 1, honored employee of internal affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 25.02.2026;
одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.02.2026;
approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-40-45
EDN: https://elibrary.ru/thdbul

ПОПОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА[1]
кандидат юридических наук, доцент
nastyavsckb@mail.ru

КОВРОВА ВЕРА ГЕННАДЬЕВНА[2]
5vozdux5@gmail.com

[1, 2] Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В современных условиях развития общества и государства обеспечение государственной тайны приобретает особую значимость.*

В статье комплексно анализируются вопросы становления и развития института государственной тайны, обращается внимание на историко-правовые аспекты становления института государственной тайны, его правовое регулирование в современной России, организационно-тактические основы работы с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну.

Авторы отмечают, что эволюция данного правового института неразрывно связана с процессом становления государственности, в ходе которого происходило формирование специфических механизмов защиты конфиденциальной информации, учитывающих социально-политические и геополитические особенности соответствующего исторического периода.

Освещаются специализированные методы защиты государственной тайны, правила доступа к ней, контроля за ее использованием, меры защиты от несанкционированного распространения или доступа.

Ключевые слова: *государственная тайна, конфиденциальность, защита информации, документы*

Для цитирования: *Попова А. А., Коврова В. Г. История становления и развития института государственной тайны в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 40–45; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-40-45.*

POPOVA ANASTASIA A.[1]
phd of law, associate professor

KOVROVA VERA G.[2]

[1, 2] Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

THE HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT INSTITUTE OF STATE SECRETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *In the current conditions of development of society and the state, the issues of ensuring state secrets are of particular importance.*

The article comprehensively analyzes the formation and development of the state secret institution, draws attention to the historical and legal aspects of the formation of the state secret institution, its legal regulation in modern Russia, as well as the organizational and tactical foundations of working with documents containing information that constitutes a state secret.

© Попова А. А., Коврова В. Г., 2026.

Attention is drawn to the fact that the evolution of this legal institution is inextricably linked to the process of state formation, during which specific mechanisms for protecting confidential information were developed, taking into account the socio-political and geopolitical characteristics of the relevant historical period.

The authors examine specialized methods for protecting state secrets, the existence of rules for accessing them, control over their use, and measures for protecting them from unauthorized access.

Keywords: *state secret, confidentiality, information protection, documents*

For citation: *Popova A. A., Kovrova V. G. The history of formation and development institute of state secrets in the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 40–45; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-40-45.*

Государственная тайна представляет собой особую категорию сведений, подлежащих правовой охране в интересах обеспечения безопасности государства, его обороноспособности и защиты жизненно важных интересов населения.

Определение государственной тайны и ее значение для органов внутренних дел закладывает основы безопасности и защиты информации, не подлежащей разглашению.

Государственная тайна – это сведения, охрана которых обусловлена интересами обеспечения безопасности государства, его обороны и безопасности населения. Данные сведения, составляющие государственную тайну, могут включать конфиденциальную информацию о планах, программах, методах работы, объектах и личном составе ведомств власти и специальных служб [1, с. 170–175].

Для органов внутренних дел содержание государственной тайны носит критическое значение, поскольку их работа напрямую связана с обеспечением общественной безопасности и правопорядка. Знание сведений, содержащих государственную тайну, может помочь злоумышленникам совершить преступления, подорвать деятельность правоохранительных органов и нарушить общественный порядок. Поэтому для органов внутренних дел особенно важно строго соблюдать правила при работе с документами, содержащими государственную тайну [2, с. 336–347].

Законодательство строго регламентирует порядок обращения с такими документами, предусматривая меры ответственности за их утерю, утрату или ненадлежащее хранение.

Сотрудники органов внутренних дел, имеющие доступ к информации, считающейся государственной тайной, проходят специальную проверку и подписывают обязательства о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну.

Значительный вклад в исследование историко-правовых аспектов института государственной тайны внесли отечественные правоведы, среди которых следует выделить М. О. Баева, М. А. Вуса, В. В. Розенберга, Т. А. Соболеву, О. С. Соколову, А. А. Фатьянова, С. В. Чертопруда, Г. Ф. Шершеневича и других исследователей, чьи труды заложили теоретическую основу для изучения данного правового явления.

Комплексный анализ становления и развития института государственной тайны нашёл отражение в диссертационных исследованиях Р. В. Корсуна, М. Ю. Мартышина, М. И. Паршукова, Н. А. Потапова, И. В. Ягубкина и других учёных, рассматривающих различные аспекты формирования и функционирования данного правового института.

Генезис института государственной тайны непосредственно связан с периодом формирования первичных общественных отношений и необходимостью регламентации межгосударственного взаимодействия. Примечательным примером развития правовых норм, регулирующих защиту конфиденциальной информации, служит древнетюркское право, характерное для кочевых народов Центральной Азии. В рамках данного правового массива были закреплены нормы, предусматривающие ответственность за антигосударственные преступления, среди которых особо выделялись мятеж и государственная измена. Учитывая характер этих деяний, можно предположить, что в понятие государственной измены включалось и разглашение конфиденциальной информации, что каралось высшей мерой наказания – смертной казнью.

С развитием письменности в государственных образованиях произошло существенное изменение в способах фиксации конфиденциальной информации. Сведения, относимые к категории государственной тайны, начали закрепляться на материальных носителях документального характера, таких как папирус, пергамент и бумага, принимая форму различных официальных документов: дипломатических посланий, донесений и корреспонденции служебного характера.

В целях обеспечения сохранности конфиденциальной информации возникла объективная необходимость в разработке специализированных методов её защиты. Уже в период античности были разработаны

и внедрены различные криптографические системы и способы тайнописи, обеспечивавшие сохранность секретных сведений.

Согласно исследованиям И. А. Ворошилина, в Московском княжестве начиная с 1440 года сложилась определённая система хранения конфиденциальных документов [3, с. 48–52]. Дипломатическая переписка, секретные материалы и нормативные правовые акты находились на особом хранении совместно с государственной казной. Для обеспечения безопасности документов применялась система специализированных хранилищ – ящиков, которые классифицировались по тематическому принципу. Так, выделялись ящики «немецкие» и «волошские», а также хранилища, именовавшиеся по фамилиям дьяков, ответственных за ведение соответствующих дел.

Данная система хранения обеспечивала не только физическую сохранность документов, но и создавала определённый механизм разграничения доступа к конфиденциальной информации, что являлось важным элементом защиты государственной тайны того периода.

В период правления Ивана III была сформирована централизованная система хранения конфиденциальных документов, предусматривающая передачу всех значимых материалов казначею для размещения в приказной избе. Данная административная реформа обусловила тесное взаимодействие между Казенным двором и ведомством иностранных дел (Посольским приказом), что нашло отражение в возложении дипломатических поручений на должностных лиц казначейской службы в конце XV – первой половине XVI века.

Первым нормативным правовым актом, содержащим регламентацию ответственности за государственные преступления, выступил Статут Великого княжества Литовского 1588 года. В его первом разделе «О персоне нашей господарской» были закреплены составы преступлений, относимых к категории государственной измены [4, с. 6–12]. Однако законодательная дефиниция государственной тайны в данном документе отсутствовала.

15 июня 1840 г. произошло существенное изменение правового регулирования: утратил силу Статут 1588 года, уступив место уголовным нормам Свода законов Российской империи 1832 года, который вступил в юридическую силу 1 января 1835 г.

Значительный вклад в развитие института охраны государственной тайны внес царь Алексей Михайлович, создавший в 1654 году специализированный орган – Приказ тайных дел. Данный государственный институт осуществлял функции по обеспечению безопасности государства в дипломатической, военной, полицейской и финансовой сферах.

В период функционирования Приказа тайных дел была внедрена система криптографической защиты информации посредством использования шифров [5, с. 89–99]. Для обеспечения деятельности данного органа осуществлялся целевой отбор квалифицированных подьячих, владеющих грамотой, которые проходили специальную подготовку в учебном заведении при Спасском монастыре. Должностным лицам предписывалось соблюдать конспирацию, действуя под прикрытием.

Историко-правовой анализ свидетельствует о том, что институт государственной тайны сформировался синхронно с процессом становления государственности. Эволюция данного института началась на этапе родоплеменных отношений, когда зародились прообразы корпоративных, религиозных и военных тайн. С образованием государств и формированием правовой системы военные тайны приобрели статус государственных, расширился их предметный состав за счет включения политических тайн, подразделяющихся на тайны межгосударственных отношений и внутренней политики.

Исторический опыт обеспечения сохранности государственной информации, включая регламентацию обращения с конфиденциальными документами, во многом предопределил формирование современных подходов к организации защиты государственной тайны.

Историко-правовой анализ института государственной тайны в СССР демонстрирует его тесную связь с политико-идеологическим контекстом и эволюцией государственной безопасности. В ранний советский период (1920–1930-е гг.) правовая база формировалась через декреты СНК РСФСР (1921, 1926 гг.), которые впервые систематизировали перечни секретных сведений, разделив их на военные, экономические и «иные» категории. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (ст. 117) и последующие редакции вводили ответственность за разглашение тайны, приравнивая её к контрреволюционной деятельности. В 1920-х гг. были приняты инструкции по секретному делопроизводству, включая шифрование и архивное хранение, что заложило основы режима секретности.

В 1930–1940-е гг., на фоне индустриализации и подготовки к войне, система ужесточилась. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. установил

суровые наказания за разглашение гостайны: от 8 до 20 лет лагерей в зависимости от статуса нарушителя и последствий. Перечень 1947 года расширил секретные категории, включив данные о военной промышленности, экспорте/импорте стратегических ресурсов. Дела о госизмене и шпионаже (например, дело Розенбергов, 1951–1953) стали инструментом политических репрессий, подчёркивая связь между охраной тайн и идеологическим контролем.

В послевоенный период, особенно в условиях холодной войны, акцент сместился на защиту научно-технических достижений (ядерные программы, космос). Комитет государственной безопасности (с 1954 года) усилил контроль за информационными потоками, а в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года появились статьи о передаче иностранным государствам экономических и научных данных (ст. 76-1). В 1980-х гг. в рамках «архивной революции» началось частичное рассекречивание документов, включая публикацию секретного протокола пакта Молотова-Риббентропа (1989), что подорвало монополию государства на историческую память [6, с. 9–12].

Так, организационно система базировалась:

1) на иерархии секретности: грифы «особой важности», «совершенно секретно», «секретно»;
2) ведомственном регулировании: Министерство обороны, Министерство иностранных дел и Комитет государственной безопасности самостоятельно определяли перечни засекреченных сведений;
3) цензуре: Главное управление по делам литературы и издательств контролировало средства массовой информации, науку и культуру, блокируя упоминания о лагерях, репрессиях и внешнеполитических провалах.

Кризис системы проявился в 1990-е гг., когда Закон Российской Федерации «О государственной тайне»[1] [7, с. 300–305] и рассекречивание архивов выявили противоречие между гипертрофированной засекреченностью и правом общества на информацию. Однако советский опыт заложил основы современного регулирования, включая принцип перечневого засекречивания и межведомственный контроль

Таким образом, институт государственной тайны в СССР служил не только защите национальной безопасности, но и укреплению однопартийной системы через подавление инакомыслия. Эволюция норм отражала геополитические вызовы (войны, гонка вооружений), но игнорировала баланс между секретностью и прозрачностью. Архивное рассекречивание 1980–1990-х гг. стало катализатором переосмысления советской истории, обнажив злоупотребления в применении режима секретности.

Институт государственной тайны в России прошел сложную эволюцию, отражающую трансформацию государственности и вызовы различных исторических эпох. Рассмотрев общие аспекты, представилось возможным разделить его становление на несколько ключевых этапов.

Первый этап (X–XVII вв.) связан с формированием правовых механизмов защиты конфиденциальной информации в условиях централизации власти. В Московском княжестве при Иване III секретные документы хранились в приказных избах казначеев, а дипломатическая переписка кодировалась методами тайнописи. Знаковым событием стало создание Приказа тайных дел (1654 год) при Алексее Михайловиче, который централизовал управление секретными операциями в военной, дипломатической и финансовой сферах. В этот период закладываются основы секретного делопроизводства, включая шифрование и конспиративную деятельность сотрудников.

Второй этап (XVIII – начало XX вв.) характеризуется систематизацией правового регулирования в рамках имперской модели управления. Свод законов Российской империи 1832 года ввел нормы о государственных преступлениях, хотя термин «государственная тайна» оставался нелегализованным. В XIX веке усиливается ведомственный контроль: создаются Особые канцелярии при Министерстве иностранных дел и Военном министерстве, ответственные за шифровальную работу и защиту секретной корреспонденции. К началу XX века сформировалась трехуровневая система грифа секретности («совершенно секретно», «секретно», «не подлежит оглашению»), закрепленная в Положении о письмоводстве и делопроизводстве (1913 год) [8].

Третий этап (1917–1991 гг.) связан с советизацией института государственной тайны, подчиненной задачам однопартийной системы. Декреты Совета Народных Комиссаров РСФСР (1921, 1926 гг.) и Уголовный кодекс 1922 года криминализировали разглашение секретов как «контрреволюционную деятельность». В 1930–1940-е гг. система ужесточилась: Указ 1947 года установил наказания до 20 лет лагерей, а перечни секретных сведений расширились за счет данных о промышленности и науке [9]. В условиях холодной войны ак-

[1] О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (в ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673.

цент сместился на защиту ядерных и космических технологий, а Комитет государственной безопасности (с 1954 года) монополизировал контроль над информационными потоками. Гипертрофированная засекреченность, однако, стала инструментом подавления инакомыслия, что проявилось в делах «врагов народа».

Четвертый этап (1991 год – настоящее время) ознаменован демократизацией режима секретности. Принятие Закона «О государственной тайне» в 1993 году ввело принцип перечневого засекречивания, разделив сведения на военные, внешнеполитические и экономические. Рассекречивание архивов в 1990-е (включая протоколы пакта Молотова-Риббентропа) выявило злоупотребления советского периода. Современное регулирование, отраженное в Указе Президента от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», акцентирует защиту цифровой инфраструктуры и противодействие киберугрозам, сохраняя при этом преемственность с советскими принципами иерархии секретности.

Таким образом, институт государственной тайны в России эволюционировал от фрагментарных мер средневековья до комплексной системы, интегрированной в глобальные вызовы информационной эпохи. На каждом этапе его развитие определялось балансом между геополитическими рисками, технологическими возможностями и общественным запросом на прозрачность власти. История института отражает диалектику между традицией и инновацией. От конспиративных методов Московского царства до цифровых систем XXI века секретность остается инструментом защиты национальных интересов. Однако, как отмечают исследователи, например А. В. Федоров [10, с. 462], ключевой урок истории – необходимость правового баланса, исключающего превращение государственной тайны в инструмент подавления инакомыслия.

В заключение отметим, что в современном обществе органы внутренних дел играют важную роль в обеспечении безопасности и поддержании правопорядка. Использование служебной информации ограниченного распространения является неотъемлемой частью их деятельности. Она представляет собой данные, доступ к которым ограничен специальным образом и разрешен только определенным лицам. Важно отметить, что эффективное использование конфиденциальных данных играет ключевую роль в обеспечении безопасности общества.

В сфере деятельности органов внутренних дел информация ограниченного распространения широко применяется для предотвращения и раскрытия преступлений, а также для обеспечения общественного порядка. Эти данные могут касаться планов проведения оперативных мероприятий, личных данных свидетелей и информаторов, конфиденциальной информации об угрозах безопасности и др. Правильное использование такой информации позволяет органам внутренних дел оперативно реагировать на угрозы и преступления, обеспечивая безопасность общества в целом [11, с. 181].

Процедура доступа и защиты информации ограниченного распространения в органах внутренних дел имеет фундаментальное значение для обеспечения нормального функционирования деятельности. Использование анализируемой информации подразумевает наличие правил доступа к ней, контроль за ее использованием и меры защиты от несанкционированного распространения или доступа. К утечке данных могут привести следующие угрозы информационной безопасности:

1. Нарушения при хранении и передаче такой информации. Недостатки в системе защиты данных могут привести к утечкам и несанкционированному доступу третьих лиц.
2. Недостаточная осведомленность сотрудников об особенностях работы со служебной информацией ограниченного распространения. Без должного понимания правил и процедур обращения с такими данными возрастает риск ошибок и нарушений, которые могут нанести ущерб безопасности.
3. Ограниченная доступность служебной информации ограниченного распространения для необходимых сотрудников. Нередко возникают ситуации, когда не все сотрудники в правоохранительных органах имеют доступ к необходимым данным, что затрудняет совместную работу и расследование случаев.
4. Отсутствие контроля за использованием служебной информации ограниченного распространения. Без эффективного мониторинга и системы ответственности за возможные нарушения существует риск злоупотреблений и неправомерного использования таких данных.

В целом проблемы использования служебной информации ограниченного распространения в органах внутренних дел требуют внимательного анализа и усовершенствования процессов работы с конфиденциальными данными для обеспечения безопасности и эффективности оперативной деятельности.

Таким образом, эффективное использование служебной информации ограниченного распространения играет важную роль

в обеспечении безопасности общества. Правильное хранение, защита и использование такой информации позволяют органам внутренних дел оперативно реагировать на угрозы и преступления, обеспечивая поддержание правопорядка и безопасности граждан. Важно подчеркнуть значимость соблюдения законности, защиты прав граждан и профессионализма сотрудников при работе с конфиденциальными данными.

Список источников

1. Ворошилин И. А. Охрана тайны как политико-правовая функция государства // Социология власти. 2012. № 3.
2. Камалова Г. Г. История охраны конфиденциальности сведений в России // Диалог со временем. 2019. № 66.
3. Харитонов А. Ю. Историко-правовые аспекты защиты государственной тайны в Российской империи // Юридическая мысль. 2010. № 5 (61).
4. Бабина Е. Е. История развития законодательства в области защиты государственной тайны в России // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2013. № 2 (8).
5. Никонорова Т. Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в Российском государственном архиве социально-политической истории // Вестник архивиста. 2015. № 1.
6. Корсун Р. В. Этапы формирования института государственной тайны в различные периоды развития Российского государства // Административное право и процесс. 2007. № 2.
7. Панарин А. В. Этапы исторического развития подходов к уголовно-правовой охране государственной тайны в законодательстве России // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: сб. науч. ст. по материалам VI Национальной заочной науч.-практ. конф. (Ставрополь, 21 декабря 2023 г.). Ставрополь: ООО «Ставропольское издательство «Параграф», 2024.
8. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации / под общ. ред. М. А. Вуса, А. В. Федорова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
9. Сальников В. П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ). СПб.: Фонд Университет, 2022.
10. Калужина М. А. Правовое регулирование информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Проблемы эффективности права в современной России. 2022. № 1.
11. Амичба Л. Р., Копанева Е. А., Коновалова Ю. А. Прослушивание телефонных переговоров как оперативно-розыскное мероприятие: правовое регулирование и особенности проведения // Молодой ученый. 2022. № 48 (443).

Информация об авторах:

Попова Анастасия Александровна,
врио ученого секретаря;

Коврова Вера Геннадьевна,
заместитель начальника кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения в деятельности органов внутренних дел

About the authors:

Popova Anastasia A.,
acting academic secretary;

Kovrova Vera G.,
deputy head of the department of human resources and personnel management in the internal affairs bodies of the center for human resources, psychological and pedagogical support, and medical support in the activities of the internal affairs bodies

Сведения о вкладе каждого автора

Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 24.11.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 23.03.2026.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-46-51
EDN: https://elibrary.ru/ugmafk

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА
доктор юридических наук, профессор
Институт государства и права РАН
(Москва, Россия)
margokfmn@yandex.ru

ГЕНОЦИД. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГЕНОЦИДУ

Аннотация. *Актуальность темы исторической памяти и трагедии, связанной с геноцидом не вызывает сомнения. В статье подчеркнуто, что в последние годы наблюдается негативная тенденция, когда отдельные политические и общественные организации и органы стремятся пересмотреть результаты Второй мировой войны, принизить роль советского народа в победе над фашизмом, подвергнуть вольной интерпретации имеющиеся исторические факты о жертвах этой войны и злодеяниях фашистов. Нередко ими откровенно фальсифицируются события тех времен. Чем дальше от нас Вторая мировая война, чем меньше свидетелей тех преступлений остается в живых, тем сильнее проявления нацизма, тем активнее попытки сторонников нацистской идеологии заронить и взрастить ее ростки в умах наших сограждан, в том числе молодежи.*

Автором приводится понятие геноцид, закрепленное на международном уровне и в законодательстве Российской Федерации. Анализ российского законодательства позволил выделить правовые и организационные формы увековечения памяти жертв геноцида советского народа и мер, направленных на сохранение исторической правды, а также отразить систему мер государственно-патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: *Нюрнбергский трибунал, увековечение памяти, без срока давности, жертвы геноцида, международное преступление, фашизм, национализм, преследование, историческая правда, государственно-патриотическое воспитание*

Для цитирования: *Кобзарь-Фролова М. Н. Геноцид. Историческая память. Административно-правовые меры сохранения исторической памяти и противодействия геноциду // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 46–51; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-46-51.*

KOBZAR-FROLOVA MARGARITA N.
doctor of law, professor
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

GENOCIDE. HISTORICAL MEMORY. ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES TO PRESERVE HISTORICAL MEMORY AND COUNTER GENOCIDE

Abstract. *The relevance of the topic of historical memory and the tragedy associated with genocide is undeniable. The article emphasizes the negative trend observed in recent years, with certain political and*

© Кобзарь-Фролова М. Н., 2026.

public organizations and bodies seeking to revise the results of World War II, downplay the role of the Soviet people in the victory over fascism, and subject existing historical facts about the victims of that war and the atrocities of the Nazis to arbitrary interpretations. They often openly falsify the events of that time. The further we move from World War II and the fewer witnesses to those crimes remain alive, the more powerful the manifestations of Nazism become, and the more active are the attempts of supporters of Nazi ideology to plant and nurture its seeds in the minds of our fellow citizens, including young people.

The author cites the concept of genocide as enshrined internationally and in Russian legislation. An analysis of Russian legislation allowed us to identify legal and organizational forms for perpetuating the memory of the victims of the genocide of the Soviet people and measures aimed at preserving historical truth, as well as to reflect the system of measures for the state-patriotic education of youth.

Keywords: *Nuremberg tribunal, perpetuation of memory, no statute of limitations, victims of genocide, international crime, fascism, nationalism, persecution, historical truth, state-patriotic education*

For citation: *Kobzar-Frolova M. N. Genocide. Historical memory. Administrative and legal measures to preserve historical memory and counter genocide // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 46–51; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-46-51.*

Геноцид – противоестественное, гнилое и антиморальное явление, с которым в его психосоциальном и юридическом значении мир столкнулся относительно недавно. Термин имеет греческие корни, однако считается, что в социальный оборот его ввел польский юрист еврейского происхождения Рафаэль Лемкин в своем выступлении на международной конференции по унификации международного права, проходившей в Мадриде в 1933 году. Уместно напомнить, что 20-е – начало 30-х годов прошлого века – это время зарождения и развития идей фашизма в европейских странах. Исследуя условия, в которых развивались фашизм и национализм, причины, которые привели в конечном итоге к тем зверствам, которыми были охвачены практически все европейские страны, М. А. Аржанов в монографии «Гегельянство на службе германского фашизма» [1] пишет о том, что фашизм проявился как общий кризис капитализма. Цитаделью гитлеровского фашизма, центром национал-социалистического движения стала Бавария (1923 г.) [1, с. 25–27].

К началу 30-х годов фашизм уже охватил Австрию, Англию, Японию и начал активно распространяться в США. Такое явление, как геноцид, мир еще не знал. Однако теорию о классовом разделении нужно было как-то оправдывать перед растущим недовольством народа. Есть мнение, что «неожиданное оправдание» было найдено в науке, причем в области, весьма далекой от политики. В 20-е годы XX в. германский ученый-зоолог Г. Э. Циглер проводил исследование зоологических инстинктов млекопитающих [2]. Казалось бы, ни он сам, ни его концепция совершенно не были связаны ни с националистическими движениями, ни с процветающей диктатурой фашизма. Ценность работ Г. Циглера состояла в том, что он разделил млекопитающих на классы и подробно изучал способности и инстинкты каждого класса, в зависимости от мозговой активности объекта исследования. Это позволило ему выстроить зависимость объема мозга от плотности нейронов. Опыты позволили Г. Циглеру вывести формулу: чем больше мозг и чем плотнее располагаются в нем нейроны, тем выше мыслительная способность млекопитающего. Именно плотность нейронов превращает человека в млекопитающего с наиболее развитыми умственными способностями [2]. После представления данной теории широкой общественности она непредвиденно для автора была подхвачена психологами, социо- и психоневрологами, которые увидели в формуле Г. Циглера основу для введения в психотипологию человека, позволяющую сначала объяснить, а затем узаконить диктатуру господствующих классов [4]. Позже, можно предположить, что политика и окружение сделали определенные трансформации, Г. Циглер стал сам активно продвигать свое первоначальное исследование применительно к идеям национализма и постепенно встал в ряды фашистских идеологов. Выводы Г. Циглера были подхвачены и нашли широкое распространение у сторонников Альфреда Гугенберга и его однопартийцев (партия «Стальной шлем» – немецкая правоконсервативно-монархическая политическая организация в Веймарской республике). Изучая феномен Г. Циглера, М. А. Аржанов писал: его идеи грубы и циничны, а все те, кто поддерживает и распространяет их, – есть определенная разновидность фашистских идеологов [1, с. 25–29].

Сегодня много свидетельств того грязного нутра Нацистской расовой политики

и фашистского государственного террора, в которое вылилось казалось бы, безобидное исследование. С приходом и восстановлением в Германии власти национал-социалистов началось массовое изгнание, затем преследование сначала любых политических противников нацистского режима и евреев, затем их истребление, издевательства, проведение опытов над людьми. Уничтожению подвергались представители различных этнических и социальных групп. Это не только евреи, но и цыгане, инвалиды, больные люди и др. В 1935 году принимаются первые Нюрнбергские расовые законы, а военизированные организации нацисткой партии Германии (СА и СС) приступили к обустройству специализированных концентрационных лагерей и гетто, целью которых было массовое уничтожение людей. Только лиц еврейской национальности было уничтожено около 6 млн. Это цифра зафиксирована в материалах Нюрнбергского трибунала[1]. Архив Американского мемориального музея Холокоста открыл сведения: германские нацисты рассматривали славян, прежде всего поляков, как представителей «низшей расы», которая должна быть покорена, обращена в рабство и в конечном счёте уничтожена[2]. Общее число жертв геноцида славян от 19,7 до 23,9 млн человек. Это прежде всего советские граждане, поляки, словенцы, сербы и др. По разным сведениям, в период нацисткой диктатуры граждан СССР было уничтожено от 15,5 до 19,5 млн человек[3]. Американский политолог Р. Руммель приводит такие данные: за годы террора погибло: около 3 млн украинцев, примерно 1,4 млн. белорусов и 1,6 млн русских (без учета гибели советских военнопленных) [3].

Удивительно, что европейцы, в т. ч. поляки и украинцы, все больше забывают об этом и вновь погружают себя во тьму нацизма.

Лишь в декабре 1948 г. Резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН была принята и утверждена Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него[4]. Осуждая геноцид, Ассамблея объявила его международным преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций (далее – ООН). ООН, договаривающиеся страны обязались данным соглашением принимать меры предупреждения и карать за совершение актов геноцида, публичные призывы к нему, соучастие в геноциде и заговор с целью геноцида, независимо, совершён он в мирное или военное время, частным, должностным лицом или правительством договаривающегося государства. Геноцид не может рассматриваться как политическое преступление, а виновным не должно предоставляться политическое убежище[5].

Под геноцидом предложено понимать действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, включая: убийство, причинение серьезных телесных повреждений, предотвращение деторождения и насильственное изъятие детей, предумышленное создание таких жизненных условий, последствием которых наступит полное или частичное физическое уничтожение людей[6]. 9 декабря Генеральной Ассамблеей ООН провозглашен как Международный день памяти жертв преступления геноцида. Нюрнбергский процесс над военными преступниками нацистской Германии (с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.) положил начало привлечению к ответственности нацистов, виновных в геноциде. В Российской Федерации, в соответствии со ст. 1.1 Федерального закона от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» Днём памяти жертв геноцида советского народа, совершенного нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов признан день – 19 апреля[7].

Прошло 80 лет от начала Нюрнбергского процесса и первых принятых на нем резолюций. Российский народ несёт память о погибших и истребленных людях.

[1] Нюрнбергский трибунал. URL: https://nurnbergprozes.narod.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Жертвы нацизма. Обзор. Энциклопедия Холокоста // URL: https://web.archive.org/web/20130914125309/http://www.ushmm.org/wlc/ru/article.php?ModuleId=10005149 (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Энциклопедии геноцида. URL: https://безсрокадавности.рф/video/master-klass-priemy-raboty-s-materialami-proekta-bez-sroka-davnosti-na-primere-elektronnoj-enciklopedii-genoczida-sovetskogo-naroda-naczistami-i-ih-posobnikami-v-gody-velikoj-oteche/?ysclid=mls0w4e1pd39984266.

[4] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: принята Резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml?ysclid=mls2b20uk735789713 (дата обращения: 12.01.2026).

[5] Там же.

[6] Там же. Статья 2.

[7] О днях воинской славы и памятных датах России: федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собр. зак-ва РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

На национальном уровне и во всех регионах России ведется работа по уголовному преследованию за преступления геноцида. Геноцид во всех его проявлениях является уголовно наказуемым деянием (ст. 357 УК РФ). Статья 357 Уголовного кодекса Российской Федерации входит в раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества»[1]. Геноцид признается в России тяжким преступлением.

Согласно ст. 67.1 Конституции Российской Федерации в России чтится «память защитников Отечества…». Российская Федерация «обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»[2]. Граждане Российской Федерации не только в силу Конституции РФ, но и исторически относятся с уважением к памяти погибших и жертв военных преступлений. В России почитается сила духа советского народа, проявившего единство и стойкость в борьбе с нацистами и их пособниками. В этой связи, а также в целях поддержания всеобщего мира и согласия, недопущения проявлений нацизма в любой форме, принят Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ)[3].

На законодательном уровне закреплены формы увековечения памяти жертв геноцида советского народа, к которым отнесены (ст. 2):

- захоронение и перезахоронение останков жертв геноцида, благоустройство захоронений, установка мемориальных сооружений, увековечивающих их память, сооружение памятных знаков;
- проведение поисковых работ, установление и сохранение имен жертв геноцида;
- создание музеев, экспозиций и выставок;
- публикация в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» материалов о геноциде и памяти жертв;
- проведение научных исследований и включение в образовательные программы материалов, разработанных на основании исторических источников и посвященных памяти жертв геноцида и проч.

Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по вопросам увековечения памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Правительством Российской Федерации признано Министерство культуры Российской Федерации[4]. Согласно распоряжению Правительства РФ от 27.01.2026 № 104-р АНО «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации» уполномочен осуществлять функции национального оператора по увековечению памяти жертв геноцида советского народа[5]. Центр имеет своей целью хранить и сберегать традиционные российские духовно-нравственные ценности, культуру и историческую память, а также реализовывать общественно значимые проекты и инициативы. Так, Центром исторической памяти разработан и запущен специальный историко-просветительский проект «Без срока давности». Проект направлен на сохранение исторической памяти о погибших и военных преступлениях нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. В рамках этого проекта органы исполнительной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления совместно с правоохранительными ведомствами осуществляют меры, направленные на недопущение проявлений нацизма в любой форме, реализуя намеченное в рамках Федерального закона № 74-ФЗ, принимают меры по установлению обстоятельств вновь выявленных преступлений нацистов против мирных жителей и лиц, причастных к их совершению.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собр. зак-ва РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ // Рос. газ. 2025. 25 апр.

[4] Об уполномоченном федеральном органе исполнительной власти по увековечению памяти жертв геноцида советского народа: постановление Правительства РФ от 28.11.2025 № 1930 // Собр. зак-ва РФ. 2025. № 49. Ст. 7565.

[5] Об осуществлении функции национального оператора по увековечению памяти жертв геноцида советского народа АНО «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 27.01.2026 № 104-р // Гарант. РУ: [информационно-правовой портал]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413429628/ (дата обращения: 29.01.2026).

Так, Генеральная прокуратура РФ провела огромную работу, связанную с подготовкой и направлением в суды заявлений о признании деяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников против мирного населения и военнопленных военными преступлениями, преступлениями против человечности[1].

Такая законодательная и организационная работа оправдана. В последние годы наблюдается негативная тенденция, когда отдельные политические и общественные организации и органы стремятся пересмотреть результаты Второй мировой войны, принизить роль советского народа в победе над фашизмом, подвергнуть вольной интерпретации имеющиеся исторические факты о жертвах этой войны и злодеяниях фашистов. Нередко ими откровенно фальсифицируются события тех времен с целью преуменьшить заслуги Советского Союза в разгроме нацистской Германии. С высоких трибун звучат заявления и принимаются резолюции, в которых вместо однозначного осуждения германского нацизма делается акцент на преступления в рамках действия тоталитарных режимов.

Это происходит преимущественно на фоне возрождения нацистской идеологии в странах Балтии и Западной Европы. В Латвии, Литве и Эстонии поощряется память о военнослужащих подразделений СС. Воочию последствия забвения преступлений нацизма можно наблюдать сейчас на территории современной Украины.

В условиях продолжающейся информационной войны отмечаются попытки оправдания и пропаганды нацизма и в России. Сохраняется динамика увеличения количества преступлений и правонарушений, связанных с реабилитацией нацизма. Чем дальше от нас Вторая мировая война, чем меньше свидетелей тех преступлений остается в живых, тем сильнее проявления нацизма, тем активнее попытки сторонников нацистской идеологии заронить и взрастить ее ростки в умах наших сограждан, в том числе молодежи.

В этой связи широкую воспитательную работу проводят публичные органы власти Российской Федерации, общественные организации, вузы и др. Так, например, Генеральной прокуратурой Российской Федерации издан приказ от 14.09.2022 № 510 «Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации»[2]. Концепция определяет некие базовые положения, устанавливает принципы, цели, задачи по государственно-патриотическому воспитанию в органах прокуратуры Российской Федерации с учетом специфики ее деятельности. Государственно-патриотическое воспитание в прокуратуре Российской Федерации – это система мер нормативно-правового, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, методического, научного, образовательного и просветительского характера, направленных на формирование у работников прокуратуры любви к России, гордости за честь служить Отечеству, уважения к истории страны, готовности к выполнению в любых условиях служебного долга и конституционной обязанности по защите Родины от внешних и внутренних угроз. Особо хотелось бы остановиться на формах, методах и средствах функционирования указанной системы государственно-патриотического воспитания:

- инициативное участие в мероприятиях по защите исторической памяти о погибших и военных преступлениях нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны учитывается при подготовке положительной характеристики личных качеств работников, студентов (курсантов), принимается во внимание при проведении аттестации, решении вопросов о включении в кадровый резерв для выдвижения на руководящие должности в органах прокуратуры, представлении к поощрению и др.;
- поощряется участие работников прокуратуры, студентов (курсантов) в общественно-патриотических мероприятиях, акциях, проектах, в том числе «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Без срока давности», «Я - гражданин России»;
- работники прокуратуры, студенты (курсанты) привлекаются к участию в поисковой работе, направленной на увековечение памяти защитников Отечества и сохранение воинской славы России, развитие сотрудничества с Общероссийским общественным движением по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России»;

[1] Нюрнбергский трибунал. URL: https://nurnbergprozes.narod.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2022 № 510 (ред. от 09.06.2025) // Законность. 2022. № 11.

- работники, студенты (курсанты) вовлекаются в добровольческую (волонтерскую) работу, в том числе по сохранению и благоустройству воинских захоронений, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений и объектов;
- в аудиториях и на занятиях, проводимых в рамках реализации программ дополнительного профессионального образования, изучаются темы в рамках государственно-патриотической направленности, посвященные истории России, биографиям выдающихся граждан Отечества, дням воинской славы;
- поощряется изучение работниками органов прокуратуры, прибывшими к новому месту службы, традиций местного населения, национальных, исторических, культурных, религиозных основ региона, биографий жителей, посвятивших себя служению Отечеству и являющихся примером мужества и героизма, исторических дат и событий.

Среди основных средств Концепции представляется нужным выделить:

- вовлечение работников прокуратуры, студентов (курсантов) на регулярной основе в мероприятия по оказанию адресной поддержки ветеранам; организация централизованных экскурсионных программ;
- индивидуальная воспитательно-педагогическая работа, осуществляемая в процессе наставнической деятельности с молодыми специалистами;
- встречи ветеранов прокуратуры с работниками, проходящими подготовку в учебно-методических отделах прокуратур;
- индивидуальная воспитательная работа и психологическая поддержка, направленные на обеспечение развития и поддержания патриотических чувств у молодых специалистов в процессе адаптации к службе в правоохранительных органах;
- разъяснение законодательства Российской Федерации, регламентирующего вопросы защиты исторической памяти, противодействия экстремизму, терроризму и реабилитации нацизма;
- взаимодействие с российскими движениями молодежи, всероссийскими детско-юношескими военно-патриотическими общественными движениями («Орленок», «Артек», «Смена», «Победа» и др.).

Система приведенных мер и мероприятий стимулирующего, поощрительного, воспитательного и иного характера представляется весьма важной и значимой для сохранения и поддержания исторической памяти. Опыт Генеральной прокуратуры в данном вопросе представляется весьма полезным и заслуживает распространения.

Список источников

1. Аржанов М. А. Гегельянство на службе германского фашизма. М.: Партиздат, 1933.
2. Ziegler Heinrich Ernst. Der Begriff des Instinktes einst und jetzt. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1920.
3. Rummel R. J. Victims: Nazi Germany, 1933–1945 // Dtmocide nazi genozide and mass murde. Routledge, 2022.
4. Der Begriff des Instinktes einst und jetzt Eine Studie über die Geschichte und die Grundlagen der Tier psychologie. Природа, 1911.

Информация об авторе:

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна,
главный научный сотрудник
сектора административного права
и административного процесса

About the author:

Kobzar-Frolova Margarita N.,
chief researcher
at the department of administrative law
and administrative procedure

Статья поступила в редакцию 18.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 23.03.2026. The article was submitted to the editorial office 18.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-52-58
EDN: https://elibrary.ru/lnsdzb

ВАРГАСОВ ВИТАЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат юридических наук
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
v-vargasov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. *В представленной статье рассмотрены проблемные аспекты взаимодействия уголовной и административной юрисдикций в противодействии незаконной миграции. В качестве примера приведены правовые нормы, закрепленные в ч. 3 и 4 ст. 19.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проведен анализ вопросов процессуальной деятельности. Особое внимание уделено проблемам выявления административных правонарушений рассматриваемой категории в ходе производства предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *незаконная миграция, юрисдикция, ответственность, процессуальная деятельность, взаимодействие*

Для цитирования: *Варгасов В. К. К вопросу о взаимодействии уголовной и административной юрисдикций в противодействии незаконной миграции // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 52–58; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-52-58.*

VARGASOV VITALY K.
phd of law
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

TO A QUESTION ABOUT INTERACTION OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE JURISDICTIONS IN COUNTERACTION OF ILLEGAL MIGRATION

Abstract. *The problems of interaction of criminal and administrative jurisdictions in counteraction of illegal migration were considered in this article. The parts 3 and 4 administrative law article number 19.23 and criminal law article number 322.1 were given for example. The procedural questions were analyzed. The cases of detection administrative offences during criminal investigation were especially considered. The suggestions for improvement of legislation and practice were formulated.*

Keywords: *illegal migration, jurisdiction, responsibility, procedural activity, interaction*

For citation: *Vargasov V. K. To a question about interaction of criminal and administrative jurisdictions in counteraction of illegal migration // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 52–58; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-52-58.*

© Варгасов В. К., 2026.

Совокупность общественных отношений, возникающих в сфере миграции, следует рассматривать в качестве самостоятельной области правового регулирования. При этом границы, в которых осуществляется правовая регламентация миграционных процессов, не имеют строгой отраслевой принадлежности. Нормы об административной и уголовной ответственности в равной степени призваны обеспечить законность в миграционной среде, образуя единую систему правовых инструментов.

Рассматривая «миграционное законодательство» в качестве самостоятельного правового образования, следует отметить, что нормы о юридической ответственности занимают лишь его часть, выполняя вспомогательную функцию.

Основная же роль принадлежит базовым нормативным правовым актам, устанавливающим правила въезда/выезда, пребывания, осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами на территории Российской Федерации и т. д.

Так, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией»[1] (далее – постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2020 № 18), предписывает судам при рассмотрении уголовных дел о миграционных преступлениях учитывать положения, содержащиеся в Федеральном законе от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[2], Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[3] и т. д.

В данной связи следует согласиться с научной точкой зрения о том, что выделение подобного нормативного материала (будь то оборот наркотиков, миграция, экстремизм и т. д.) в качестве самостоятельного элемента в системе законодательства формально-юридически вполне обоснованно и «позволяет обеспечить комплексное развитие правового регулирования в рассматриваемой области, раскрывает дополнительные возможности для его совершенствования» [1, с. 24–29].

Однако необходимо учитывать, что подобный подход обязывает правоприменителя, в первую очередь должностных лиц органов предварительного следствия, иметь на вооружении познания в области как уголовного, так и административного права, что, по мнению специалистов, обуславливает необходимость включения курса административно-деликтного права в единый блок специализации по уголовному праву, поскольку такая специализация необходима не только должностным лицам административной юрисдикции, но и судьям, прокурорам, следователям [2].

В пользу последнего тезиса нужно констатировать, что ввиду отсутствия в российском законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц, правовые нормы об административной ответственности в отдельных случаях фактически выполняют вспомогательную функцию.

Следует согласиться с мнением А. П. Шергина и К. Ф. Шергиной, в соответствии с которым все отраслевые виды ответственности являются составными частями единой юридической ответственности, сформировавшейся в той или иной государственно-правовой системе и ориентированной на юрисдикционную защиту общественных отношений [2].

Таким образом действующее законодательство (административное и уголовное) предусматривает комплексную защиту общественных отношений, складывающихся в сфере миграции, однако вопрос применения таких правовых норм остается крайне актуальным.

В соответствии с ч. 3 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) привлечение к уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

[1] О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www. consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_357060/ (дата обращения: 28.12.2025).

[2] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 15.11.2025).

[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 15.11.2025).

Часть 3 ст. 19.23 КоАП РФ предусматривает административную ответственность для юридического лица за подделку документов, удостоверяющих личность, подтверждающих наличие у лица права или освобождение его от обязанности, а равно подделку штампов, печатей, бланков, их использование, передачу либо сбыт, совершенные с целью организации незаконной миграции, в том числе в целях нарушения иностранным гражданином или лицом без гражданства (далее – иностранный гражданин, иностранные граждане) установленных правил въезда в Российскую Федерацию, правил миграционного учета либо передвижения по территории Российской Федерации, порядка выбора ими места пребывания или жительства в пределах Российской Федерации либо транзитного проезда через территорию Российской Федерации, или в целях незаконного осуществления ими трудовой деятельности. Часть 4 ст. 19.23 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за повторное совершение такого противоправного деяния.

Указанные административные правонарушения и преступление, предусмотренное ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), следует рассматривать как смежные правонарушения[1] в контексте положения, закрепленного в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[2].

Ввиду новизны рассматриваемых составов административных правонарушений судебная практика по ним только начинает формироваться. Представляется, что в перспективе производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ, будет зачастую взаимосвязано с расследованием преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что внедренный в КоАП РФ термин «организация незаконной миграции» имеет уголовно-правовое значение.

По смыслу абз. 1 п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2020 № 18 организация незаконной миграции выражается в организации незаконного въезда, пребывания либо незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан.

В рамках уголовной юрисдикции к ответственности привлекается физическое лицо – работник организации, фактически совершивший организацию незаконной миграции в виде одной из вышеперечисленных форм.

В рамках административной юрисдикции к ответственности привлекается юридическое лицо, если таким юридическим лицом не были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

Возникает вопрос, что считать моментом окончания противоправных действий, ответственность за которые предусмотрена ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ, а также исчисления сроков привлечения к административной ответственности.

Согласно абз. 2 п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2020 № 18 организация незаконной миграции квалифицируется как оконченное преступление с момента умышленного создания виновным лицом условий для осуществления иностранными гражданами незаконного въезда, пребывания или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, независимо от того, совершены ими такие действия или нет.

Таким образом, административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ, следует считать оконченным с момента создания виновным лицом условий для осуществления иностранным гражданином незаконного въезда, пребывания, транзитного проезда через территорию Российской Федерации или незаконного осуществления им трудовой деятельности, независимо от того, совершены им (иностранным гражданином) такие действия или нет.

При этом в соответствии с п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2020 № 18 создание с единым умыслом условий для осуществления иностранным гражданином нескольких указанных в ч. 1 ст. 322.1

[1] *Правонарушение* – преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность.

[2] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2026 № 182-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 15.11.2025).

УК РФ нарушений миграционного законодательства, а равно для совершения одного или нескольких таких незаконных действий одновременно двумя или более иностранными гражданами следует квалифицировать как одно преступление, предусмотренное соответствующей частью ст. 322.1 УК РФ.

То есть во взаимосвязи с положениями, закрепленными в п. 4 и 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»[1], преступление, предусмотренное ст. 322.1 УК РФ, следует считать продолжаемым, сроки давности привлечения к уголовной ответственности за совершение которого исчисляются с момента совершения последнего из тождественных преступных действий.

Содержание категории «продолжаемое административное правонарушение» в КоАП РФ отсутствует.

Однако оно сформулировано в ч. 2 ст. 2.4 проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которой продолжаемым признается единое административное правонарушение, которое состоит из ряда тождественных по направленности и содержанию действий (бездействий).

Подобный подход представляется весьма перспективным. Придерживаясь его, административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ, теоретически следует считать продолжаемым в случае, если его объективная сторона выражается в охватываемом единым умыслом создании условий для незаконного въезда, пребывания, транзитного проезда через территорию Российской Федерации или незаконного осуществления трудовой деятельности для нескольких иностранных граждан, осуществляемом в течение длительного времени. При этом во взаимосвязи с положением, закрепленным в ч. 1.1 ст. 4.5 КоАП РФ, срок давности привлечения к административной ответственности за совершение такого продолжаемого правонарушения следует исчислять с момента последнего по времени выявленного создания указанных условий.

Стоит отметить, что из-за существующей правовой неопределенности отдельными практическими работниками предпринимаются попытки исчислять сроки привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ, с момента его обнаружения. При этом последний связывается с вступлением в законную силу приговора суда по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 322.1 УК РФ[2].

Подобный правовой подход представляется ошибочным по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, рассматриваемые административные правонарушения не относятся к категории длящихся.

Во-вторых, противоправные деяния, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ и ст. 322.1 УК РФ, различаются по объективной стороне состава правонарушения. То есть, если организация незаконной миграции предусматривает наличие хотя бы одной из трех составляющих: незаконный въезд, незаконное пребывание либо незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации, то диспозиция ч. 3 ст. 19.23 КоАП РФ предусматривает также в качестве цели незаконное осуществление иностранным гражданином трудовой деятельности в Российской Федерации.

Кроме того, подобные вопросы уже становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ при производстве по делам о других административных правонарушениях против порядка управления, смежных с уголовно наказуемыми деяниями. Указывалось, что законодательство об административных правонарушениях рассматривает юридическое лицо в качестве самостоятельного субъекта административной ответственности, и установление его вины должно быть осуществлено

[1] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464554/ (дата обращения: 15.11.2025).

[2] Определение Ленинского районного суда г. Томска от 03.09.2025 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-leninskii-raionnyi-sud-g-tomska-tomskaia-oblast/?ysclid=mjwkor0qgt905008922 (дата обращения: 10.12.2025).

в производстве по делу об административном правонарушении[1].

Следует также отметить, что на данной правовой позиции неоднократно основывались решения судов общей юрисдикции[2].

Аналогичное мнение поддерживается Генеральной прокуратурой РФ. Так, согласно Методическим рекомендациям об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории[3] «при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 19.28 КоАП РФ, возможность привлечения юридического лица к административной ответственности не должна ставиться в зависимость от наличия обвинительного приговора в отношении физического лица, несмотря на то, что противоправные действия фактически совершаются физическим лицом от имени или в интересах юридического лица».

В свою очередь, сотрудникам органов предварительного следствия рекомендовано в случае обнаружения признаков административного правонарушения в ходе предварительного расследования направлять материалы, содержащие необходимые сведения, прокурору, к чьей компетенции относится возбуждение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.28 КоАП РФ.

Описанный механизм представляется применимым и в случаях выявления административных правонарушений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ в ходе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, связанных с организацией незаконной миграции. Однако следует учитывать, что расследование уголовно наказуемых деяний данной категории может осуществляться не один месяц, с учетом необходимости производства всего комплекса следственных действий, включая проведение судебных экспертиз.

При этом, в силу ст. 4.5 КоАП РФ, срок давности привлечения к административной ответственности по ст. 19.23 КоАП РФ составляет 90 календарных дней со дня совершения административного правонарушения.

Данное обстоятельство может повлечь за собой ситуации, когда при поступлении материалов в орган административной юрисдикции сроки привлечения к ответственности виновного лица истекут.

Учитывая вышеизложенное, представляется целесообразным увеличение срока давности привлечения к административной ответственности по ст. 19.23 КоАП РФ до 1 года.

Как возможную вспомогательную правовую меру следует рассматривать возможность закрепления на уровне ведомственного нормативного правового акта обязанности сотрудников органов предварительного следствия при наличии признаков административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 и 4 ст. 19.23 КоАП РФ, в течение определенного срока выделять материалы из уголовных дел о привлечении виновных лиц к административной ответственности.

Подобные вопросы ранее уже рассматривались Следственным департаментом МВД России. Так, согласно Алгоритму действий следователя при расследовании хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[4] при наличии признаков административного правонарушения, не позднее трех рабочих дней с момента их установления, следователям надлежит выделять материалы из уголовных дел о привлечении виновных лиц к административной ответственности по ст. 13.29 КоАП РФ.

В данной связи возникает закономерный вопрос о сроках и полноте материалов, вы-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Корпорация «Гринн» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 2360-О. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70212260/ (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Например: постановление Нижегородского областного суда от 23.07.2019 по делу № 4а-935/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uNtJnujDkd1F/ (дата обращения: 10.12.2025).

[3] Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167-15 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186022/ (дата обращения: 10.12.2025).

[4] Письмо Следственного департамента МВД России от 08.10.2022 № 17/2-35938.

деляемых в отдельное производство следователем в случае обнаружения признаков административного правонарушения.

Прежде всего необходимо учитывать, что одним из основных доказательств причастности юридического лица к административному правонарушению, предусмотренному ч. 3 и 4 КоАП РФ, является заключение судебной экспертизы (технико-криминалистической, почерковедческой).

В силу того, что исследуемые документы, как правило, изымаются в ходе предварительного следствия и признаются вещественными доказательствами по уголовному делу, должностное лицо, осуществляющее производство по делу об административном правонарушении, может быть лишено возможности самостоятельного производства таких экспертиз.

Такая юридическая ситуация обуславливает необходимость выделения следователем материалов из уголовного дела после производства судебных экспертиз и направление их заключений в орган административной юрисдикции.

Помимо этого, к выделенному материалу рекомендуется приобщать следующие документы:

– рапорт об обнаружении признаков административного правонарушения;

– заверенная надлежащим образом копия постановления о выделении материалов уголовного дела в отдельное производство;

– заверенная надлежащим образом копия допроса обвиняемого (работника юридического лица);

– заверенная надлежащим образом копия допроса свидетеля (иностранного гражданина или ЛБГ, чьи незаконный въезд, пребывание или транзитный проезд через территорию Российской Федерации были организованы привлекаемым по делу об административном правонарушении юридическим лицом).

При этом необходимо отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 155 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в случае, если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с уже расследуемым, следователь выносит постановление о выделении из уголовного дела материалов, содержащих соответствующие сведения.

На практике подобный механизм зачастую используется следователями для принятия решения по всем правонарушениям, непосредственно не связанным с расследуемым деянием, сведения о которых были получены в ходе предварительного расследования. Подобная правовая позиция продиктована, прежде всего, целью избежать возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования в связи с его неполнотой.

Однако представляется, что подобная неточность в перспективе предоставляет возможность стороне защиты поставить под сомнение изначальную законность принятого решения о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела, если речь идет об административном правонарушении. В данной связи представляется, что внесение изменений в ч. 1 ст. 155 УПК РФ, в части использования вместо термина «преступление» более широкого термина «правонарушение», в перспективе позволило бы избежать подобных негативных правовых последствий [3, с. 127–130].

Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживает вопрос допустимости использования в административном процессе доказательств, изначально полученных в ходе производства по уголовному делу.

Судебная практика по данному поводу складывается неоднозначная. В ней встречаются случаи как признания судом допустимыми доказательствами по делу об административном правонарушении документов, полученных в рамках уголовной юрисдикции[1], так и противоположные решения[2].

Зачастую камнем преткновения служит факт отсутствия разъяснения участникам производства по уголовному делу положений КоАП РФ, касающихся их прав, обязанностей и ответственности.

Для минимизации возникновения таких юридических ситуаций предлагается при назначении судебных экспертиз по уголовному делу, в ходе расследования которого установлены признаки административного

[1] Например: постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.10.2021 № 16-6548/2021 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт].

[2] Например: постановление Фурмановского городского суда Ивановской области от 27.05.2019 о назначении административного наказания Ю. А. Гнедину по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ.

правонарушения, заранее разъяснять эксперту положения КоАП РФ, а также тот факт, что его заключение может быть использовано в качестве доказательства по делу об административном правонарушении.

В заключение следует отметить, что вышеизложенные вопросы не являются исчерпывающими. Представляется, что в дальнейшем проблемы взаимодействия уголовной и административной юрисдикций как в противодействии незаконной миграции, так и в целом будут актуализироваться. Это обусловлено как усложнением общественных отношений, охраняемых нормами об административной ответственности, так и появлением в КоАП РФ и УК РФ все большего количества смежных составов правонарушений.

Список источников

1. Анисифорова М. В. Направления совершенствования антинаркотического законодательства // Научный портал МВД России. 2024. № 4 (68).
2. Шергин А. П., Шергина К. Ф. Проблемы интеграции административной и уголовной ответственности // Научный портал МВД России. 2010. № 4.
3. Варгасов В. К. Административная юрисдикция в противодействии экстремизму // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8.

Информация об авторе:

Варгасов Виталий Константинович, *старший научный сотрудник*

About the author:

Vargasov Vitaly K., *senior researcher*

Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 19.01.2026;
approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-59-67
EDN: https://elibrary.ru/djfmfo

ТРЕГУБОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
kiber1817@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется проблема ограничения конституционных прав и свобод человека при применении мер административно-процессуального принуждения в контексте административного процесса. Основой научной работы являются доктринальные положения отечественной науки административного права, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека. Административно-процессуальное принуждение рассматривается как особая совокупность обеспечительных мер, не тождественных административной ответственности и предназначенных для достижения процессуальных целей в производстве по делам об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется функциональной природе таких мер, их обеспечительной сущности, доказательственной и исполнительной направленности, что позволяет раскрыть их инструментальный характер, противопоставляя их санкционным механизмам.*

Анализируются конституционные пределы допустимого вмешательства государства в сферу прав личности при применении доставления, административного задержания, личного досмотра, изъятия вещей и документов, освидетельствования, а также помещения иностранных лиц, подлежащих административному выдворению, в специальные учреждения. Обосновывается, что ключевыми критериями допустимости ограничений выступают законность в ее содержательном понимании, правовая определенность, необходимость и соразмерность, а также наличие эффективных процедурных гарантий и судебного контроля. На основе анализа судебной практики показано, что частичная неопределенность правового регулирования мер административно-процессуального принуждения, в том числе в вопросах исчисления сроков и объема вмешательства, способна трансформировать процессуальные меры в санкционные, которые имеют уже природу ответственности за совершенное правонарушение и выражаются в фактическом лишении свободы или чрезмерном ограничении прав.

Ключевые слова: *административно-процессуальное принуждение, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, ограничение прав, Конституция Российской Федерации, соразмерность, судебный контроль, административное задержание, личный досмотр, изъятие*

Для цитирования: *Трегубов И. С. Проблемы ограничения конституционных прав личности при применении мер административно-процессуального принуждения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 59–67; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-59-67.*

© Трегубов И. С., 2026.

TREGUBOV IGOR S.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

PROBLEMS OF RESTRICTING CONSTITUTIONAL RIGHTS OF INDIVIDUALS WHEN APPLYING MEASURES OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL ENFORCEMENT

Abstract. *The article examines the problem of restrictions on constitutional human rights and freedoms when applying administrative and procedural coercion measures in the context of an administrative process. The basis of scientific work is the doctrinal provisions of the Russian science of administrative law, as well as legal positions The Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Administrative procedural coercion is considered as a special set of interim measures that are not identical to administrative responsibility and are intended to achieve procedural goals in proceedings on administrative offenses. Special attention is paid to the functional nature of such measures, their security nature, their evidentiary and executive focus, which allows us to reveal their instrumental nature by contrasting them with sanction mechanisms.*

The article analyzes the constitutional limits of the state's permissible interference in the sphere of individual rights when using delivery, administrative detention, personal search, seizure of items and documents, examination, as well as the placement of foreign individuals subject to administrative expulsion in special institutions. The article argues that the key criteria for the permissibility of restrictions are legality in its substantive sense, legal certainty, necessity and proportionality, as well as the presence of effective procedural guarantees and judicial control. Based on an analysis of judicial practice, it has been shown that the partial uncertainty of the legal regulation of administrative and procedural coercive measures, including issues related to the calculation of time limits and the scope of intervention, can transform procedural measures into sanctions that already have the nature of liability for an offense and are expressed in actual deprivation of freedom or excessive restriction of rights.

Keywords: *administrative procedural coercion, measures to ensure proceedings on administrative offenses, restriction of rights, Constitution of the Russian Federation, proportionality, judicial control, administrative detention, personal search, seizure*

For citation: *Tregubov I. S. Problems of restricting constitutional rights of individuals when applying measures of administrative and procedural enforcement // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 59–67; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-1-59-67.*

В отечественной доктрине административного права административное принуждение традиционно рассматривается как особый вид государственного принуждения, применяемый преимущественно в сфере исполнительной власти и направленный на охрану публичного порядка и обеспечение исполнения правовых предписаний [1]. Такой подход позволяет выделить два взаимосвязанных признака административного принуждения. Во-первых, субъектный признак, выражающийся в том, что основная совокупность принудительных полномочий принадлежит органам исполнительной власти и иным административным органам, тогда как судебные органы, как правило, осуществляют последующий контроль за законностью и обоснованностью их применения. Во-вторых, функциональный признак, заключающийся в направленности административного принуждения на обеспечение общеобязательности правовых предписаний, защиту прав и законных интересов личности, общества и государства, а также на предупреждение и пресечение правонарушений.

В рамках административного принуждения доктрина обычно выделяет меры предупреждения, меры пресечения, меры административной ответственности, а также меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предназначенные для нормального хода административного процесса. Именно последняя группа и образует сущность мер административно-процессуального принуждения.

Административно-процессуальное принуждение следует понимать как совокупность установленных законом властных мер, применяемых в рамках административного процесса (прежде всего в производстве по делам об административных правонарушениях) для достижения процес-

суальных целей: установления личности, фиксации доказательств, пресечения попыток скрыться, обеспечения своевременного рассмотрения дела и исполнения постановления. В отличие от мер ответственности, эти меры не выражают санкцию за совершенное правонарушение и не являются наказанием. Их назначение инструментально и заключается в обеспечении достижения результата в производстве, где государство обязано действовать оперативно, но не выходя за рамки законности.

На этой основе особенно важен системный подход, который прослеживается в научных работах. Анализируя процессуальные (обеспечительные) меры в производстве по делам об административных правонарушениях, подчеркивается их функциональная направленность на предупреждение, пресечение и сбор доказательств по делу, а также связь с исполнением наказаний. Такое понимание определяет то, что меры административно-процессуального принуждения «направлены на предупреждение административных правонарушений… и пресечение соответствующих правонарушений; кроме того, они используются для сбора доказательств… и интенсифицируют процесс исполнения назначенного административного наказания» [2, с. 73–81].

Нормативным основанием административно-процессуального принуждения в производстве по делам об административных правонарушениях являются меры обеспечения производства, закрепленные в гл. 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В то же время правоприменительная практика свидетельствует о том, что отдельные меры административно-процессуального принуждения, по своему функциональному назначению относящиеся к обеспечению производства по делам об административных правонарушениях, закреплены не только в КоАП РФ, но и в иных нормативных правовых актах, включая законодательство о полиции, о безопасности дорожного движения, о миграции. Такая фрагментарность нормативного регулирования объективно усложняет правоприменение и обуславливает необходимость терминологической согласованности, а также выработки единых стандартов правовых гарантий при применении соответствующих мер.

Системный характер мер административно-процессуального принуждения предполагает не только их внутреннюю согласованность, но и обязательное соблюдение пределов конституционно допустимого вмешательства в сферу прав и свобод личности. Это означает, что каждая обеспечительная мера в административном процессе должна одновременно отвечать требованиям процессуальной эффективности и требованиям правовой защищённости от произвольных действий публичной власти. Преобладание цели достижения результата без адекватного учета гарантий законности и соразмерности искажает назначение административной процедуры, превращая её из правового механизма в инструмент одностороннего управленческого воздействия, что вступает в противоречие с принципами правового государства, закреплёнными в Конституции.

Конституционно допустимое ограничение прав предполагает соблюдение целого комплекса требований, вытекающих из Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. В теоретическом плане ключевыми являются: принцип верховенства Конституции и закона, принцип равенства, требования правовой определенности, а также пропорциональность как критерий соотношения цели и средств.

В административном производстве это означает следующее. Если государство ограничивает свободу (например, задержанием), неприкосновенность частной жизни (например, личным досмотром или изъятием документов), право собственности (например, изъятием вещи), оно обязано доказать легитимность цели и необходимость именно такого вмешательства. Недостаточно сослаться на «общественный порядок» абстрактно, требуется конкретизация риска и невозможность достижения цели более мягкими средствами.

Поскольку административно-процессуальные меры часто применяются до установления доказательств по делу, особое значение имеет презумпция невиновности и запрет «процессуального наказания». Нормативно эта идея выражается и в том, что лицо «не может быть подвергнуто… мерам обеспечения производства… иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом», а оценка доказательств должна строиться на законности их получения.

Одним из ключевых критериев допустимости ограничения прав в административном процессе является законность, понимаемая не формально, а содержательно. Закон должен быть доступным, ясным

и упорядоченным для субъекта, в отношении которого применяются ограничительные меры. Иначе говоря, гражданин должен иметь возможность понять, при каких условиях мера может быть применена, каковы ее пределы, как фиксируются действия должностного лица, как обжаловать меру и получить компенсацию при незаконности.

С этой точки зрения показательна позиция Конституционного Суда Российской Федерации в контексте сроков административного задержания. В нормативных правовых актах подчеркивается, что регулирование, допускающее удержание лица сверх конституционно значимых пределов без судебного решения, противоречит конституционным гарантиям свободы и личной неприкосновенности. Так, анализируя порядок исчисления срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о неконституционности соответствующего регулирования. Суд указал, что установленная модель фактически допускает удержание лица в режиме административного задержания свыше 48 часов без судебного решения, что не согласуется с конституционными гарантиями равенства, свободы и личной неприкосновенности, а также с пределами допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина, закрепленными в ст. 19, 22 и 55 Конституции Российской Федерации[1].

Данное постановление демонстрирует, что правовая определенность касается не только оснований, но и времени. Срок является «жестким ограничителем» принуждения, а его размывание превращает процессуальную меру в фактическое лишение свободы, не обеспеченное судебным контролем.

Если законность отвечает на вопрос, «можно ли в принципе», то соразмерность отвечает на вопрос, «в каком объеме и насколько интенсивно». В административно-процессуальном принуждении это проявляется, например, в выборе меры (доставление или задержание), в определении минимально необходимого срока, в объеме вторжения в частную жизнь при досмотре, в решении вопроса об изъятии имущества или документов.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы выдворения и связанного с ним удержания в специальных учреждениях, неоднократно подчеркивал необходимость оценивать реальные обстоятельства, не ограничиваясь формальными основаниями. В материалах, обобщающих такую практику, фиксируется идея, где при оценке необходимости выдворения и удержания суды должны обеспечивать решение, которое будет необходимым и пропорциональным, иначе мера способна привести к «чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод»[2].

Аналогичное судебное трактование демонстрирует и Европейский суд по правам человека. В деле Menesheva v. Russia Суд пришел к выводу, что период административного удержания до доставки к судье не отвечал гарантиям ст. 5 Конвенции, а последующее постановление об удержании оказалось несовместимым с общей защитой от произвола[3]. Этот подход важен для административно-процессуальных мер по двум причинам: во-первых, он расширяет понимание «законности» и «урегулированности»; во-вторых, показывает, что даже формально законная мера может быть признана произвольной при отсутствии процедурных гарантий.

Так, в миграционной практике при применении мер принуждения к лицу без гражданства фиксируется проблема длительного содержания, когда фактическое лишение свободы может продолжаться значительное время из-за невозможности выдворения. В обзорных материалах и решениях, которые анализируются в международных базах судебной практики, подчеркивается необходимость судебного контроля сроков и возможности оспаривания дальнейшего удержания. В частности, в описании дела Е. Л. Кима отмечено, что ранее Конституционный Суд сформулировал решение, обеспечившее право оспаривать дальнейшее удержание спустя

[1] По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6840.

[2] По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2017 № 14-П // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Menesheva V. Russia: Judgment of 9 March 2006 (application no. 59261/00) // HUDOC: European Court of Human Rights.

определенный период, и указал на необходимость законодательных изменений[1].

Отдельный аспект гарантий связан с правом на юридическую помощь и допустимостью доказательств. В тематике безопасности дорожного движения обращено внимание на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации: при рассмотрении дел «не допускается использование акта освидетельствования… если указанные доказательства получены с нарушением закона»[2]. Данная установка подчеркивает, что соблюдение процедуры не формальность, а условие легитимности итогового решения.

Наиболее интенсивно административно-процессуальные меры затрагивают свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции Российской Федерации). Сюда относятся доставление и административное задержание, а также помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации. При этом интенсивность вмешательства может быть различной – от кратковременного ограничения свободы передвижения до фактического лишения свободы на продолжительный срок.

КоАП РФ устанавливает, что срок административного задержания по общему правилу не должен превышать трех часов, а в исключительных случаях допускаются иные пределы, которые закон связывает с особенностями категории дел. Это нормативное определение отражает конституционную установку, где лишение свободы не может быть обыденным с точки зрения применения закона, а оно должно быть исключением.

Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая регулирование, допускавшее удержание лица в состоянии опьянения сверх 48 часов без судебного решения, прямо указал на противоречие конституционным гарантиям[3]. Такая позиция демонстрирует строгий подход к срокам как к материальной гарантии свободы: неясность момента начала течения срока задержания способна превратить меру обеспечения в чрезмерное вмешательство.

Личный досмотр, досмотр вещей, изъятие документов, а также медицинское освидетельствование затрагивают сферу частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) и достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ). Эти меры могут быть законными и необходимыми, однако при отсутствии регламентации форм уважительного обращения, при несоблюдении требований к фиксации, при широком толковании оснований они превращаются в источник произвольного вторжения в частную сферу.

Специфика административно-процессуальных мер состоит в том, что они применяются не только на стадии производства по делу. Поэтому требование минимизации вмешательства приобретает особую силу. Если наказание назначается после установления вины, то обеспечительная мера применяется при еще не доказанном правонарушении. Следовательно, ее влияние на права личности должно быть строго минимальное и одновременно эффективное для обеспечения производства по делу об административных правонарушениях.

Среди современных подходов к понимаю соразмерности ограничения прав личности учеными приводится перечень обеспечительных инструментов. Данные научные труды указывают на целесообразность закрепления дополнительной меры, связанной с установлением вменяемости, формулируя ее как «медицинское освидетельствование на предмет определения вменяемости при совершении административного правонарушения [2, с. 73–81]. С конституционной точки зрения подобная идея может быть реализуема лишь при жестких гарантиях: четких основаниях, ограниченном объеме вмешательства, обязательной документальной фиксации, праве на обжалование и исключении дискриминационных практик.

---

[1] По жалобе лица без гражданства Кима Евгения Львовича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 3.10, частью 1.1 статьи 18.8 и частью 1 статьи 27.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2021 № 378-О // Legalacts.ru: [информационно-правовой портал]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12032021-n-378-o/ (дата обращения: 12.01.2026).

[2] О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.

[3] По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6840.

Часть административно-процессуальных мер, например осмотр помещений, может затрагивать неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ). Здесь принципиально важно разграничение между административно-процессуальной мерой и уголовно-процессуальным вмешательством: административное производство не должно «подменять» собой уголовный процесс в части интенсивности вторжения.

С точки зрения конституционных норм любое проникновение в жилище (или действия, функционально сравнимые с таким проникновением) должно иметь четкое нормативно-правовое основание, быть исключением и сопровождаться эффективным контролем со стороны судебных органов. В противном случае возникает риск «расширительной административизации», которая может даже граничить с произволом, когда под видом обеспечительных мер фактически реализуются более жесткие инструменты воздействия.

Изъятие вещей и документов, задержание транспортного средства, арест товаров, временное ограничение распоряжения отдельными объектами непосредственно затрагивают право собственности (ст. 35 Конституции РФ). В административном процессе это вмешательство нередко носит обеспечительный характер, подразумевая сбор и сохранность доказательств по делу, предотвращение дальнейшего правонарушения, обеспечение исполнения постановления.

Однако конституционная особенность собственности проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, требуется ясное регулирование условий и сроков изъятия. Во-вторых, необходима процедура возврата и компенсации ущерба при незаконности. В-третьих, требуется судебная перспектива защиты (эффективное обжалование). Без этих элементов мера административно-процессуального принуждения превращается в «скрытое наказание» до решения суда.

Ограничение свободы передвижения (ст. 27 Конституции РФ), которое выражается в административном задержании и доставлении и применяется не только к гражданам Российской Федерации, но и также к иностранным гражданам и лицам без гражданства (к примеру, помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации). При этом важно отличать ограничение свободы передвижения от лишения свободы. Европейские нормы, закреплённые в ст. 5 Конвенции о защите прав человека, ориентируются на фактическую интенсивность и условия содержания лица, а не только на формальную юридическую квалификацию удержания. Практика Европейского суда по правам человека показывает, что даже административное задержание может рассматриваться как ограничение свободы личности. Так, в деле Menesheva v. Russia суд установил, что в случае отсутствия надлежащих процессуальных гарантий такое удержание нарушает конвенционные права человека, включая право на свободу и личную неприкосновенность. Это подчёркивает, что для оценки законности ограничения свободы важны реальные обстоятельства содержания и соблюдение процедурных норм, а не только официальная формулировка меры.

Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях обычно рассматривается как кратковременное принудительное перемещение лица в служебное помещение для составления протокола, установления личности или иных процессуальных действий. Возможность превышения ограничения конституционных прав при доставлении заключается в том, что в правоприменительной практике мера может «поглощать» задержание, если фактически лицо удерживается длительно, без фиксации, без разъяснения прав и без надлежащего оформления.

Отсюда вытекают нормотворческие требования урегулирования данных пробелов: обязательность документирования времени начала и окончания доставления; разъяснение прав; право на уведомление и юридическую помощь в ситуациях, когда доставление фактически превращается в удержание.

Административное задержание представляет собой наиболее серьезное вмешательство в свободу личности. Нормативное ограничение срока отражает конституционный принцип минимальности вмешательства. Основываясь на судебной практике, где решение Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу исчисления срока задержания лица в состоянии опьянения показало, что неопределенность начала срока способна привести к фактическому удержанию свыше 48 часов без судебного решения, что признано несоответствующим конституционным гарантиям.

Это судебное дело позволяет сделать частный, но принципиальный вывод, что

при административном задержании «время» является равнозначной гарантией наряду с основанием. Если закон допускает неоднозначность начала исчисления срока, должностное усмотрение расширяется до уровня, несовместимого с запретом произвола.

Меры, связанные с личным досмотром, досмотром вещей, а также изъятием вещей и документов, затрагивают конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, достоинство и собственность. Их законность определяется не только формальным основанием, но и соблюдением строго установленных процессуальных оснований. Основными критериями допустимости применения данных мер являются: ясное законодательное закрепление оснований меры, минимизация объёма вмешательства в частную сферу, обязательная процессуальная фиксация действий и обеспечение возможности эффективного судебного контроля.

Особое значение в правоприменительной практике приобретают процессуальные гарантии правомерности и доказательственной ценности действий. К таким гарантиям относят: участие понятых для обеспечения объективности и прозрачности действий органов; использование видеозаписи как средства документирования и защиты интересов граждан; обязательное составление протокола, фиксирующего все действия, порядок и содержание вмешательства; детальное перечисление изъятых предметов и документов с фиксацией их состояния; предоставление копий протоколов и изъятий лицу, подвергнутому воздействию. Нарушение любого из этих элементов снижает правовую защиту граждан, создаёт потенциал для злоупотреблений и повышает риск недействительности доказательств в судебном производстве.

В сфере безопасности дорожного движения меры освидетельствования на состояние опьянения и медицинского освидетельствования приобретают массовый характер. С конституционной точки зрения такие действия затрагивают личную неприкосновенность и право на частную жизнь граждан, однако их легитимность обосновывается необходимостью защиты жизни и здоровья, а также обеспечением публичной безопасности. Анализ судебной практики и научной литературы показывает, что по своим основаниям и последствиям эти меры во многом схожи, а их роль в формировании доказательственной базы требует строгого соблюдения процессуальных требований. Эта позиция подтверждается и правовой практикой Верховного Суда Российской Федерации, который подчеркивает недопустимость использования актов освидетельствования, полученных с нарушением закона, в качестве доказательств в уголовном или административном процессе.

Таким образом, в случае, когда обеспечительная мера одновременно выполняет функцию формирования доказательственной базы, соблюдение процессуальных требований приобретает критическое значение не только как средство защиты конституционных прав граждан, но и как условие юридической эффективности деятельности государственных органов. Нарушение установленной процедуры снижает доказательственную ценность результатов действий, подрывает правовую основу применения принудительных мер и ставит под сомнение законность последующих решений органов, что может негативно сказываться как на реализации государственной политики в сфере безопасности, так и на защите прав и законных интересов участников правоотношений.

С точки зрения ограничения свободы особую категорию образуют меры, связанные с помещением иностранных граждан и лиц без гражданства в специальные учреждения до выдворения. На практике проблема возникает в ситуации, когда выдворение невозможно, а удержание продолжается длительное время. В таких условиях критерии необходимости и соразмерности должны оцениваться особенно строго, поскольку фактическое лишение свободы превращается в неопределенный срок.

Материалы судебной практики показывают отсутствие конкретизированных норм о судебном контроле сроков содержания и о возможности оспаривания. Из анализа обстоятельств дела Е. Л. Кима следует, что Конституционный Суд Российской Федерации ранее последовательно указывал на необходимость обеспечения права лица на оспаривание дальнейшего удержания, а также на обязанность государства осуществлять разумный и эффективный судебный контроль за сроками такого ограничения свободы. Подчеркивалось, что меры, связанные с выдворением, в определённых условиях способны приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод личности. В этой связи судам вменяется обязанность оценивать не только формальные правовые основания применения соответствующей меры, но и реальные обстоятельства дела, включая

фактическую продолжительность удержания, цели его применения и степень вмешательства в права лица[1].

Также для полноты понимания всех обстоятельств, в которых затрагиваются конституционные права граждан при применении к ним мер административно-процессуального принуждения, необходимо упомянуть и другие судебных дела.

Существенное значение для обеспечения конституционных гарантий свободы личности имеет правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная по вопросу исчисления срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения. Ранее применявшаяся нормативная конструкция связывала начало течения срока задержания с моментом вытрезвления, что в условиях правоприменительной практики фактически допускало удержание лица без судебного решения на период, превышающий установленный 48-часовой предел. Конституционный Суд указал, что подобный подход позволяет подвергать лицо административному задержанию на срок более 48 часов без судебного решения, что противоречит требованиям ст. 19, 22 и 55 Конституции РФ, закрепляющих принципы равенства, свободы и соразмерности ограничения прав[2]. В рамках анализируемой проблематики данная правовая позиция демонстрирует, что предметом конституционного контроля могут становиться процессуальные меры, которые на уровне текущего правоприменения воспринимаются как вспомогательные или технические. Вместе с тем в конституционно-правовом аспекте определение момента начала исчисления срока административного задержания непосредственно связано с допустимостью ограничения свободы личности без судебного решения. В этой связи реализация гарантий свободы предполагает нормативную определённость начала течения срока, недопустимость расширительного толкования соответствующих положений, обязательную процессуальную фиксацию каждого временного этапа удержания, а также наличие эффективных механизмов судебного обжалования.

Хотя постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2025 № 26-П непосредственно не посвящено таким классическим обеспечительным мерам, как административное задержание или досмотр, оно наглядно демонстрирует конституционную значимость процессуальных гарантий в сфере административного производства. В частности, в данном решении акцент сделан на праве лица не нести чрезмерные процессуальные издержки при подтверждении его правоты в споре с государством. В правовых позициях, сформулированных Конституционным Судом, указывается на недопустимость возложения судебных и иных процессуальных расходов на частное лицо в ситуации, когда оспариваемые действия или решения государственных органов признаны незаконными. Одновременно подчеркивается обязанность судов оценивать разумность понесённых расходов и недопустимость отказа в их возмещении исключительно по формальным основаниям.

Значение данного постановления для рассматриваемой темы заключается в том, что любые ограничения прав, возникающие в рамках административно-процессуального принуждения, должны быть уравновешены действенными и реально функционирующими механизмами правовой защиты. Если лицо вынуждено прибегать к судебному обжалованию незаконных процессуальных решений или действий должностных лиц, сама процедура судебной защиты не должна становиться экономически обременительной или фактически недоступной. Тем самым обеспечивается не формальный, а реальный характер конституционных гарантий прав и свобод в административном процессе[3].

Меры административно-процессуального принуждения выступают необходимым инструментом обеспечения нормального хода административного производства, поскольку позволяют государству оперативно реагировать на правонарушения и обеспечивать исполнение публично-правовых обя-

[1] По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2017 № 14-П // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (дата обращения: 12.01.2026).

[2] По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.11.2016 № 25-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6840.

[3] По делу о проверке конституционности статей 15, 16, 151 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 24.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина А. В. Ивченкова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 26-П // Рос. газ. 2025. 10 июля.

занностей. Вместе с тем их применение неизбежно связано с вмешательством в сферу конституционных прав и свобод личности. Признавая функциональную оправданность таких мер, правовое государство обязано удерживать административное принуждение в пределах конституционно допустимого, что достигается посредством совокупности взаимосвязанных критериев. К числу таких критериев относятся: законность, предполагающая наличие чётких и определённых правовых оснований; необходимость и соразмерность вмешательства преследуемым целям; соблюдение процедурной справедливости; наличие эффективного судебного контроля; функционирование компенсационных механизмов, направленных на восстановление нарушенных прав.

Анализ научных подходов и судебной практики показывает, что наибольшие конституционные риски связаны с теми мерами административно-процессуального принуждения, которые непосредственно затрагивают свободу и личную неприкосновенность человека, включая доставление, административное задержание и помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации. Существенные риски возникают и при применении мер, вмешивающихся в сферу частной жизни и собственности, таких как личный досмотр, изъятие вещей и документов, а также различные виды освидетельствования. Характерным примером является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу исчисления срока административного задержания, из которой следует, что даже формально «технические» элементы правового регулирования способны при неблагоприятной практике приводить к чрезмерному ограничению свободы личности. Аналогичный подход прослеживается и в практике Европейского суда по правам человека, неоднократно подчеркивающего, что формальное соответствие меры закону не исключает её произвольного характера при отсутствии действенных процессуальных гарантий.

В конечном счёте эффективность административного процесса и обеспечение конституционных прав личности не находятся в отношениях противоречия, а, напротив, являются взаимно обусловленными категориями. Повышение качества нормативного регулирования и процедурных гарантий способствует устойчивости правоприменительных решений, снижению риска произвольного вмешательства в права граждан и укреплению доверия к публичной власти как ключевому элементу правового государства.

Список источников

1. Бахрах Д. Н. Административное право: учеб. для вузов. М.: Норма, 2018.
2. Трегубов И. С. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые полицией в области дорожного движения // Современное право. 2024. № 1.

Информация об авторе:

Трегубов Игорь Сергеевич,
преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права

About the author:

Tregubov Igor S.,
lecturer of the department
of constitutional and municipal law

Статья поступила в редакцию 01.02.2026;
одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 01.02.2026;
approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-68-76
EDN: https://elibrary.ru/omafmr

КАЛЫКОВ АРМАН НУРЛАНОВИЧ
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)
(Москва, Россия)
1042215044@pfur.ru
https://orcid.org/0009-0009-2864-0337

Научный руководитель: **Зеленцов Александр Борисович**, профессор-консультант кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. *В статье анализируются правовые основы административно-правовой охраны и защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации (РФ) и Республике Казахстан (РК). Исследуются содержание и особенности административно-правовых норм, регулирующих деятельность уполномоченных органов, процедуры предоставления правовой охраны объектам интеллектуальной сферы (ИС), меры ответственности за нарушения интеллектуальных прав. Систематизируются источники административного права, включая конституционные нормы, кодексы, специальные и подзаконные акты, указы президентов, судебную практику и международные договоры. Особое внимание уделяется сравнительному анализу правовых подходов РФ и РК, выявляются общие черты и различия, в том числе в статусе судебных актов. Делается вывод о формировании многоуровневой системы административной охраны интеллектуальных прав, интегрированной в международную правовую среду и способствующей эффективной защите интересов правообладателей.*

Ключевые слова: *административное право, административно-правовая охрана интеллектуальной собственности, административная защита, органы исполнительной власти, административные процедуры, досудебное обжалование, административная ответственность, источники административного права, интеллектуальная собственность*

Для цитирования: *Калыков А. Н. Административно-правовые основы охраны и защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 68–76; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-1-68-76.*

KALYKOV ARMAN N.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)
(Moscow, Russia)

Supervisor: **Zelentsov Alexander B.,** consulting professor, department of administrative and financial law, Law institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation

© Калыков А. Н., 2026

ADMINISTRATIVE AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE PROTECTION AND SAFEGUARDING OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. *The article analyzes the legal foundations of the administrative and legal protection and safeguarding of intellectual property rights in the Russian Federation (RF) and the Republic of Kazakhstan (RK). It examines the content and features of administrative and legal norms regulating the activities of competent authorities, the procedures for granting legal protection to intellectual property (IP) objects, and the measures of liability for violations of intellectual property rights. The sources of administrative law are systematized, including constitutional provisions, codes, special and subordinate acts, presidential decrees, judicial practice, and international treaties. Particular attention is given to the comparative analysis of the legal approaches of the RF and RK, identifying similarities and differences, including those concerning the status of judicial acts. The article concludes that a multi-level system of administrative protection of intellectual property rights has been formed, integrated into the international legal environment and contributing to the effective protection of rights holders' interests.*

Keywords: *administrative law, administrative and legal protection of intellectual property, administrative protection, executive authorities, administrative procedures, pre-trial appeal, administrative liability, sources of administrative law, intellectual property*

For citation: *Kalykov A. N. // Administrative and legal foundations for the protection and safeguarding of intellectual property rights in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 68–76; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-68-76.*

Введение. Правовая охрана интеллектуальных прав является одним из важнейших направлений государственной политики в условиях современной экономики, основанной на знаниях, инновациях и цифровых технологиях. Эффективное регулирование сферы ИС способствует не только защите интересов авторов и правообладателей, но и формированию благоприятной среды для научно-технического прогресса, предпринимательской активности и международного сотрудничества.

Особое значение в системе правовых средств охраны интеллектуальных прав занимает административное право, в рамках которого осуществляется регулирование деятельности уполномоченных органов исполнительной власти, устанавливаются процедуры предоставления правовой охраны, контроль за соблюдением требований законодательства и меры ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности. Административно-правовые механизмы способствуют обеспечению оперативного реагирования на нарушения, а также досудебную защиту прав и законных интересов субъектов ИС.

Целью настоящей статьи является анализ системы источников административно-правовой охраны и защиты интеллектуальных прав в РФ и РК, выявление их структуры, содержания и особенностей применения, а также сопоставление национальных подходов к формированию и реализации соответствующих административно-правовых механизмов.

Основная часть. Административное право как отрасль публичного права охватывает нормы, регулирующие организацию и деятельность органов исполнительной власти, а также их взаимодействие с физическими и юридическими лицами. В контексте охраны и защиты интеллектуальных прав особое значение приобретают нормы, устанавливающие процедуры предоставления, прекращения и аннулирования правовой охраны объектов ИС, а также осуществления надзорных и контрольных мероприятий и привлечения к ответственности за административные правонарушения, посягающие на интеллектуальные права.

В юридической литературе нормы административного права определяются как общеобязательные правила поведения, установленные или санкционированные государством и обеспеченные механизмами государственного принуждения. Так, по мнению Д. Н. Бахраха, норма административного права представляет собой установленные или санкционированные государством правила, регулирующие отношения, возникающие при формировании и деятельности исполнительной власти [1, с. 31]. Профессор В. Ф. Волович дополняет это определение, указывая, что такие нормы охватывают широкий круг общественных отношений, включая обеспечение общественного порядка, безопасности и административной защиты прав личности [2, с. 87].

Казахстанские исследователи трактуют административно-правовую норму следующим образом. В частности, А. Е. Жаткенбаева рассматривает такие нормы как особый вид правовых предписаний, выраженных в организационной форме и направленных на упорядочение общественных отношений, возникающих в процессе функционирования исполнительных органов и реализации ими возложенных задач [3, с. 49]. В свою очередь, А. А. Таранов определяет административно-правовую норму как правила должного и допустимого поведения, устанавливаемые органами государственной власти и регулирующие общественные отношения в сфере исполнительной власти [4, с. 26].

Характерными признаками административно-правовых норм являются: императивность содержания; ориентация на публичные интересы и государственные приоритеты; выражение в официальных правовых актах; обеспеченность как стимулирующими, так и охранительными мерами. В контексте административно-правовой охраны и защиты интеллектуальных прав данные нормы выступают правовой основой для организации деятельности органов исполнительной власти, а также для определения прав и обязанностей правообладателей и иных участников административных процедур.

Источники административного права представляют собой внешние формы выражения правовых норм. В контексте охраны и защиты интеллектуальных прав они обеспечивают нормативную базу, определяющую полномочия уполномоченных органов, порядок осуществления административных процедур и механизмы привлечения к ответственности за правонарушения в данной области.

В Российской Федерации и Республике Казахстан иерархия источников административного права выстраивается в соответствии с общепринятой системой нормативных актов, включающей конституционные положения, кодексы, специальные законы, подзаконные акты, а также судебную практику и международные договоры. В зависимости от их юридической силы указанные источники можно классифицировать на несколько групп.

1. Акты, принятые на основе референдумов, и нормативные акты законодательных органов.

Наивысшую юридическую силу, как в РФ, так и в РК, имеет Конституция, где закрепляются основные принципы правового регулирования, включая право собственности, свободу творчества и защиту результатов интеллектуального труда. Так, ст. 44 Конституции Российской Федерации гласит «*Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом*»[1]. В Конституции Республики Казахстан аналогичные положения содержатся в ст. 20, согласно которой «*Свобода слова и творчества гарантируются. Цензура запрещается*»[2].

Ключевыми нормативными источниками административной охраны выступают КоАП РФ[3] и КоАП РК[4], в которых закреплены составы правонарушений, связанных с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности (незаконное использование товарных знаков, нарушение авторских и смежных прав и др.), установлен порядок привлечения к ответственности, определены компетенция уполномоченных органов, процессуальные сроки, меры обеспечения производства, а также права и обязанности участников административного процесса.

Значительную роль в системе административной охраны интеллектуальных прав играет Таможенный кодекс ЕАЭС[5], предусматривающий включение объектов интеллектуальной собственности в таможенный реестр и установление процедур, направленных на предотвращение ввоза товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. В Российской Федерации соответствующие положения получили развитие в Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.09.2025).

[2] Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30.08.1995) (с изм. и доп. по состоянию на 19.09.2022). URL: https://online. zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=206;-50#pos=206;-50 (дата обращения 05.09.2025).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 05.09.2025).

[4] Кодекс Республики Казахстан от 05.07.2014 № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения 05.09.2025).

[5] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 10.09.2025).

регулировании», в котором детализированы механизмы таможенного контроля и взаимодействия с правообладателями.

Отдельную группу составляют нормы, закрепленные в ст. 14.6 Федерального закона РФ «О защите конкуренции»[1] и в ст. 178–180 Предпринимательского кодекса РК[2], которые направлены на предотвращение недобросовестного использования объектов интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности. Реализация указанных норм возложена соответственно на Федеральную антимонопольную службу (ФАС России) и Агентство Республики Казахстан по защите и развитию конкуренции.

Кроме того, в системе административной охраны интеллектуальных прав важное значение имеет механизм досудебного урегулирования споров, возникающих при предоставлении государственных услуг. В Российской Федерации соответствующий порядок регулируется гл. 2.1 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», предусматривающей возможность обжалования заявителем решений и действий (бездействия) уполномоченных органов, например Роспатента и Федерального института промышленной собственности (ФИПС), в случаях: несоблюдения сроков регистрации запроса или предоставления услуги; неправомерного требования дополнительных документов или платы; отказа в приеме предусмотренных документов; отказа в оказании услуги при отсутствии законных оснований; нарушения сроков исправления технических ошибок; приостановления предоставления услуги без правовых оснований, а также иных форм ненадлежащего исполнения полномочий.

Помимо административной (досудебной) защиты, охрана прав на объекты интеллектуальной собственности осуществляется также в рамках административного судопроизводства. В РФ к числу источников судебно-административной защиты относится Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[3], положения которого регламентируют порядок рассмотрения дел, связанных с нарушением исключительных прав, привлечением к административной ответственности за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, а также споров о признании незаконными решений, действий или бездействия уполномоченных органов, в частности Роспатента, Федеральной таможенной службы (ФТС) и ФАС.

В РК аналогичные отношения регулируются Административным процессуально-процедурным кодексом Республики Казахстан[4], который устанавливает порядок обращения в государственные органы и процедурные правила судебного рассмотрения дел об оспаривании актов, действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц, затрагивающих права на объекты интеллектуальной собственности.

Таким образом, акты, принятые на основе референдумов, и нормативные акты законодательных органов формируют основу административно-правовой охраны интеллектуальных прав в РФ и РК. Конституционные положения закрепляют фундаментальные принципы охраны интеллектуальной собственности, а профильные законы и кодексы конкретизируют механизмы защиты, включая меры административной ответственности, таможенный контроль, антимонопольное регулирование, досудебное обжалование и судебное рассмотрение споров. В совокупности они обеспечивают многоуровневую и функционально взаимосвязанную систему правовой охраны интеллектуальной собственности в административно-правовом порядке.

2. Указы Президента как источник административно-правовой охраны.

Указы главы государства в РФ и РК занимают важное место в системе источников административного права, обеспечивая реализацию государственной политики в сфере интеллектуальной собственности и конкретизируя положения законодательства.

Основное значение указов заключается в регулировании организационно-правовых аспектов:

– определение статуса уполномоченных органов;
– утверждение положений о ведомствах;
– формирование институциональных механизмов охраны прав.

[1] О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 01.03.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.

[2] Кодекс Республики Казахстан от 29.10.2015 № 375-V ЗРК «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375 (дата обращения: 10.09.2025).

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.7.2002 № 95-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 09.09.2025).

[4] Кодекс Республики Казахстан от 29.06.2020 № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (дата обращения: 09.09.2025).

В РФ ключевым актом является Указ Президента от 24.05.2011 № 673[1], которым установлен статус Роспатента – федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственное управление в сфере охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности.

В РК аналогичную роль сыграл Указ Президента от 23.06.1992 № 806[2], положивший начало формированию национальной системы охраны интеллектуальной собственности и учреждению Казпатента как специализированного патентного ведомства.

Указы Президента в обоих государствах служат основой для институциональной организации административной охраны интеллектуальных прав, закрепляя полномочия и функциональную структуру уполномоченных органов.

3. Подзаконные акты как элементы административной охраны интеллектуальных прав.

Реализация положений конституций, законов, указов Президента и иных нормативных правовых актов в РФ и РК обеспечивается подзаконными нормативными актами, в том числе постановлениями правительств, административными регламентами и ведомственными приказами. Указанные акты конкретизируют функции уполномоченных органов и регулируют административные процедуры в сфере охраны интеллектуальных прав.

Так, в РФ на основе Указа Президента № 673 принято постановление Правительства от 21.03.2012 № 218, утвердившее Положение о Роспатенте[3]. Документ закрепляет полномочия Роспатента по предоставлению госуслуг, ведению госреестров объектов ИС и административной защите интеллектуальных прав.

В системе административного права важную роль играют подзаконные нормативные акты, принимаемые в пределах компетенции органов публичной власти. В контексте охраны интеллектуальных прав их условно можно классифицировать на три основные группы.

Во-первых, акты, регламентирующие оказание государственных услуг в сфере ИС и порядок досудебного обжалования действий (бездействия) должностных лиц. В их число входят административные регламенты Роспатента[4], ФТС[5], Минобороны[6] (в РФ) и соответствующие правила Минюста[7] и Минфина[1] (в РК), регулирующие по-

[1] О Федеральной службе по интеллектуальной собственности: указ Президента РФ от 24.05.2011 № 673 // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3155.

[2] О Национальном патентном ведомстве при Кабинете Министров Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 23.06.1992 № 806 *(утратил силу)* // САПП Республики Казахстан. 1992. № 21. Ст. 338.

[3] О Федеральной службе по интеллектуальной собственности: постановление Правительства РФ от 21.03.2012 № 218 // СЗ РФ. 2012. № 14. Ст. 1627.

[4] Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по рассмотрению заявления правообладателя о предоставлении любому лицу права использования изобретения, полезной модели или промышленного образца (открытой лицензии), ходатайства об отзыве заявления об открытой лицензии: приказ Роспатента от 01.11.2021 № 177 // Официальный интернет-портал правовой информацииwww.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2024).

[5] Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности: приказ Федеральной таможенной службы от 28.01.2019 № 131 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/72264306/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 10.09.2025).

[6] Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством обороны Российской Федерации государственной услуги по организации рассмотрения заявок и выдачи патентов на секретные изобретения, относящиеся к средствам вооружения и военной техники: приказ Минобороны РФ от 23.07.2012 № 2020 // Рос. газ. 2012. № 289.

[7] Об утверждении Правил регистрации товарных знаков, географических указаний и наименований мест происхождения товаров в Государственном реестре товарных знаков, Государственном реестре географических указаний и Государственном реестре наименований мест происхождения товаров и выдачи охранных документов и их дубликатов, прекращения действия регистрации и признания ее недействительной, а также форм свидетельств: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 29.08.2018 № 1340 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017414 (дата обращения: 10.09.2025); Об утверждении Правил регистрации объектов промышленной собственности в Государственном реестре изобретений, Государственном реестре полезных моделей, Государственном реестре промышленных образцов и выдачи охранных документов и их дубликатов, признания недействительными и досрочного прекращения действия патентов: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 29.08.2018 № 1341 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017415 (дата обращения: 10.09.2025); Об утверждении Правил внесения топологий в Государственный реестр топологий интегральных микросхем и выдачи свидетельств о регистрации, удостоверений авторов: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 29.08.2018 № 1342 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017397 (дата обращения: 10.09.2025); Об утверждении Правил регистрации селекционных достижений в Государственном реестре селекционных достижений и выдачи охранных документов и их дубликатов, аннулирования и досрочного прекращения действия патентов: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 29.08.2018 № 1343 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017416 (дата обращения: 10.09.2025).

дачу заявок, ведение реестров и внесудебное обжалование.

Во-вторых, акты, устанавливающие процедуры рассмотрения возражений на решения уполномоченных органов о предоставлении или прекращении правовой охраны объектов ИС. В РФ к ним относятся приказы Минобрнауки Минэкономразвития[2]; Минсельхоза[3]; в РК – Правила рассмотрения апелляционным советом возражений, утвержденные приказом Минюста от 28.08.2018 № 1317[4].

В-третьих, акты, регулирующие производство по делам об административных правонарушениях в сфере ИС. Данные регламенты охватывают вопросы возбуждения дел, проведения проверок и вынесения решений. В РФ такими актами выступают регламенты ФАС[5] и МВД[6]; в РК – инструкции Минюста и методические рекомендации Комитета государственных доходов Минфина[7].

Таким образом, подзаконные акты в РФ и РК формируют комплексную нормативную основу административной охраны интеллектуальных прав, охватывая все ключевые этапы – от предоставления услуг и обжалования решений до привлечения к ответственности за правонарушения.

4. Судебная практика как источник административно-правовой защиты.

Судебная практика играет значимую роль в развитии механизмов административной охраны интеллектуальных прав. Разъяснения высших судебных инстанций способствуют единообразному правоприменению, конкретизируют нормы законодательства и восполняют правовые пробелы.

В РФ особую значимость имеют постановления пленумов Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда, касающиеся применения Кодекса об административных правонарушениях. К числу таких актов можно отнести постановления: от 27.01.2003 № 2[8], от 24.03.2005 № 5[9],

[1] Об утверждении формы и Правил ведения таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности: приказ Министра финансов Республики Казахстан от 01.02.2018 № 109 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016360 (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке: приказ Минобрнауки России № 644, Минэкономразвития России № 261 от 30.04.2020 (ред. от 23.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360687/ (дата обращения: 13.09.2025); Об утверждении Порядка рассмотрения возражений против предоставления правовой охраны географическому указанию, наименованию места происхождения товара и (или) против предоставления исключительного права на географическое указание, наименование места происхождения товара: приказ Минэкономразвития России от 17.06.2020 № 356 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361597/ (дата обращения: 13.09.2025).

[3] Об утверждении Правил рассмотрения и разрешения споров по защите нарушенных интеллектуальных прав на селекционные достижения: приказ Минсельхоза РФ от 31.10.2007 № 559 (ред. от 12.02.2010) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74163/ (дата обращения: 09.09.2025).

[4] Об утверждении Правил рассмотрения апелляционным советом возражений: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 28.08.2018 № 1317 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017324 (дата обращения: 09.09.2025).

[5] Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации: приказ ФАС России от 25.05.2012 № 339 (ред. от 16.02.2016) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134063/ (дата обращения: 12.09.2025).

[6] Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (с изм. и доп.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976/ (дата обращения: 12.09.2025).

[7] Об утверждении Инструкции по производству дел об административных правонарушениях органами юстиции Республики Казахстан: приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 30.12.2014 № 398 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14D0010112 (дата обращения: 12.09.2025); Методические рекомендации по производству дел об административных правонарушениях в органах государственных доходов Республики Казахстан: утв. Председателем Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан 23.12.2022 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36483549 (дата обращения: 12.09.2025).

[8] О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.01.2003 № 2 (ред. от 19.11.2024) // Учет. Налоги. Право. 2003. № 6.

[9] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 года № 5 (с изм. и доп. по состоянию на 23.12.2021) // Рос. газ.. 2005. № 80.

от 17.02.2011 № 11[1]. Указанные постановления не обладают нормативной силой, но обязательны для нижестоящих судов при толковании права.

В РК, напротив, нормативные постановления Верховного Суда обладают юридической силой закона и включаются в систему действующего права. Данное положение закреплено в ст. 4 Конституции РК. Ключевыми являются, в частности, постановление от 22.12.2016 № 12 по вопросам применения Общей части КоАП РК[2] и постановление от 29.11.2024 № 5 о судебном решении по административным делам[3].

Таким образом, в сравнительном аспекте наблюдается различие: в РФ разъяснения судов носят рекомендательный характер, тогда как в РК – обязательный. Указанное различие определяет различный статус судебной практики в системе источников права, хотя в контексте административной охраны интеллектуальных прав оба подхода оказывают существенное влияние на правоприменение.

С учетом сравнительно-правовой направленности статьи представляется допустимым объединенно рассматривать судебные акты обоих государств как источники, способствующие формированию эффективной системы административно-правовой защиты интеллектуальной собственности.

В связи с этим международные договоры, несмотря на более высокую юридическую силу, будут рассмотрены отдельно – с учетом их особого характера и наднационального значения для правового регулирования в данной сфере.

5. Международные договоры как источник административно-правовой защиты.

Конституции Российской Федерации (ст. 15) и Республики Казахстан (ст. 4) закрепляют приоритет международного права над национальным законодательством, включая ратифицированные международные договоры. Конституционное положение о приоритете международного права предопределяет важную роль международных соглашений в формировании механизмов охраны интеллектуальной собственности, в том числе в административно-правовом аспекте.

РФ и РК являются участниками ключевых международных договоров, таких как:

– Парижская[4] и Бернская[5] конвенции;
– Мадридское[6] и Ниццкое[7] соглашения;
– Конвенция, учреждающая ВОИС[8];
– Договор о патентной кооперации[9];
– Страсбургское соглашение[10];
– Будапештский договор[11];
– Соглашение ТРИПС[12];
– Евразийская Патентная Конвенция[13];
– двусторонние соглашения между РФ и РК, а также многосторонние договоры в рамках СНГ, ОДКБ и ЕАЭС[1].

---

[1] О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02. 2011 № 11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 5.

[2] О некоторых вопросах применения судами норм Общей части Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 22.12.2016 № 12 // Казахстанская правда. 2017. № 22 (28401).

[3] О судебном решении по административным делам: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29.11.2024 № 5 // Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде, 17.12.2024.

[4] Конвенция по охране промышленной собственности: заключена в Париже 20.03.1883 (ред. от 02.10.1979) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (дата обращения: 05.09.2025).

[5] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

[6] Соглашение о международной регистрации знаков: заключено в Мадриде 14.04.1891 (ред. от 02.10.1979) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6069/ (дата обращения: 05.09.2025).

[7] Соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков: заключено в Ницце 15.06.1957 (ред. от 28.09.1979) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1989. Вып. XLIII. С. 91.

[8] Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, подписанная в Стокгольме 14.07.1967 (с изм. от 02.10.1979) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5059/ (дата обращения: 05.09.2025).

[9] Договор о патентной кооперации (Вашингтон, 19.06.1970) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/2540241/ (дата обращения: 05.09.2025).

[10] Страсбургское соглашение о международной патентной классификации: заключено в г. Страсбурге 24.03.1971 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/2540285/ (дата обращения: 09.09.2025).

[11] Будапештский договор о международном признании депонирования микроорганизмов для целей патентной процедуры (Будапешт, 28.04.1977) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/2540449/ (дата обращения: 09.09.2025).

[12] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15.04.1994 // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 2818–2849.

[13] Евразийская Патентная Конвенция (Москва, 09.09.1994) // СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2323.

Указанные международные акты устанавливают стандарты охраны и процедуры взаимодействия, способствуя унификации административных процедур, взаимному признанию прав и эффективной борьбе с нарушениями на трансграничном уровне. Они усиливают национальные административно-правовые механизмы и обеспечивают их интеграцию в глобальную систему защиты интеллектуальных прав.

Заключение. Анализ источников административно-правовой охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации и Республике Казахстан позволяет выявить их многоуровневую и комплексную структуру, охватывающую как внутренние, так и международные правовые акты. Включение норм административного права в сферу интеллектуальной собственности обусловлено необходимостью государственно-правового регулирования предоставления охраны, контроля за правомерным использованием объектов интеллектуальной собственности, досудебного и судебного разрешения споров, а также привлечения к административной ответственности за правонарушения в данной области.

В обоих государствах основополагающее значение имеют конституционные положения, закрепляющие свободу творчества и гарантию охраны результатов интеллектуальной деятельности. Нормы кодексов об административных правонарушениях, специальные законы о таможенном регулировании, конкуренции, государственной службе, указы президентов, а также подзаконные нормативные акты формируют развитую систему правового регулирования, обеспечивая административно-правовой механизм охраны интеллектуальных прав. Существенную роль при этом играют и разъяснения высших судебных инстанций, обеспечивающие единообразие правоприменения, а также международные договоры, интегрирующие национальные системы охраны в глобальный правовой контекст.

Особенностью подходов РФ и РК является различный статус судебной практики: в РФ она рассматривается как рекомендательная, а в РК – как обязательная. Это отражает специфику национальных правовых систем, но не умаляет значения судебных решений как элемента административно-правового регулирования. Важно также отметить активное развитие институтов досудебного (внесудебного) обжалования, обеспечивающего оперативную защиту прав правообладателей в административном порядке.

В совокупности исследованные источники образуют устойчивую нормативную основу для функционирования механизмов административной охраны и защиты интеллектуальной собственности, способствуя повышению эффективности правоприменения, прозрачности процедур и защите законных интересов субъектов права как на национальном, так и на международном уровнях.

---

[1] Соглашение между Правительствами РФ и РК о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности (28.03.1994, Москва) // Бюллетень международных договоров. 1994. № 7. С. 78; Соглашение о сотрудничестве по пресечению правонарушений в области интеллектуальной собственности (06.03.1998, Москва) // Библиотечка Российской газеты. 1998. № 19. С. 109; Соглашение о взаимном обеспечении сохранности межгосударственных секретов в сфере правовой охраны изобретений (04.06.1999, Минск) (по состоянию на 24.02.2025) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/2563566/ (дата обращения: 09.09.2025); Соглашение между Правительствами РФ и РК о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и полученные в ходе двустороннего военно-технического сотрудничества (Москва, 18.01.2005) // Бюллетень международных договоров Республики Казахстан. 2007. № 2. С. 12; Соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности в рамках военно-экономического сотрудничества ОДКБ (06.10.2007, Душанбе) // САПП РК. 2008. № 24. С. 225; Соглашение о сотрудничестве в сфере правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности и создании Межгосударственного совета (19.11.2010, Санкт-Петербург), Протокол к данному соглашению (26.05.2017, Казань) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/2571170/ (дата обращения: 07.09.2025); Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности (08.09.2015, Гродно) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/1814/ (дата обращения: 05.09.2025); Договор о Евразийском экономическом союзе (29.05.2014, Астана) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/ (дата обращения: 05.09.2025); Соглашение о формировании и развитии рынка интеллектуальной собственности государств- участников СНГ (01.06.2018, Душанбе) // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/5783#text (дата обращения: 05.09.2025).

Список источников
1. Бахрах Д. Н. Административное право России: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция». М.: Норма, Инфра-М, 2000.
2. Волович В. Ф. Административно-правовые нормы и отношения // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 267.
3. Жатканбаева А. Е. К теории административной нормы // Вестник КазНУ. Сер. юрид. 2012. № 1 (61).
4. Таранов А. А. Административное право Республики Казахстан. Алматы: ТОО «Баспа», 2000.

Информация об авторе:

Калыков Арман Нурланович,
аспирант кафедры административного и финансового права

About the author:

Kalykov Arman N.,
postgraduate student, department of administrative and financial law

Статья поступила в редакцию 26.12.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 26.12.2025;
approved after reviewing 01.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-77-81
EDN: https://elibrary.ru/zoylkn

ДЫРМА СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
s.dyrma@mail.ru

СУБЪЕКТЫ И ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *В статье исследуются вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.*

Автором рассматриваются некоторые особенности реализации функций отдельных субъектов противодействия IT-преступности через призму соответствующего правового регулирования, а также формы противодействия рассматриваемой категории преступлений.

Предложена авторская классификация форм противодействия IT-преступности, отражающая комплексный и многогранный подход деятельности государственной системы противодействия киберпреступлениям.

Ключевые слова: *IT-преступление, информационно-коммуникационные технологии, субъекты противодействия преступности, формы противодействия преступности*

Для цитирования: *Дырма С. В. Субъекты и формы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 77–81; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-77-81.*

DYRMA SERGEY V.
Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Simferopol, Russia)

SUBJECTS AND FORMS OF COUNTERACTION TO CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. *The article discusses the issues of countering crimes committed using information and communication technologies.*

The author examines some features of the implementation of the functions of individual subjects of countering IT-crime through the prism of relevant legal regulation, as well as the forms of countering this category of crimes.

The article proposes an author's classification of the forms of countering IT-crime, which reflects a comprehensive and multifaceted approach to the activities of the state system of countering cybercrimes.

© Дырма С. В., 2026.

Keywords: *IT crime, information and communication technologies, subjects of crime prevention, forms of crime prevention*

For citation: *Dyrma S. V. Subjects and forms of counteraction to crimes committed using information and communication technologies// Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 77–81; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-77-81.*

Актуальность исследования вопросов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий[1], обусловлена необходимостью совершенствования механизмов борьбы с данными видами преступлений, поскольку традиционные методы правоохранительной деятельности зачастую оказываются недостаточно эффективными в условиях глобального цифрового пространства.

Как уже было ранее отмечено, современное общество стремительно трансформируется под влиянием цифровых технологий, что, с одной стороны, открывает новые возможности для развития экономики, науки и коммуникации, а с другой – создает предпосылки для возникновения новых форм преступной деятельности. Преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий[2], представляют достаточно серьезную угрозу для безопасности личности, бизнеса и государства в целом. Киберпреступность отличается высокой латентностью, транснациональным характером и постоянной эволюцией методов реализации преступного умысла, что определяет потребность в комплексном подходе к противодействию подобным преступлениям[3].

Анализ субъектного состава противодействия IT-преступности, а также форм и методов их работы являются важными компонентами для комплексного понимания масштабов реализации государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием ИКТ.

Вопросы координации между государственными органами, коммерческими организациями и международными структурами требуют тщательного исследования для разработки оптимальных стратегий профилактики и пресечения преступлений в IT-сфере.

Государственная система противодействия противоправным деяниям в сфере ИКТ представляет собой достаточно сложный механизм, включающий в себя множество субъектов, выполняющих специфические функции в рамках единой стратегии обеспечения безопасности личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Основными категориями участников рассматриваемой системы являются органы государственной власти, правоохранительные структуры, специализированные учреждения, а также организации, обеспечивающие техническую и информационную поддержку.

Центральное место в системе противодействия IT-преступлениям занимают правоохранительные органы, которые находятся на передовой в борьбе с киберпреступностью. В Российской Федерации к правоохранительным органам, выполняющим функции противодействия IT-преступности, относятся:

• Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) – выполняет функции выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений против личности, совершаемых с использованием ИКТ, IT-преступлений в сфере экономики, преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, совершаемых в цифровой среде, и др.);

• органы Федеральной службы безопасности (ФСБ России) – играют важную роль в обеспечении кибербезопасности, выполняют функции противодействия угрозам, направленным на критическую информационную инфраструктуру государства, включая объекты государственного управления, оборонно-промышленного комплекса, финансовой системы и транспорта, а также осуществляют мониторинг и пресечение деятельности, связанной с кибершпионажем, терроризмом и экстремизмом в интернет-пространстве;

[1] Далее – IT-преступление.

[2] Далее – ИКТ.

[3] Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 4154-р // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411152413/ (дата обращения: 02.07.2025).

• Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ) – выполняет функции выявления и расследования IT-преступлений, в пределах своей компетенции (в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ)[1];
• органы прокуратуры Российской Федерации (Прокуратура РФ) – выполняют функции надзора за соблюдением и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе IT-преступностью[2];
• Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) – выполняет функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, условно осужденных и осужденных, контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения наказаний и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений[3].

Важным элементом государственной системы являются также судебные органы, которые обеспечивают правовую оценку киберпреступлений и выносят соответствующие решения по уголовным и административным делам. Судебная практика в данной сфере постоянно развивается, что требует от судей глубокого понимания специфики цифровых технологий и методов совершения преступлений с их использованием.

Еще одним значимым субъектом является Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), которая отвечает за разработку и внедрение требований по защите информации в государственных информационных системах и на объектах критической инфраструктуры. ФСТЭК России устанавливает стандарты и методики обеспечения безопасности, проводит сертификацию средств защиты информации, а также координирует деятельность по предотвращению кибератак на стратегически важные объекты.

Особое место в системе противодействия IT-преступности занимает Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Роскомнадзор осуществляет функции по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. В компетенцию данного органа входит блокировка противоправного контента, включая материалы, связанные с распространением экстремистской идеологии, детской порнографии, призывами к массовым беспорядкам и другими запрещенными видами информации.

Помимо федеральных структур в систему противодействия киберпреступности входят специализированные научно-исследовательские и образовательные учреждения, такие как Академия ФСБ России, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана и другие вузы, готовящие кадры для работы в сфере информационной безопасности. Эти организации не только обеспечивают подготовку специалистов, но и занимаются разработкой новых технологий защиты информации, проведением фундаментальных и прикладных исследований в области кибербезопасности.

Отдельного внимания заслуживает взаимодействие государственных структур с частным коммерческим сектором, включая телекоммуникационные компании, интернет-провайдеров, операторов связи, разработчиков программного обеспечения и организаций, в том числе специализирующихся на кибербезопасности. Упомянутое сотрудничество позволяет оперативно выявлять и пресекать кибератаки, обмениваться информацией об угрозах, а также разрабатывать совместные стратегии защиты граждан и организаций в рамках противодействия IT-преступности.

Кроме этого, в условиях глобализации и транснационального характера IT-преступности

[1] О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 02.07.2025).
[2] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 02.07.2025).
[3] О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302867/ (дата обращения: 02.07.2025).

особую значимость приобретает международное сотрудничество. Российская Федерация активно взаимодействует с зарубежными партнерами в рамках международных организаций, таких как Интерпол, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и другие. Это сотрудничество включает в себя обмен оперативной информацией, взаимодействие в рамках расследования отдельных преступлений, разработку единых стандартов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ.

Таким образом, субъекты противодействия IT-преступлениям представляют собой взаимосвязанные элементы государственной системы противодействия противоправным деяниям в сфере ИКТ, представляющей собой многоуровневую структуру, объединяющую усилия правоохранительных органов, регуляторов, научных и образовательных учреждений, а также иных организаций. Эффективность этой системы напрямую зависит от оперативности и слаженности взаимодействия всех ее участников, постоянного совершенствования правовой базы, внедрения инновационных технологий защиты информации и подготовки высококвалифицированных кадров в сфере борьбы с IT-преступностью.

Противодействие преступности — это целенаправленная, комплексная, последовательная деятельность государства и общества по предупреждению преступности, выявлению и расследованию совершенных преступных деяний, привлечению виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности и ее реализации, а также по устранению либо минимизации вреда, причиненного отдельными преступлениями и преступностью в целом посредством реализации мер правового, информационно-пропагандистского, культурно-образовательного, социального, экономического характера [2, с. 98].

Формы противодействия IT-преступлениям во многом схожи с описанными в научных трудах отечественных ученых формами противодействия преступлениям, однако имеют свою уникальную специфику, обусловленную особенностями реализации объективной стороны преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Противодействие IT-преступности представляет собой систему мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие противоправных деяний, а также минимизацию их последствий. Традиционно формы противодействия классифицируются по нескольким критериям, включая этап применения, субъектный состав, способы реализации и сфера воздействия.

По нашему мнению, наиболее приемлемо было бы разделить все формы противодействия IT-преступности на следующие взаимосвязанные категории:

1. Технические.
2. Предупредительные (профилактические).
3. Оперативно-розыскные.
4. Процессуальные.

Технические формы противодействия занимают особое место в борьбе с преступлениями в сфере информационно-коммуникационных технологий, поскольку именно они обеспечивают непосредственную защиту информационных систем от несанкционированного доступа и других форм кибератак. К ним относятся: использование систем обнаружения и предотвращения вторжений (IDS/IPS), применение криптографических методов защиты данных, внедрение биометрической аутентификации, развитие технологий искусственного интеллекта для анализа киберугроз.

Профилактические меры занимают ключевое место в системе противодействия преступности, поскольку направлены на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений[1]. В традиционной криминологии к ним относятся: правовое воспитание, социально-экономические программы, административный надзор и другие формы воздействия на потенциальных правонарушителей. В сфере ИКТ профилактика приобретает особые черты, связанные с технической природой киберпреступлений. Важнейшими направлениями здесь становятся: повышение цифровой и финансовой грамотности населения, разработка и внедрение стандартов информационной безопасности, проведение регулярного аудита защитных систем, создание механизмов раннего обнаружения уязвимостей.

Оперативно-розыскные формы противодействия предполагают активные дей-

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71428030/ (дата обращения: 02.07.2025).

ствия правоохранительных органов и спецслужб, направленные на выявление и пресечение преступной деятельности. В цифровой среде оперативно-розыскная деятельность существенно трансформируется, поскольку требует применения специализированных технологий мониторинга теневого сегмента сети Интернет, цифровой криминалистики и анализа больших данных. Особую роль играет взаимодействие с интернет-провайдерами и владельцами цифровых платформ для оперативного удаления противоправного контента и блокировки вредоносных ресурсов, а также выявления, предупреждения и раскрытия подготавливаемых, совершаемых или совершённых преступлений.

Процессуальные формы противодействия связаны с применением норм материального и процессуального права для привлечения преступников к ответственности. В случае с ИКТ-преступлениями возникают существенные сложности, обусловленные проблемами юрисдикции, сбором и закреплением цифровых доказательств, а также необходимостью специальных познаний у судей и сотрудников органов предварительного расследования. Совершенствование процессуальных механизмов включает разработку специализированных методик расследования и гармонизацию международного законодательства в сфере киберпреступности.

Эффективное противодействие IT-преступлениям требует применения комплексного подхода, объединяющего усилия государства, бизнеса и гражданского общества. Постоянное обновление методов защиты и правовых механизмов позволит минимизировать риски в условиях цифровой эпохи.

Кроме этого, нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что в нынешних условиях борьбы с киберпреступностью к расследованию таких дел должны привлекаться узкоспециализированные следователи, специалисты и эксперты из IT-сферы и области технического функционирования компьютерных систем [1, с. 111].

Таким образом, формы противодействия преступлениям, в том числе совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, представляют собой динамично развивающуюся систему мер, требующую постоянной адаптации к новым вызовам. Дальнейшее совершенствование этой системы должно основываться на интеграции передовых технологий, международном сотрудничестве и развитии профессиональных компетенций всех субъектов, участвующих в обеспечении защиты от новых видов цифровых преступлений.

Список источников

1. Михайлова И. А., Лимать А. С., Гилаев Р. И. О деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2.
2. Тимко С. А. Формы противодействия преступности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 2 (81).

Информация об авторе:

Дырма Сергей Валерьевич,
старший преподаватель
кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин

About the author:

Dyrma Sergey V.,
senior lecturer of the department
of humanitarian
and socio-economic disciplines

Статья поступила в редакцию 11.10.2025;
одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 11.10.2025;
approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-82-87
EDN: https://elibrary.ru/fgqisf

ИСАЕВА ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА
кандидат юридических наук
Брянский филиал ОрЮИ МВД России
им. В. В. Лукьянова
(Брянск, Россия)
isaevaelena190373@yandex.ru

ЗАШАКУЕВ АЗАМАТ ЗАУРОВИЧ
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
(Нальчик, Россия)
a.zashakuyev@mail.ru

АЛГОРИТМ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ПРИБЫТИИ НА МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *В условиях цифровой трансформации общества и роста киберпреступности первоначальные действия сотрудников полиции на месте преступления приобретают критическое значение. Преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) отличаются от традиционных преступлений спецификой объекта, следов, доказательств и технологическими особенностями. От своевременности, корректности и законности действий первых реагирующих подразделений – патрульно-постовой службы полиции, дежурных частей, оперативных групп – зависит не только раскрытие преступления, но и допустимость доказательств в суде.*

В статье анализируются правовые основы, тактические схемы, организационные и технологические аспекты первоначальных действий сотрудников полиции при выезде на место преступления с применением информационно-коммуникационных технологий. На основе анализа судебной практики, нормативных актов предложена модель первоначальных действий, адаптированных под специфику цифровых следов. Особое внимание уделено вопросам сохранения цифровых следов, изъятия электронных носителей, взаимодействия с экспертами и правилам документирования.

Ключевые слова: *киберпреступление, информационно-коммуникационные технологии, первоначальные действия, место преступления, криминалистика, цифровые доказательства, изъятие электронных носителей, полиция, следственный эксперимент, законность доказательств*

Для цитирования: *Исаева Е. Д., Зашакуев А. З. Алгоритм первоначальных действий сотрудников полиции по прибытии на место преступления, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 82–87; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-82-87.*

ISAEVA ELENA D.
phd of law
Bryansk Branch of Lukianov Orel law institute of the Ministry of the Interior of Russia
(Bryansk, Russia)

© Исаева И. Д., Зашакуев А. З., 2026.

ZASHAKUEV AZAMAT Z.
North Caucasus Advanced Training Institute (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Nalchik, Russia)

ALGORITHM OF THE FIRST ACTIONS TAKEN BY POLICE OFFICERS ON ARRIVAL AT A CRIME SITE COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. *In the context of the digital transformation of society and the growth of cybercrime, the initial actions of police officers at the crime scene are of critical importance. Crimes involving information and communication technologies (ICTs) differ from traditional crimes in terms of the specific nature of the object, traces, evidence, and technological features. The timely, correct, and legal actions of the first responding units, such as the police patrol service, duty stations, and operational groups, not only determine the success of the crime investigation, but also the admissibility of evidence in court.*

The article analyzes the legal basis, tactical schemes, organizational and technological aspects of the initial actions of police officers when they arrive at a crime scene using information and communication technologies. Based on the analysis of judicial practice and regulatory acts, a model of initial actions adapted to the specifics of digital traces is proposed. Special attention is paid to the issues of preserving digital traces, removing electronic media, interacting with experts, and the rules of documentation.

Keywords: *cybercrime, information and communication technologies, initial actions, crime scene, forensics, digital evidence, seizure of electronic media, police, investigative experiment, legality of evidence*

For citation: *Isaeva E. D., Zashakuev A. Z. Algorithm of the first actions taken by police officers on arrival at a crime site committed using information and communication technologies // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 82–87; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-82-87.*

Современное общество находится на этапе глубокой цифровой трансформации. По данным Росстата, на 2025 год более 98 % населения России в возрасте 15–74 лет имеют доступ к интернету, а 87 % регулярно используют онлайн-сервисы для оплаты, общения, работы и управления финансами. Этот процесс, с одной стороны, способствует повышению качества жизни, с другой – создаёт беспрецедентные возможности для преступных действий.

Согласно данным МВД России за 2025 год, количество выявленных преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) достигло 312 800 случаев, что на 22 % выше показателя 2024 года. При этом более 65 % из них – это преступления, совершаемые вне физического места традиционного преступления (например, хакерские атаки, фишинг, криптовалютные скамы), сопровождающиеся физическим следствием: взломом офиса, похищением компьютера, утечкой данных из локальной сети, использованием устройств в доме жертвы и т. п.[1]

Место совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий или киберпреступлений имеет двойственную природу – это не только физическое пространство, но и цифровая среда, в которой могут находиться ключевые доказательства: смартфоны, ноутбуки, роутеры, облачные хранилища, журналы доступа, IoT-устройства, умные часы, системы видеонаблюдения и даже умные холодильники с записью голоса.

Первые реагирующие сотрудники подразделений полиции – патрульно-постовой службы, дежурных частей, оперативных групп – зачастую не обладают достаточной подготовкой для работы с такими объектами. Включение выключенных устройств приводит к уничтожению временных файлов, попытка «проверить» телефон – к удалению сообщений, уничтожению данных из облачных сервисов, отсутствию фиксации адресов роутеров, что делает невозможным восстановление логов, и наконец, неправильное составление протоколов осмотра места происшествия ведет к признанию доказательств недопустимыми.

Анализ судебной практики показывает, что в 2024–2025 гг. более 43 % уголовных дел о киберпреступлениях были прекраще-

[1] Государственный статистический отчет ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http.mvd.ru (дата обращения: 12.01.2026).

ны или признаны необоснованными именно из-за нарушений при первоначальных действиях на месте происшествия[1].

Таким образом, актуальность темы обусловлена ростом числа преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, спецификой цифровых следов, требующих иного подхода к их сбору и сохранению, и риском признания доказательств недопустимыми в суде.

Согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), доказательства – это сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Главное требование к этим сведениям – они должны быть получены и закреплены в строгом соответствии с процедурами, определенными УПК РФ (принцип допустимости доказательств). Доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, признаются недопустимыми и не могут использоваться для обоснования обвинения или принятия судебного решения.

Цифровые доказательства, будучи хрупкими и легко изменяемыми, требуют специальных процедур для обеспечения их допустимости и достоверности. Чтобы сведения, полученные из цифровых источников, могли стать законными доказательствами в суде, соответствовать ст. 74 УПК РФ и принципу допустимости, необходимо строгое соблюдение процессуальных норм. Сбор, извлечение и фиксация данных должны проводиться в рамках следственных действий, предусмотренных УПК РФ, с обязательным участием специалистов и понятых.

Международные стандарты по идентификации, сбору, получению и хранению цифровых свидетельств (доказательств), ISO/IEC 27037:2012, NIST SP 800-86 предлагают единые подходы к идентификации, сбору, получению и хранению цифровых свидетельств (доказательств).

ISO/IEC 27037:2012 – международный стандарт, имеющий аутентичный российский национальный стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014[2], определяющий руководство по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме.

NIST SP 800-86 – специальная публикация Национального института стандартов и технологий США (NIST) под названием «Руководство по интеграции методов криминалистики в реагирования на инциденты»[3], не имеет прямого официального российского аналога в виде национального стандарта (ГОСТ Р), который бы полностью дублировал его содержание. Тем не менее принципы и рекомендации, изложенные в этом американском руководстве, активно используются российскими специалистами и находят отражение в ряде российских нормативных документов и практик.

Стандарты имеют разные акценты. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 более детально фокусируется на технических процедурах и конкретных действиях, которые должен предпринять «первый респондент» при работе с различными типами носителей (мобильные, сетевые, облачные). Это пошаговое руководство по правильному обращению с уликами. NIST SP 800-86 фокусируется больше на управленческом подходе и интеграции методов криминалистики в общие организационные процессы реагирования на инциденты информационной безопасности и предназначен для ИТ-служб компаний.

Оба вида стандарта являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими и используются совместно для создания комплексной и юридически обоснованной процедуры работы с цифровыми доказательствами, однако их внедрение в российскую практику сталкивается с правовыми, техническими и организационными барьерами.

Алгоритм первоначальных действий сотрудников полиции по прибытии на место преступления, совершенного с использованием ИКТ, направлен на обеспечение сохранности цифровых доказательств до приезда квалифицированных сотрудников и экспертов.

Так, Российский национальный стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014 имеет название «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по идентификации, сбору, получению и хранению свидетельств, представленных в цифровой форме».

[1] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Национальный стандарт Российской Федерации. URL: https://ohranatruda.ru/upload/iblock/d30/4293768989.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Руководство по интеграции методов криминалистики в реагирования на инциденты. URL: https://csrc.nist.gov/pubs/sp/800/86/final (дата обращения: 12.01.2026).

ГОСТ служит подробным методическим руководством для сотрудников полиции, первыми прибывающих на место происшествия, где могут находиться цифровые доказательства. Ключевой целью стандарта выступает обеспечение сохранения целостности и подлинности цифровых данных, что критически важно для их юридической допустимости в качестве доказательств в суде.

Стандарт ИСО/МЭК 27037-2014 фокусируется на четырех основных взаимосвязанных процессах: идентификация, сбор, получение, хранение. Говоря об алгоритме первоначальных действий сотрудников полиции по прибытии на место преступления, совершенного с использованием ИКТ, до приезда квалифицированных сотрудников или экспертов, предлагается разобрать два процесса рассматриваемого ГОСТа – идентификация и сбор.

Прибытие на место преступления, совершенного с использованием ИКТ, требует от сотрудников особых неотложных действий, направленных на сохранение цифровых доказательств, которые являются крайне хрупкими. Опираясь на ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в дополнение к стандартным обязанностям сотрудники должны выполнить специфические задачи по документированию обстоятельств преступления и обеспечению сохранности следов.

Процесс идентификации цифровых доказательств – это определение того, какие объекты на месте преступления могут содержать цифровую информацию, имеющую отношение к делу. Главный принцип идентификации – «минимальное вмешательство – максимальная фиксация».

По прибытии на место происшествия необходим визуальный осмотр с целью выявления электронных устройств (которые могут входить в перечень цифровых объектов), находящихся на месте совершения преступления. К ним относятся: включённые компьютеры, ноутбуки, смартфоны, подключённые USB-накопители, внешние диски, Wi-Fi роутеры, умные колонки, камеры, наушники, микрофоны, динамики. Любые электронные устройства могут содержать логи доступа – автоматически создаваемые записи, как правило в виде текстовых файлов, о всех событиях, связанных с попытками доступа к определенной системе, ресурсу, файлу или сетевому сервису.

Для предотвращения удаления или изменения данных, которые впоследствии могут послужить цифровыми доказательствами, необходимо придерживаться трех основных принципов:

1. *Принцип целостности* – исключение любого изменения цифровых данных с момента их обнаружения.

Цифровое доказательство – это любая информация, представленная в цифровой форме, которая может быть использована для установления обстоятельств преступления: данные с компьютеров и серверов, мобильные устройства (смартфоны, планшеты), облачные хранилища (Google Drive, Яндекс.Диск, iCloud), журналы доступа, логи сетевых устройств, данные IoT-устройств (умные камеры, носимые гаджеты), электронная переписка, посты в социальных сетях, криптовалютные транзакции.

Специфика цифровых доказательств выражается в отсутствии физической формы, возможности создания и удаления за секунды, содержании миллионов записей в одном файле, легкости редактирования без следов.

Задача сотрудников полиции, первыми прибывших на место совершения преступления с использованием ИКТ, – «заморозить» ситуацию и предотвратить изменения, для чего необходимо минимизировать любое физическое взаимодействие с электронными устройствами.

Существует критическое правило: если устройство включено – оставлять включённым, если выключено – не включать. Выключение приводит к потере энергозависимых данных (оперативная память, активные соединения), что необратимо нарушает целостность улик. Попытки самостоятельно просмотреть или попробовать разблокировать электронное устройство загрязняют улики собственными действиями сотрудника, изменяют данные и ставят под сомнение объективность доказательств.

2. *Принцип документирования* – фиксация всех действий с электронными носителями информации. Все действия и состояние оборудования должны фиксироваться на видео [1, с. 58–61].

В рапорте об обнаружении признаков преступления необходимо отразить обстоятельства своего прибытия и принятые меры (оказание помощи, задержание, оцепление) [2, с. 71–72]. В случае «цифрового» преступления рапорт дополняется перечнем обнаруженных электронных устройств, в том числе описанию подлежат:

• Перечень обнаруженных электронных устройств, который помогает в дальнейшем следствию точно знать, какие объекты были на месте и какие из них потенциально содержат доказательства. Точное описание каждого объекта позволяет отследить его перемещение с момента обнаружения до помещения на хранение или передачи эксперту.

• Состояние устройств (включены/выключены) – сигнал для прибывающего специалиста, что на носителе, вероятно, присутствует энергозависимая информация (данные в оперативной памяти), которую необходимо извлекать определенным образом, прежде чем физически обесточить устройство. Кроме того, это также важная информация, гарантирующая, что первоначальное состояние системы зафиксировано и не было изменено сотрудниками полиции.

• Опрос потерпевших и очевидцев о том, кто пользовался устройствами, когда и что именно произошло.

Это требование напрямую связано с необходимостью соблюдения принципа целостности цифровых доказательств, о котором говорилось ранее, и обеспечения их допустимости согласно ст. 74 УПК РФ.

Неприменение или неправильное использование персональных видеорегистраторов, отсутствие детальных фотографий и описаний обстановки до вмешательства, поверхностное описание в рапорте или протоколе состояния оборудования, расположения кабелей и содержания экранов мониторов напрямую влияет на эффективность всего дальнейшего расследования и возможность использования собранных сведений в качестве легитимных доказательств в суде.

Одной из ключевых задач сотрудников полиции, первыми прибывающих на место преступления с использованием ИКТ, является обеспечение сохранности цифровых доказательств до прибытия специалистов-криминалистов. Непрофессиональные действия могут привести к безвозвратной утрате критически важной информации.

Процесс сбора цифровых доказательств в контексте действий сотрудников полиции, первыми пребывающих на место происшествия, означает физическое изъятие носителей и обеспечение их сохранности (хранение), а не извлечение данных.

3. *Принцип минимального вмешательства* – ограничение взаимодействия с потенциальными источниками доказательств. Этот принцип вытекает из необходимости соблюдения целостности цифровых доказательств и является фундаментальным для обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе.

Реализуется посредством установления физического периметра вокруг места происшествия для недопущения посторонних лиц, включая собственников, потерпевших, которые могут изменить данные, изоляция устройств от доступа посторонних лиц, исключение любых манипуляций с оборудованием [3, с. 311–312]; защиты оборудования от дождя, пыли или резких изменений температуры; строгого соблюдения запрета на изменение состояния работающего или выключенного оборудования.

Принцип минимального вмешательства требует от сотрудника полиции пассивной, но крайне ответственной роли по сохранению неприкосновенности «цифровой» обстановки места преступления.

Непринятие мер по изоляции места происшествия ведет к риску утраты или изменения данных. Изъятие цифровых носителей без использования специальных антистатических или экранирующих пакетов может привести к повреждению данных статическим электричеством или удаленному стиранию.

Чаще всего сотрудники полиции, прибывающие первыми на место совершения преступления, обладают базовыми знаниями для охраны места происшествия, но не имеют квалификации и специального оборудования для корректного изъятия цифровых доказательств. Только специалист-криминалист с соответствующей подготовкой в области компьютерной криминалистики или сотрудник специализированного подразделения могут провести осмотр и изъятие цифровых носителей с соблюдением всех процессуальных норм УПК РФ и требований стандартов. Установив, что на месте преступления присутствуют электронные носители информации или преступление совершено удаленно с их использованием, критически важным шагом для обеспечения эффективности расследования является немедленный запрос на выезд специализированного сотрудника. Специалист знает, как работать с энергозависимой информацией, как создавать побитовые копии (образы дисков), применять методы хеширования для обеспечения целостности данных, что гарантирует их юридическую допустимость.

Таким образом, действия сотрудников полиции, первыми прибывающих на место преступления, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий, по идентификации и сбору сводятся к обнаружению, защите и документированию, что является фундаментом для дальнейшей квалифицированной работы специалистов-криминалистов и следователей, которые уже проводят изъятие и анализ цифровых данных в строгом соответствии с УПК РФ.

Принцип допустимости доказательств – это гарантия законности и справедливости уголовного процесса. Он гарантирует, что обвинение будет основываться только на легитимно полученных данных. В контексте работы с цифровыми доказательствами этот принцип обязывает сотрудников полиции строго следовать процедурам, описанным в ГОСТ Р ИСО/МЭК 27037-2014, для обеспечения юридической силы этих хрупких данных.

Список источников

1. Гетокова Л. Ю. Особенности процессуального документирования административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ «самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа» // Международный академический журнал. 2025. № 3.
2. Коркмазов А. В. Актуальные вопросы деятельности сотрудников полиции по предупреждению правонарушений экстремистской направленности // Теория и практика общественного развития. 2017. № 17.
3. Кучмезов Р. А. Структура способности сотрудников полиции устанавливать доверительные отношения с населением различных категорий // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74).

Библиографический список

1. Kaspersky. Russia Cyber Threat Report 2025. – Moscow, 2026.
2. Голубев, В. И. Киберпреступность в эпоху ИИ: вызовы для правоохранительных органов / В. И. Голубев // Юридическая наука и практика. – 2026. – № 1. – С. 11–20.

Информация об авторах:

Исаева Елена Дмитриевна,
доцент кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин;

Зашакуев Азамат Заурович,
преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях

About the authors:

Isaeva Elena D.,
associate professor of the department of criminalistics and criminal law disciplines;

Zashakuev Azamat Z.,
lecturer of the department of internal affairs in special conditions

Сведения о вкладе каждого автора

Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.01.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-88-94
EDN: https://elibrary.ru/tcbyaz

СОБОЛЕВ АНТОН ВАЛЕНТИНОВИЧ
кандидат юридических наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(Москва, Россия)
sobolevanton@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье рассмотрены связанные с цифровизацией уголовного процесса теоретико-правовые доктринальные гипотезы. Определено значение их научного осмысления в качестве будущей основы для правотворческой деятельности. Путём применения метода систематического исследования произведена классификация научных предложений по наиболее ёмкому, с содержательной точки зрения, признаку преобразования уголовно-процессуальной формы, связанному с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Классификация позволила разделить теоретические проекты на три группы. В первую включены научные гипотезы о таких правовых реформах, которые, хотя и связаны с уголовным судопроизводством, но выходят за пределы предмета уголовно-процессуального права. Проекты, предполагающие изменение уголовно-процессуальной формы, разделены по отмеченному признаку и включены в группы, названные радикальными и реформаторскими теоретико-правовыми гипотезами. Они проанализированы с позиции их соответствия некоторым принципам уголовного судопроизводства, имеющим конституционно-правовую природу. Сделан вывод о том, что реализация предложений радикального характера противоречит нормам Конституции Российской Федерации.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовая гипотеза, реформа уголовного судопроизводства, субъекты уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальные правоотношения, уголовно-процессуальная форма, уголовный процесс, цифровизация*

Для цитирования: *Соболев А. В. Теоретико-правовые гипотезы о цифровизации уголовного процесса как основа для правотворческой деятельности // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 88–94; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-88-94.*

SOBOLEV ANTON V.
phd of law
Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

THEORETICAL AND LEGAL HYPOTHESES ON THE DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS AS A BASIS FOR LAW-MAKING ACTIVITIES

Abstract. *The article discusses theoretical and legal doctrinal hypotheses related to the digitalization of the criminal process. It determines the significance of their scientific understanding as a future basis for law-making activities. By applying the method of systematic research, the article classifies scientific proposals. This classification is based on the most comprehensive criterion from a substantive perspective: the transformation of the criminal procedural form, which involves changes in the content of the elements of criminal procedural relations. The classification allows for the division of theoretical projects into three groups. The first part included scientific hypotheses about such legal reforms that, although related to crimi-*

© Соболев А. В., 2026.

nal proceedings, go beyond the scope of criminal procedural law. The projects that involve changes to the criminal procedural form were divided based on this criterion and included in groups called radical and reformist theoretical and legal hypotheses. They were analyzed from the perspective of their compliance with certain principles of criminal proceedings that have a constitutional-legal nature. It was concluded that the implementation of radical proposals contradicts the norms of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: *artificial intelligence, legal hypothesis, reform of criminal proceedings, subjects of criminal procedural activity, criminal procedural legal relations, criminal procedural form, criminal process, digitalization*

For citation: *Sobolev A. V. Theoretical and legal hypotheses the digitalization of the criminal process as a basis for law-making activities // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 88–94; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-88-94.*

Современное общество трудно представить в отрыве от различных цифровых технологий. Нельзя отрицать тот факт, что их разумное использование открывает широкие возможности, в том числе и в сфере социальных отношений. Исключением не стали отношения в области уголовного судопроизводства. На протяжении последних лет наблюдается постепенное дополнение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) нормами, которые предоставляют участникам судопроизводства возможность использовать различные цифровые решения в определенных случаях, например применять ряд электронных процессуальных документов или производить некоторые процессуальные действия дистанционно. Причем, как правило, всегда есть альтернатива в виде осуществления тех же действий в классическом формате, а выбор того или иного режима зависит от воли участника процесса. Существование данных норм, безусловно, способствует как достижению целей борьбы с преступностью, так и защите частных прав и законных интересов.

Одновременно с протеканием описанных законодательных процессов значительно увеличилось число выдвинутых на доктринальном уровне теоретико-правовых гипотез об использовании цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Наиболее мощным толчком к активизации научных исследований в данном направлении послужило развитие, популяризация и внедрение искусственного интеллекта в сектор государственного управления, а также в сферу экономической деятельности.

В настоящее время наблюдается старт так называемого «периода отрезвления»: ослабления внимания научно-педагогической общественности, а также студенчества в отношении вопросов, связанных с цифровизацией. Об этом свидетельствуют результаты анализа информации, содержащейся в Российской научной электронной библиотеке «ELibrary.Ru». За период с 2020 по 2024 год количество размещенных на данном портале публикаций, содержащих в наименовании слово «цифровизация» (с учетом склонений), демонстрировало рост с 22 379 до 35 230 позиций. По состоянию на 25 декабря 2025 г. их число составило уже 30 273 публикации.

Причины возникновения тенденции к смещению фокуса научных разработок с этого направления имеют комплексный характер. К ним относятся: проведение большего числа исследований на ранних этапах цифровизации, сужение сектора для научной работы, скоротечность модных течений [13, с. 50–55]. Но основным фактором представляется тот факт, что цифровые технологии, прежде всего искусственный интеллект, не оправдали гиперболизированных представлений отдельных авторов о реальных возможностях их практического применения.

Между тем, несмотря на определенное ослабление интенсивности изучения данных вопросов, количество как уже выдвинутых, так и новых теоретико-правовых гипотез, посвященных цифровизации уголовного судопроизводства, по-прежнему велико. Во-первых, это говорит о том, что на их детальное изучение уйдет продолжительное время. Во-вторых, указывает на наличие потенциала для разумного применения цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности с целью укрепления правопорядка и усиления борьбы с преступностью. В-третьих, позволяет вести речь о тенденции перехода новых научных проектов на прагматический уровень. В совокупности перечисленные факторы свидетельствуют о том, что рассматриваемое научно-исследовательское направление является перспективным, и детерминируют продолжение его разработки.

Переходя от количественных показателей к качественному анализу теоретико-правовых гипотез о применении цифровых

технологий в уголовном процессе, отметим, что они носят разнообразный характер. Если одни авторы определяют лишь вектор возможного использования указанных технологий, то другие формулируют конкретные вариативные предложения.

Например, в юридической литературе, в том числе монографического характера, встречаются предложения о применении традиционных средств только в случае отсутствия доступа к электронным аналогам [2, с. 190–198]; создании усеченной формы расследования при наличии видеозаписи преступления [20, с. 214–229] или закреплении в УПК РФ возможности использования справочно-правовых систем [8, с. 161–166]. Другие ученые, напротив, предлагают предусмотреть в законе возможность ознакомления участников процесса с электронными образами материалов уголовного дела [3, с. 89–94] и полагают, что цифровизация должна касаться сугубо технической стороны уголовного производства [4].

Очевидно, что обобщение теоретико-правовых гипотез о применении цифровых технологий в уголовном процессе является необходимым, поскольку часть высказанных инициатив будет воспринята законодателем и использована в правотворческой деятельности. Как указывает Е. А. Прохорова, «правовая доктрина выступает в качестве материального источника права… Её роль состоит в детерминации и научной проработке конкретных изменений уголовно-процессуального закона, а также в определении общего направления совершенствования законодательства» [14, с. 188–191]. «Теоретические исследования по вопросам уголовного судопроизводства создают своего рода основу для изменения законодательства», – писала И. Б. Михайловская [11, с. 165]. Но сразу разобраться в многообразии имеющихся предложений возможно не всегда. На что же следует опираться при их отборе с целью реализации в законе?

На наш взгляд, не следует начинать с выбора конечного результата, каким бы привлекательным он не казался на первый взгляд. Содержание некоторых гипотез имеет явный упрощенческий характер, например о замене искусственным интеллектом одного из судей при коллегиальном рассмотрении дел [10, с. 169]. Полагаем, что ни это предложение, ни подобные ему новации не учитывают взаимосвязи реформируемых институтов с основами материального и процессуального права либо отражают их очень поверхностно. Как будет происходить совещание такого состава суда? На какие нравственные категории (по закону это внутреннее убеждение и совесть) искусственный судья должен опираться при формулировке особого мнения? Разве они есть у компьютерной программы? На что опираться при признании наличия смягчающего обстоятельства, не отраженного в соответствующем перечне? Ещё О. С. Иоффе указывал, что «практические предложения могут вноситься только на самой последней, но отнюдь не изначальной стадии соединения науки с практикой. При ином подходе они не столько служат практике, сколько вредят ей» [7, с. 165].

Полагаем, что выбор теоретико-правовой гипотезы должен быть обусловлен прежде всего соответствием реформируемой части законодательства иным, взаимосвязанным с ней действующим нормативным предписаниям. Конечно, выявление такого соответствия требует проведения детального анализа. Но он возможен на более поздних этапах научно-исследовательской разработки конкретного предложения. А первым шагом в данном процессе является классификация имеющихся проектов. Применение этого распространенного метода, во-первых, позволит структурировать разнообразные гипотезы в группы, во-вторых, выявить между ними принципиальные отличия, в-третьих, будет иметь определяющее значение для продолжения теоретических изысканий, став своеобразным фильтром, позволяющим отказаться от тех предложений, которые уже на ранних стадиях их научного осмысления обнаруживают своё несоответствие взаимосвязанным с ними действующим правовым предписаниям.

По нашему мнению, в качестве классифицирующего признака уместно использовать наличие или отсутствие такого преобразования уголовно-процессуальной формы, которое связано с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Полагаем, что этот признак является наиболее ёмким с содержательной точки зрения. Ведь он охватывает взаимосвязанные друг с другом порядок уголовного судопроизводства (форму) и его содержательную часть (отношения). То есть применение данного классифицирующего признака позволяет произвести систематическое исследование данной сферы.

Согласно концепции М. С. Строговича, уголовно-процессуальные отношения представляют собой правоотношения между участниками уголовного судопроизводства и складываются из четырех элементов: субъектов правоотношения, его объекта, прав (правомочий) и обязанностей. Уголовно-процессуальные отношения представляют собой правовую форму деятельности участников процесса, а сама эта деятельность является содержанием уголовно-процессуальных отношений [15, с. 31–34]. Автор учения об уголовно-процессуальной форме В. К. Бобров указывает, что она представляет собой процессуальный порядок осуществления следственных и судебных действий [5, с. 84]. Благодаря процессуальной форме, – отмечает В. К. Бобров, – происходит реализация прав и обязанностей [6, с. 9].

Первая часть теоретико-правовых гипотез о применении цифровых технологий в уголовном процессе не связана ни с изменением уголовно-процессуальной формы, ни с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Например, к ним можно отнести суждения о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законе положений об использовании справочно-правовых систем при подборе нормативно-правовых актов. Подобные предложения не будут предметом рассмотрения в данной статье, поскольку они явно выходят за рамки уголовно-процессуального права и, по меткому выражению А. В. Победкина, «связаны с оптимизацией делопроизводства с использованием цифровых технологий и не должны быть предметом внимания процессуалистов» [13, с. 52].

Вторая часть гипотез, хотя и предполагает коррекцию процессуальной формы, но не связана с изменением содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Например, предложенное О. В. Химичевой и П. О. Панфиловым расширение возможностей подачи жалоб, заявлений и ходатайств в форме электронного документа, которое, по справедливому мнению данных ученых, не меняет существо имеющихся моделей [19, с. 50].

Примеры подобных нововведений можно увидеть в УПК РФ сегодня. Например, правоотношения, связанные с использованием электронной повестки. Их субъекты – это уполномоченные государственные органы и должностные лица, а также вызванное лицо, у которого возникает обязанность явиться. А объектом является прибытие лица для производства процессуальных действий. При сравнении содержания элементов правоотношений, возникающих при использовании электронной повести и её бумажного аналога, выясняется, что они имеют тождественный характер. Отсутствие различия в содержании этих элементов нетрудно заметить при сравнении производства процессуальных действий в обычном и в дистанционном режиме. Как указывает А.И. Халиуллин, «использование таких новых технологий меняет форму, но не содержание традиционных процедур» [17, с. 50]. Новеллы, объединенные данной группой, названы нами реформаторскими теоретико-правовыми гипотезами.

Третья часть анализируемых научных проектов предполагает коррекцию не только формы, но и содержания элементов уголовно-процессуальных отношений. Примером является предложение о замене искусственным интеллектом субъектов процессуальной деятельности [1, с. 24–34]. В результате реформы УПК РФ по предложенному типу изменится не только порядок судопроизводства. Изменения затронут субъектов правоотношений: вместо следователя – компьютерная программа; субъективные права (полномочия) и обязанности – они не могут быть равными человеческим. Аргументируя свои предложения, авторы, как правило, ссылаются на увеличение эффективности и скорости судопроизводства. С лингвистической точки зрения, точнее всего суть предложений, объединенных данной группой, отражает наименование радикальных теоретико-правовых гипотез.

Поскольку выбор научного предложения, отнесенного к той или иной группе, повлечет их дальнейшую научно-исследовательскую разработку, и, вероятно, определит будущий облик уголовного процесса, постольку они нуждаются в более детальном рассмотрении.

Радикальные теоретико-правовые гипотезы подразумевают коррекцию правил собирания, проверки и оценки доказательств, усечение пределов предмета доказывания, замену субъектов уголовно-процессуальной деятельности компьютерными программами, умаление письменного производства в пользу цифрового и проч.

По нашему мнению, подобные предложения несут на себе отпечаток гипертро-

фированных представлений о возможностях цифровых технологий и не учитывают современные технические реалии. Например, искусственный интеллект сегодня не способен заменить следователя или судью во всем многообразии их деятельности, а лишь выполняет отдельные свойственные человеку функции при решении узконаправленных прикладных задач.

Помимо этого, радикальные теоретико-правовые гипотезы не соответствуют принципу свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Ведь установленные им правила требуют оценивать доказательства по внутреннему убеждению и руководствоваться при этом совестью. А компьютерные программы не оперируют этими этическими категориями.

Между тем данный уголовно-процессуальный принцип обеспечивает стабильность, устойчивость процесса, служит залогом защиты прав и законных интересов его участников. А потому имеет тесную связь с назначением уголовного судопроизводства, которое, в свою очередь, имеет конституционно-правовую основу [16, с. 81–87].

Выходит, что объединенные в радикальный подход теоретико-правовые гипотезы решают задачу повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, но ставят под угрозу защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Иными словами, за счет укрепления одних принципов судопроизводства происходит выхолащивание других, что представляется недопустимым в силу противоречия этого подхода Конституции Российской Федерации. Как писал А. С. Пиголкин, «принципиальное значение при создании новых юридических норм имеет степень заботы государства о личности… об охране и обеспечении её прав и свобод» [12, с. 203].

Несмотря на изменение уголовно-процессуальной формы, теоретико-правовые гипотезы реформаторского характера, напротив, не предполагают отступления от концептуальных основ уголовного судопроизводства и позволяют сохранить выверенные временем модели процесса. Данные теоретические предложения свободны от негативных эффектов, свойственных более радикальным новациям. При этом признаётся потенциал использования цифровых технологий и положительные результаты, которые можно достичь с их помощью. Такой подход предусматривает локальные усовершенствования путем включения соответствующих предписаний в систему действующего законодательства.

На первый взгляд, предполагая целью применения цифровых технологий в судопроизводстве экономию сил и средств уголовной юстиции, реформаторские теоретико-правовые гипотезы не так привлекательны, как радикальные. Вместе с тем они разнообразны и затрагивают многие сферы уголовного процесса. Но именно за счет этого их применение позволит достичь существенных результатов и в процессуальной экономии, и, что более важно, в укреплении процессуальных гарантий прав личности, повышении эффективности процессуальной деятельности, обеспечении баланса частных и публичных интересов, усилении борьбы с преступностью.

В контексте нашей работы уместно взглянуть на отечественный опыт реформирования уголовного процесса. Ускорение делопроизводства, освобождение судей, прокуроров и следователей от рутинной работы за счет внедрения новых технологий было отнесено к числу первоочередных мер в Концепции судебной реформы в РСФСР[1]. Но ее составители во многом опирались на сохранение концептуальных основ уголовного процесса, выработанных в Российской Империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Описывая УПК РФ, И. Л. Петрухин указывал, что «реформа судопроизводства, закрепленная новым Кодексом, не является радикальной и кардинальной. В нем много нового, но его концептуальные основы близки по духу тем идеалам, которые стали для нас привычными» [9, с. 5].

Так и сегодня нам представляется важным выразить солидарность и согласиться с мнением О. В. Химичевой о том, что «проводить цифровую трансформацию уголовного судопроизводства следует не отступая от базовых положений уголовно-процессуального закона» [18, с. 173], и не допустить того, чтобы внедрение цифровых средств стало не способом достижения тех или иных результатов, а целью уголовного процесса.

[1] О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Список источников

1. Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 16–17 марта 2018 г. / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб.: ИД «Петрополис», 2018.
2. Андреева О. И., Зайцев О. А. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455.
3. Арутюнян Д. А., Головкин О. Е. Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94).
4. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023.
5. Бобров В. К. К исследованию процессуальной формы в уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 2.
6. Бобров В. К. Форма советского уголовно-процессуального права: специальность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1974.
7. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2020.
8. Караева А. А. Информационные технологии в уголовном процессе России: современное состояние и перспективы // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 11.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Б. Алексеева, Л. Н. Башкатов, М. В. Боровский [и др.]; отв. ред.: И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012.
10. Кондрашин П. В. Искусственный интеллект и его возможное влияние на состав суда в уголовном процессе // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы II Междунар. межвузовской науч.-практ. конф. (Москва, Красноярск, 26 февраля 2021 г.). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021.
11. Михайловская И. Б. Трансформация Российского уголовного судопроизводства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1.
12. Общая теория права: учеб. для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев [и др.]; под общ. ред. А. С. Пиголкина; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: изд-во МГТУ, 1997.
13. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
14. Прохорова Е. А. О роли доктрины в уголовно-процессуальном регулировании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104).
15. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
16. Федоров И. З. Конституционные основы принципов уголовного судопроизводства России // Вестник Российского университета кооперации. 2012. № 2 (8).
17. Халиуллин А. И. Направления внедрения информационных технологий в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации // Административное право и практика администрирования. 2017. № 2.
18. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2.

19. Химичева О. В., Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1.
20. Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1.

Информация об авторе:

Соболев Антон Валентинович,
старший преподаватель кафедры правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета

About the author:

Sobolev Anton V.,
senior lecturer at the department of legal regulation economic activity faculty of Law

Статья поступила в редакцию 13.01.2026;
одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 13.01.2026;
approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-95-101
EDN: https://elibrary.ru/jnzzuk

ГУСЕВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА
кандидат юридических наук
Международный юридический институт
(Москва, Россия)
fialka88-64@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема отсутствия надлежащих гарантий обеспечения безопасности для лиц (подозреваемых, обвиняемых), вступающих в досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку надлежащая реализация указанным субъектом условий соглашения сопряжена с реальной угрозой противоправного воздействия в его адрес, а также в адрес его родственников и близких лиц. С целью устранения возможных угроз предлагаются способы эффективной реализации в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, некоторых процессуальных мер безопасности в комплексе с мерами государственной защиты с целью повышения гарантий безопасности указанного лица. Автор указывает на то, что безопасность сотрудничающего лица должна обеспечиваться путем эффективного и своевременного принятия комплекса мер, предусмотренных УПК РФ, Законом № 119-ФЗ, а также иными нормативными правовыми актами. В ходе анализа вариантов совместной реализации процессуальных мер и мер государственной защиты автор приходит к выводу, что комплексное применение процессуальных мер безопасности и мер государственной защиты должно носить целостный характер, так как данный подход, при условии его грамотной реализации, повысит эффективность применяемых мер и позволит гарантировать реальную безопасность лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве.*

Ключевые слова: *обеспечение безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; процессуальные меры безопасности; меры государственной защиты; комплексный подход; реализация отдельных мер безопасности; гарантии безопасности сотрудничающего лица; угроза противоправного воздействия; соблюдение условий конфиденциальности*

Для цитирования: *Гусева Н. Н. К вопросу о комплексном обеспечении безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 95–101; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-95-101.*

GUSEVA NATALYA N.
phd in law
International Law Institute
(Moscow, Russia)

ON THE ISSUE OF COMPREHENSIVE SECURITY FOR A PERSON WHO HAS ENTERED INTO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Abstract. *This article examines the lack of adequate security guarantees for individuals (suspects and defendants) entering into pre-trial cooperation agreements, as proper implementation of the agreement's terms by the said entity is fraught with a real threat of unlawful influence against them, as well as against their relatives and close associates. To address these potential threats, methods are proposed for effectively implementing certain procedural security measures in conjunction with state protection measures for suspects (defendants) with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded, with the aim of enhanc-*

© Гусева Н. Н., 2026.

ing their security guarantees. The author emphasizes that the security of the cooperating entity must be ensured through the effective and timely implementation of a set of measures stipulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Federal Law No. 119-FZ, and other regulatory legal acts. In analyzing the options for the joint implementation of procedural measures and state protection measures, the author concludes that the integrated application of procedural security measures and state protection measures should be holistic in nature, since this approach, if properly implemented, will increase the effectiveness of the measures applied and will guarantee real security for the person who has entered into a pre-trial cooperation agreement.

Keywords: *ensuring the safety of a suspect or accused with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded; procedural security measures; state protection measures; a comprehensive approach; implementation of individual security measures; guarantees of the safety of the cooperating party; threat of unlawful influence; compliance with confidentiality conditions*

For citation: *Guseva N. N. On the issue of comprehensive security for a person who has entered into a pre-trial cooperation agreement // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 95–101; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-95-101.*

Проблема отсутствия надлежащих гарантий обеспечения безопасности является актуальной для всех участников уголовного процесса, в особенности для лиц (подозреваемых, обвиняемых), вступающих в досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку должное исполнение указанным субъектом условий соглашения сопряжено с реальной угрозой противоправного воздействия в его адрес, а также в адрес его родственников и близких лиц. Поэтому на данный аспект законодатель отдельно обращает внимание в ст. 317.9 УПК РФ «Меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве».

Вместе с тем положения ст. 317.9 УПК РФ не предусматривают каких-либо конкретных мер безопасности, подлежащих применению в отношении указанного участника уголовного судопроизводства, а лишь отсылают правоприменителя к ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в которой перечислены процессуальные меры безопасности, применяемые в отношении потерпевшего и свидетеля: ч. 9 ст. 166 (присвоение лицу псевдонима), ч. 2 ст. 186 (контроль и запись телефонных переговоров), ч. 8 ст. 193 (опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым), п. 4 ч. 2 ст. 241 (проведение закрытого судебного заседания), ч. 5 ст. 278 (проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение) [5, с. 30].

Отсутствие взаимосвязи между нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ), регламентирующими обеспечение безопасности сотрудничающего лица, и правоприменительной деятельностью препятствует качественному обеспечению безопасности, а отсутствие гарантий безопасности является следствием отказа подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам, связанным с организованной преступной деятельностью, от сотрудничества со следствием, что создает трудности при изобличении виновных лиц.

Адекватными средствами воздействия на желание подозреваемых (обвиняемых) идти на «сделки с правосудием» являются: установление необходимых гарантий личной безопасности сотрудничающего лица; неукоснительное соблюдение условий конфиденциальности заключенного соглашения; обеспечение законных интересов данного лица при производстве по уголовному делу. Одним из таких средств является реализация мер государственной защиты и процессуальное обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

В научных публикациях применительно к обозначенной проблеме употребляются два основных термина: «государственная защита» и «обеспечение безопасности». В контексте проводимого исследования мы используем эти термины в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как важных составляющих единого процесса обеспечения гарантий безопасности и законных интересов данного участника уголовного судопроизводства. Такое объединение объясняется тем, что, по нашему мнению, оба процесса могут (и должны) осуществляться параллельно, не исключая или не противопоставляя друг другу различные механизмы реализации, а напротив всецело дополняя друг друга.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 (в ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт] (дата обращения: 20.01.2026).

Подтверждая сказанное, А. Ю. Епихин и А. В. Мишин отмечают, что единая государственная функция защиты и обеспечения безопасности личности в уголовном процессе объединяет два самостоятельных и формально независимых друг от друга процесса: процесс государственной защиты и процесс обеспечения уголовно-процессуальной безопасности, которые могут осуществляться параллельно. При этом целью этой функции является безопасное участие личности и комплексное создание достаточных условий для содействия уголовному правосудию [7, с. 23].

Основой нормативного регулирования обеспечения процессуальной безопасности и реализации мер государственной защиты в отношении лица, участвующего в производстве по уголовному делу, в отечественном законодательстве являются Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1] (далее – Закон № 119-ФЗ), а также нормы действующего УПК РФ.

Действующий УПК РФ содержит ряд общих и специальных мер безопасности, которые могут быть применены в отношении сотрудничающего лица как в досудебном, так и в судебном производствах. Так, содержание ч. 3 ст. 11 УПК РФ дает основание полагать, что в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, могут быть реализованы следующие меры безопасности:

– в протоколе следственного действия, в котором принимает участие данное лицо, не указываются данные его личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

– в случае наличия угрозы совершения преступных действий в отношении лица и его близких контроль и запись телефонных переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии заявления – на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

– по решению следователя предъявление лица для опознания может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

– проведение закрытого судебного заседания в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства и их близких (ч. 2 ст. 241 УПК РФ);

– суд без оглашения данных о личности вправе провести допрос, исключающий визуальное наблюдение лица другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

В последнее время в теории и практике уголовного процесса все чаще обращается внимание на то, что существующие ныне процессуальные меры безопасности не могут обеспечить конфиденциальность сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) с органами предварительного расследования. Информация о данном субъекте может стать известной лицам, препятствующим производству по уголовному делу, различными способами. Обеспечение должного уровня безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на досудебных стадиях уголовного процесса имеет важное значение, так как от этого напрямую зависит возможность успешного завершения предварительного расследования и, как следствие, изобличение виновных лиц и привлечение их к уголовной ответственности. Однако реализация отдельных мер безопасности в отношении указанного лица требует детального анализа с целью выработки рекомендаций нормативного и практического характера их применения.

Соблюдение гарантий безопасности сотрудничающего лица невозможно без разрешения вопросов, связанных с реализацией п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, регулирующего процесс выделения из возбужденного уголовного дела материалов, идентифицирующих личность сотрудничающего лица.

Толкование данной нормы и существующий порядок реализации порождают ряд противоречивых мнений как в научной среде, так и в области правоприменения, так как при выделении уголовного дела не уделяется должного внимания объективности и всесторонности производства предварительного расследования. Однако в случае отказа следователя от реализации нормы, предусмотренной п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, возникает опасность посткриминального воздействия на сотрудничающее лицо. В этой связи имеется вполне закономерный вопрос, как обеспечить безопасность сотрудничающего лица, не нарушив при этом принцип объективности и всесторонности.

По мнению О. В. Карпова и И. В. Маслова, при возникновении угрозы безопасности сотрудничающего лица, его родственников

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (с изм. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 20.01.2026).

и близких лиц следователь выносит постановление о хранении подписанного соглашения и прилагаемых к нему документов в опечатанном конверте при уголовном деле. Авторы отмечают, что реализация принципа законности (изложенного в ч. 4 ст. 7 УПК РФ) при производстве предварительного расследования осуществляется путем принятия следователем обоснованных и мотивированных процессуальных решений. Таким образом, при помещении соответствующего постановления в опечатанный конверт, хранящийся при уголовном деле, необходимость изъятия соглашения о сотрудничестве из материалов уголовного дела отпадает [8, с. 3].

Аналогичный вариант разрешения данной проблемы предлагают В. Г. Глебов и Н. С. Костенко, но при этом авторы говорят о необходимости добавить в установленный ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ перечень документов, подлежащих хранению в опечатанном конверте, постановление о выделении дела [2, с. 17]. Данная позиция авторов заслуживает внимания, так как в ней предложены меры по усилению гарантий личной безопасности лица, заключившего соглашение о досудебном сотрудничестве, путем сокрытия материалов уголовного дела, содержащих сведения о сотрудничающем лице (помещение в опечатанный конверт).

На основании изложенного полагаем, что выделение материалов уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение о досудебном сотрудничестве, в отдельное производство является необходимой и рациональной мерой, направленной на обеспечение его безопасности, и предлагаем следующие способы разрешения обозначенной проблемы:

1. Предусмотреть для должностного лица, ведущего расследование, возможность выделения материалов уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, если данные действия не окажут влияние на всесторонность и объективность производства предварительного расследования.

2. Если результат выделения материалов уголовного дела повлияет на объективность и качество предварительного расследования либо появится угроза этому, то документы, содержащие информацию о личности сотрудничающего лица (без выделения материалов уголовного дела в отдельное производство), изымаются из открытого доступа и помещаются в опечатанный конверт, хранящийся при уголовном деле. Наряду с изложенным стоит отметить, что полный отказ от выделения либо сокрытия материалов может существенно отразиться на эффективности реализуемых мер безопасности, а в конечном итоге – на результатах расследования [3, с. 112].

Множество вопросов при практической реализации в отношении лица, с которым заключено соглашение о досудебном сотрудничестве, вызывает мера безопасности, предусмотренная ч. 5 ст. 278 УПК РФ (производство допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение). Согласно данной норме, при необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников и близких лиц, суд вправе без оглашения подлинных данных о личности провести допрос свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение [6, с. 99].

Исходя из сказанного, лицо, заключившее соглашение о сотрудничестве, являющееся в ходе судебного разбирательства свидетелем обвинения, с целью соблюдения условий конфиденциальности может быть допрошено только судом, без участия сторон. В части 5 рассматриваемой статьи говорится об исключении лишь визуального (зрительного) наблюдения свидетеля другими участниками судебного разбирательства, что не исключает, а напротив, предполагает сохранение слухового восприятия показаний и возможности задавать вопросы. Во избежание установления личности допрашиваемого свидетеля (путем непосредственного слухового восприятия его речи), последний должен находиться в другом помещении, вне зала судебного разбирательства, которое оборудовано аппаратурой для двусторонней аудиосвязи, что позволяет исключить идентификацию сотрудничающего лица посредством создания видеопомех и изменения голоса [5, с. 118]. Вместе с тем следует предусмотреть решение ряда процессуальных вопросов, связанных с порядком проведения такого следственного действия. Каким образом производить указанное следственное действие? Где в момент допроса должно находиться допрашиваемое лицо? За пределами зала суда, в ином помещении, находящемся как в здании суда, так и за его пределами, либо лицо находится в зале судебного заседания за ширмой, оставаясь невидимым другими участниками процесса? Либо следственное действие

проводится в режиме видеотрансляции, при этом судья и участники процесса должны находиться в зале суда, а допрашиваемое лицо – в ином месте, на удаленном расстоянии [4, с. 237].

При производстве судебного разбирательства с участием данного лица судья самостоятельно избирает способ производства допроса, соответствующий реальной ситуации. По нашему мнению, было бы правильным реализовывать данное следственное действие следующим образом: защищаемое лицо находится в удаленном от здания суда месте (информация о котором не известна участникам судебного разбирательства), оборудованном специальной аппаратурой. При осуществлении видеотрансляции с использованием шумовых помех судья производит допрос в порядке, предусмотренном УПК РФ. Пребывание допрашиваемого лица в удаленном месте является ключевым условием достижения положительного результата в процессе обеспечения его защиты, так как в действительности лица, в адрес которых излагаются обвинительные показания, будут крайне заинтересованы личностью источника данной информации, преследуя цель установить данные сотрудничающего лица путем осуществления наблюдения за тем, как последний прибудет к зданию суда. Возникает вопрос, как его узнают? Предположим, во-первых, что лицо, подлежащее допросу, может быть лично знакомо со злоумышленником и узнать его для последнего не составит труда, во-вторых, не исключено, что лицо, дающее изобличающие показания, появится не одно, а в окружении людей, отвечающих за его безопасность [4, с. 238].

В этой связи с целью не допустить нарушения прав участников уголовного судопроизводства ч. 5 ст. 278 УПК РФ необходимо дополнить положением следующего содержания: «…*стороны вправе задавать вопросы свидетелю, допрашиваемому в указанном порядке, посредством их письменного изложения, с использованием технических средств связи или иным способом, исключающим визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства*» [5, с. 122].

Выбор и последующая реализация той или иной меры безопасности должны быть соразмерны характеру угрозы: следует четко определить грань между опасностью и реальностью претворения угрозы в жизнь. Если процессуальные меры, закрепленные в УПК РФ, не позволяют гарантировать безопасность фигуранта, то появляется необходимость реализовать комплекс защитных мер, перечень которых изложен в гл. 2 Закона № 119-ФЗ: личная охрана, охрана жилища и имущества охраняемого лица; выдача защищаемому лицу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности защищаемого лица; изменение места работы (службы) или учебы защищаемого лица; временное помещение защищаемого лица в безопасное место; обеспечение безопасности военнослужащего; обеспечение безопасности защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания; меры социальной поддержки.

В ч. 2 ст. 18 Закона № 119-ФЗ закреплена необходимость проведения следователем, в производстве которого находится уголовное дело, совместно с органом, осуществляющим меры государственной защиты, проверки заявления участника уголовного судопроизводства о наличии угрозы противоправного воздействия. Несмотря на то, что данное положение законодательства действует с 2017 года (ФЗ от 07.02.2017 № 7-ФЗ)[1], практика реализации совместных проверочных мероприятий нуждается в выработке единых подходов осуществления согласованных действий указанных субъектов правоприменения. Это необходимо для правильного распределения задач и их последовательной реализации, чтобы каждая сторона, выполняя свои функции, действовала в рамках единого процесса. Эффективность совместной реализации проверочных действий и достижение поставленных целей напрямую зависят от качества организации совместной работы подразделений. Правильная организация позволит осуществить полное документирование преступной деятельности лиц, представляющих угрозу для объектов защиты.

В контексте проводимого исследования на отдельном примере предлагаем рассмотреть возможные ситуации, при кото-

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: федеральный закон от 07.02.2017 № 7-ФЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71605322/ (дата обращения: 20.01.2026).

рых возникает необходимость одновременной реализации процессуальных мер безопасности и мер государственной защиты в отношении обвиняемого (подозреваемого), заключившего соглашение о досудебном сотрудничестве.

После возбуждения уголовного дела в отношении конкретных лиц по подозрению в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена составами с квалифицирующими признаками «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа», каждое из этих лиц подлежит допросу. В ходе допроса кто-либо из подозреваемых (обвиняемых) отказывается от дачи показаний со ссылкой на ст. 51 Конституции РФ, после чего в присутствии защитника заявляет ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, одновременно выразив требование о сохранении в тайне данного факта. Следователь принимает заявленное ходатайство с последующим рассмотрением вопроса о целесообразности предстоящего сотрудничества. После тщательной оценки сложившейся ситуации и перспективы получения доказательственной информации по уголовному делу следователь ходатайствует перед прокурором о заключении данного соглашения.

С момента заключения соглашения о досудебном сотрудничестве на основании п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ материалы уголовного дела, идентифицирующие личность подозреваемого (обвиняемого), изымаются из возбужденного уголовного дела и приобщаются к уголовному делу, выделенному в отдельное производство. Далее следователем выносится постановление о засекречивании данных о личности лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, и присвоении ему соответствующего псевдонима. Постановление совместно с данными о личности сотрудничающего лица помещается в опечатанный конверт и приобщается к материалам исходного уголовного дела [3, с. 113]. Одновременно для обеспечения безопасности сотрудничающего лица следователем может быть наложен запрет на выдачу сведений о данном лице. С этой целью орган, осуществляющий меры безопасности, направляет предупреждение должностным лицам организаций, ответственых за замену и выдачу документов, удостоверяющих личность, и иных документов, о неразглашении сведений, которые были им доверены или стали известны в связи с применением соответствующей меры безопасности в отношении защищаемого лица [7, с. 58].

Вместе с тем в следственной практике может возникнуть ситуация, при которой подозреваемый (обвиняемый) после допроса под настоящей фамилией (протокол допроса которого имеется в уголовном деле) заявляет ходатайство о желании сотрудничать с правоохранительными органами. С момента подписания соглашения лицу начинают поступать угрозы противоправного воздействия, вследствие чего появляется необходимость в оперативном обеспечении его безопасности. Ряд ученых-процессуалистов предлагают различные пути разрешения данной ситуации [7, с. 58], но наличие реальной угрозы свидетельствует о нецелесообразности и неэффективности дальнейшей реализации процессуальных мер безопасности и необходимости применения мер государственной защиты, а именно: личной охраны, помещения в безопасное место, выдачи специальных средств индивидуальной защиты и т. д.

При поступлении в установленном порядке мотивированного постановления (определения), вынесенного должностным лицом, принимающим решение о применении мер безопасности, орган, осуществляющий меры безопасности, самостоятельно избирает необходимые меры [7, с. 58].

Об избранных мерах, их изменении и результатах применения подразделение, осуществляющее меры безопасности, информирует (с соблюдением требований конфиденциальности) должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, путем направления соответствующего уведомления. Организация, тактика, формы и методы работы по обеспечению личной охраны защищаемого лица определяются в пределах компетенции задействованных для этих целей подразделений, на основании сведений о защищаемом лице [7, с. 58].

Комплексное применение процессуальных мер безопасности и мер государственной защиты должно носить целостный характер. Планируя ход расследования уголовного дела, участником которого является лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, должностное лицо рассматривает вопрос вероятности поступления угрозы в адрес сотрудничающего лица, на основании чего определяет конкретные профилактические меры безопасности, характер и последовательность их реализации с целью достижения желаемого результата [5, с. 143].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что безопасность сотрудничающего лица обеспечивается путем эффективного и своевременного принятия комплекса мер, предусмотренных УПК РФ, Законом № 119-ФЗ, а также иными нормативными правовыми актами. Этот сложный и многогранный процесс представляет собой комплексный и многосторонний правовой институт, включающий обширные межотраслевые (междисциплинарные) связи и осуществляющий как регулятивные, так и охранительные функции по обеспечению безопасности названного лица, участвующего в отправлении правосудия.

Итоги исследования свидетельствуют о необходимости расширения практического опыта комплексной реализации рассмотренных мер безопасности, так как данный подход, при условии его грамотной реализации, повысит эффективность применяемых мер и позволит гарантировать реальную безопасность лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве.

Список источников

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.
2. Глебов В. Н., Костенко Н. С. Проблемы выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Рос. следователь. 2011. № 24.
3. Голубовский В. Ю., Гусева Н. Н. К вопросу о выделении уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Нижегородской академии МВД России «Юридическая наука и практика». 2014. № 4 (28).
4. Гусева Н. Н. Производство допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение, как средство обеспечения процессуальной безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Нижегородской академии МВД России «Юридическая наука и практика». 2015. № 1 (29).
5. Гусева Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
6. Гусева Н. Н. К вопросу о состязательности сторон в условиях реализации процессуальных мер безопасности в отношении сотрудничающего лица // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 4 (76).
7. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: учеб. пособие. Казань, 2018.
8. Карпов О. В., Маслов И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9.
9. Олиференко Т. Г., Петухов Е. Н. Проблемы применения псевдонима как меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Восьмой междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Барнаул, 2010.

Информация об авторе:

Гусева Наталья Николаевна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

About the author:

Guseva Natalya N.,
associate professor of the department of criminal law disciplines

Статья поступила в редакцию 22.01.2026;
одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 22.01.2026;
approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-102-108
EDN: https://elibrary.ru/wbvutd

КУРГАЕВ ЕГОР АЛЕКСЕЕВИЧ
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
egor_kurgaev@mail.ru
ORCID: 0009-0000-7883-4601

Научный руководитель: **Шахматов Александр Владимирович**, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *В статье исследуются особенности оперативно-розыскной характеристики применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и ее отличия от других видов характеристик. Автор выделяет и анализирует в качестве системообразующих элементов лицо, оказывающее преступное воздействие, и участника уголовного судопроизводства, вокруг которых и строит свое исследование.*

Целью исследования является выделение особенностей оперативно-розыскной характеристики применения мер безопасности, а также закономерностей профилей ключевых субъектов процесса применения мер безопасности.

Методологическую основу работы составили частнонаучные методы: нормативно-догматический, сравнительно-доктринальный, системно-структурный и метод типологизации, применявшиеся в сочетании с общенаучными методами анализа, синтеза и дедукции.

В результате исследования сформулировано определение оперативно-розыскной характеристики применения мер безопасности, разработана практико-ориентированная типология лиц, оказывающих противоправное воздействие, установлена непосредственная взаимосвязь между проводимыми оперативно-розыскными мероприятиями и применяемыми мерами безопасности.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная характеристика; меры безопасности; оперативно-розыскные мероприятия; лицо, совершившее преступление; участник уголовного судопроизводства*

Для цитирования: *Кургаев Е. А. Особенности содержания оперативно-розыскной характеристики применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 102–108; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-1-102-108.*

KURGAEV EGOR A.
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Saint Petersburg, Russia)

Supervisor: **Shakhmatov Alexander V.**, professor of the department of operational investigative activities in the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, doctor of law, professor, honored officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

© Кургаев Е. А., 2026.

FEATURES OF THE CONTENT OF THE OPERATIONAL-INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF THE APPLICATION OF SECURITY MEASURES IN RELATION TO PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. *The article examines the features of the operational-investigative characteristics of the use of security measures against participants in criminal proceedings and it's differences from other types of characteristics. The author identifies and analyzes as system-forming elements: a person who exerts criminal influence and a participant in criminal proceedings, around which he builds his research.*

The purpose of the study is to identify the features of the operational-investigative characteristics of the application of security measures, as well as the patterns of profiles of key actors in the process of applying security measures.

The methodological basis of the work was formed by private scientific methods: normative-dogmatic, comparative-doctrinal, systemic-structural and the method of typologization, used in combination with general scientific methods of analysis, synthesis and deduction.

As a result of the research, the definition of the operational-search characteristics of the use of security measures was formulated, a practice-oriented typology of persons exerting unlawful influence was developed, and a direct relationship between the operational-search measures carried out and the security measures applied was established.

Keywords: *operational-investigative characteristics, security measures, operational-investigative measures, a person who committed a crime, a participant in criminal proceedings*

For citation: *Kurgaev E. A. Features of the content of the operational-investigative characteristics of the application of security measures in relation to participants in criminal proceedings // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 102–108; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-1-102-108.*

Современное противодействие правосудию характеризуется возросшей степенью изощренности, которое выражается в вариативности оказываемого давления (физического, психологического). Данная тенденция обусловлена трансформацией преступности, которая активно переходит в цифровую среду, что затрагивает и сферу противодействия правосудию. Противоправное воздействие, оказываемое на участников уголовного судопроизводства, помимо прямого физического либо психологического воздействия, также начинает осуществляться при помощи сети Интернет, а также информационно-коммуникационных ресурсов[1]. Подобные действия формируют новую форму психологического давления, которая затрудняет традиционные способы документирования преступных действия, проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на нейтрализацию угроз.

В данных условиях возникает необходимость в разработке теоретической модели оперативно-розыскной характеристики применения мер безопасности, учитывающей устоявшиеся доктринальные подходы, но адаптированной к существующим реалиям. Характеристика будет призвана структурировать информацию о защищаемом лице, лице, оказывающем противоправное воздействие, а также конкретные решения по избранию наиболее эффективных мер безопасности подразделениями государственной защиты.

Правовую основу деятельности подразделений государственной защиты, в частности по применению мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, составляет Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участниках уголовного судопроизводства»[2]. Так как государственная защита в отношении участников уголовного судопроизводства осуществляется оперативными подразделениями, необходимо отметить, что Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[3] также составляет правовую основу деятельности данных подразделений, но уже в контексте, направленном на осуществление оперативно-розыскных мероприятий, ориентированных на выявление лиц, оказывающих противоправное воздействие на участников уголовного судопроизводства, а также проверку информации о реальности угрозы. Правовую основу данного института составляют также

[1] Приговор от 25.09.2023 № 1- 67/2023 по делу № 1- 67/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://clck.ru/3JrdmQ (дата обращения: 28.12.2025).

[2] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 28.01.2026) // Собр. зак-ва РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

[3] Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.01.2026) // Собр. зак-ва РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

ведомственные нормативные правовые акты органов внутренних дел.

Оперативно-розыскная характеристика является устоявшейся категорией в оперативно-розыскной науке, введённой еще в 1970-1980 гг. Д. В. Гребельским и определяемой им как совокупность упорядоченных и взаимосвязанных, почерпнутых из различных источников информационных признаков уголовно-правового, криминалистического, психологического, экономического и иного характера, совокупное содержание которых содействует обоснованному выдвижению и проверке оперативно-розыскных версий при раскрытии родовых групп преступлений.

Однако в современной науке оперативно-розыскной деятельности отсутствует единая позиция относительно статуса и научной ценности категории оперативно-розыскной характеристики. Дискуссия ведется по двум диаметрально противоположным направлениям, а именно о необходимости существования понятия оперативно-розыскной характеристики в оперативно-розыскной науке, ее значимости для решения прикладных задач и о ее теоретической и практической бесполезности.

Ряд ученых – Р. С. Белкин [1], С. И. Захарцев, В. П. Сальников, Ю. Ю. Игнащенков [2, с. 125] – подвергают сомнению состоятельность и ценность оперативно-розыскной характеристики. Их основные аргументы состоят в том, что данная категория не вносит нового содержания в науку, дублируя иные виды характеристик, существующих в юридической науке.

Гребельский Д. В., В. Д. Ларичев, М. В. Кондратьев [3], А. Е. Ступницкий [8], а также практические работники [9] рассматривают данную категорию в качестве основы для теоретических разработок, обосновывают ее значимость для теории оперативно-розыскной деятельности, а также сотрудников оперативных подразделений при оценке складывающейся (сложившейся) обстановки, выдвижении версий и планировании как первоначальных, так и последующих оперативно-розыскных мероприятий.

В нашем исследовании мы разделяем вторую позицию, так как она призвана систематизировать знания в информационно-аналитическую модель, что оптимизирует распределение средств и сил оперативно-розыскной деятельности, и призвана повысить эффективность проводимых мероприятий. Кроме того, множество исследователей используют и раскрывают данную категорию в отдельных учебных пособиях, научных статьях и параграфах диссертационных исследований, посвященных проблемам оперативно-розыскной деятельности. Именно поэтому разработка оперативно-розыскной характеристики применения мер безопасности, по нашему мнению, является важным этапом для рассмотрения актуальных проблем, возникающих в практической деятельности оперативных подразделений государственной защиты органов внутренних дел, которые наделены полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности в полном объеме в соответствии с приказом МВД России № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность»[1].

Безусловно, содержание оперативно-розыскной характеристики образует систематизированную совокупность признаков и качественных свойств, учет которых обеспечивает более эффективное и целевое использование сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Характеристики других наук, в том числе и их совокупность, не смогут решать задачи, поставленные перед оперативно-розыскной деятельностью, так как ее специфика обусловлена необходимостью использования негласных методов и средств, а также возможностей лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Содержательное наполнение оперативно-розыскной характеристики также является дискуссионным. Одни исследователи максимально подробно расписывают все возможные элементы, что зачастую приводит к дублированию элементов иных характеристик юридических наук, другие, наоборот, выступают за строгий отбор информации по критерию ее оперативной полезности. В данном контексте В. Д. Ларичев в своих работах высказывал, что в структуру оперативно-розыскной характеристики необходимо включать только такие сведения, использование которых способствует эффективному применению разведывательно-поисковых сил, средств и методов оперативных подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью [4, с. 15].

Несомненно, согласимся с мнением В. Д. Ларичева, но отметим, что классическая структура оперативно-розыскной характеристики не подходит для института государственной защиты, так как, помимо ставших уже классическими подходов к ее содержанию, оперативно-розыскная харак-

[1] Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31.03.2023 № 199 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.10.2025).

теристика применения мер безопасности должна учитывать дихотомию особенностей института государственной защиты:

Во-первых, исследуемая характеристика формируется в неразрывной связи с конкретным, уже возбужденным уголовным делом (в исключительных случаях до возбуждения уголовного дела либо на стадии его возбуждения). В этом аспекте она схожа с иными видами оперативно-розыскных характеристик, также производных от конкретного состава преступления.

Во-вторых, наравне с имеющимся уголовным делом совершается новое преступное деяние, направленное на противодействие правосудию, а также угрозу жизни и здоровью конкретного участника уголовного судопроизводства либо его близким. Оказание противоправного воздействия на некоторых участников уголовного судопроизводства (потерпевший, свидетель, переводчик, эксперт) влечет возбуждение отдельного уголовного дела по ст. 309 УК РФ, статистические данные и судебную практику которой мы будем использовать в качестве эмпирической основы нашего исследования, так как:

- ст. 309 УК РФ представляет собой специализированный состав, непосредственно охраняющий участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств;
- участники уголовного судопроизводства, охраняемые данной нормой, в силу своей центральной роли в формировании доказательственной базы становятся наиболее вероятными объектами противоправного воздействия со стороны заинтересованных лиц;
- анализ судебной практики и статистических данных позволяет увидеть и выделить типовые элементы и характеристики лиц, оказывающих воздействие на участников уголовного судопроизводства и самих участников уголовного судопроизводства, а также стандартные схемы воздействия и критерии оценки угроз.

В-третьих, институт государственной защиты сочетает реализацию двух взаимосвязанных и взаимообусловленных направлений, а именно проведение оперативно-розыскных мероприятий и применение мер безопасности.

В связи с этим предложим строить оперативно-розыскную характеристику вокруг двух главных субъектов, при наличии которых возникает процесс применения мер безопасности, которые будут выступать дополнительными элементами рассматриваемой характеристики, учитывающими ее особенности:

1. Лицо, оказывающее противоправное воздействие. Систематизированная совокупность оперативно значимых данных о нем, оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление и нейтрализацию данной категории лиц.
2. Участник уголовного судопроизводства, подвергающийся воздействию. Систематизированная совокупность признаков, характеризующих данное лицо, выбор и применение наиболее эффективных мер безопасности.

Исследование признаков ***лица, оказывающего противоправное воздействие,*** будет служить оперативному сотруднику ориентиром для формирования типичного портрета преступника, что способствует построению плана проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и нейтрализацию данной категории лиц.

Анализ статистических данных за период с 2021 по 2024 год позволяет сформировать характеристику лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ[1]. За указанный период было зарегистрировано 173 преступления, предусмотренных ст. 309 УК РФ. Гендерное распределение обвиняемых указывает на значительный перевес лиц мужского пола – 140 случаев (81 %). Примечательно, что в 33 случаях (19 %), где обвиняемыми выступали женщины, в материалах дел, как правило, фиксируется их статус близких лиц (жёны, сожительницы, матери) основных фигурантов. Это позволяет предположить, что их вовлечение часто связано с исполнением роли посредника при невозможности оказания прямого давления самим подозреваемым либо обвиняемым по основному делу (например, в связи с его заключением под стражу).

Подавляющее большинство преступлений (94 %) совершается лицами, постоянно проживающими в регионе совершения основного преступления, что свидетельствует о тесной связи данного вида противодействия с локальными социальными и криминальными связями. Отдельного внимания заслуживает выявленный факт совершения 4 преступлений адвокатами[2]. Данные случаи обладают особой опасностью, поскольку представители адвокатского сообщества в силу своего процессуального статуса и доступа к информации обладают уни-

[1] Сводные статистические сведения о назначенных наказания по статьям УК // Официальный сайт судебной статистики РФ: [сайт]. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 13.01.2026).

[2] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021–2024 годы; Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775 (дата обращения: 13.01.2026).

кальными возможностями для оказания скрытого давления. Их переход к противоправным методам не только наносит ущерб правосудию в конкретном деле, но и подрывает основы профессиональной этики и доверия к институту защиты в целом, что требует от оперативных подразделений повышенного внимания к данной категории возможных источников угрозы.

Анализ массива из более чем 20 приговоров судов различных субъектов Российской Федерации по ст. 309 УК РФ позволяет выявить устойчивые закономерности в целях и способах противоправного воздействия. Давление на участников процесса наиболее часто осуществляется по имеющемуся возбужденному уголовному делу по составам: насильственных преступлений (ст. 111, 112, 115, 119, 131 УК РФ), преступлений в сфере экономики (ст. 158, 159, 161 УК РФ), в сфере незаконного оборота наркотиков (ст. 228, 228.1 УК РФ).

Доминирующим методом остаются угрозы применения насилия (в том числе в отношении близких родственников потерпевшего или свидетеля) либо реальное физическое воздействие (побои, истязание) с целью демонстрации серьезности намерений. Например: «Так, в приговоре Дульдургинского районного суда Забайкальского края установлено, что обвиняемый К. ломился в дверь и высказывал угрозы : «Я тебя убью, повешу топор тебе на уши, если ты не поменяешь показания; как я говорил сказать на суде, так и надо было говорить в суде!, «Я сейчас подожгу дверь, если не откроешь, сдохнешь!», после чего поджег дверь[1].

Данные качественного анализа полностью коррелируют со статистикой: в абсолютном большинстве случаев воздействие оказывается мужчинами, а роль женщин, как правило, ограничивается статусом посредника. Объектом давления в подавляющем числе случаев становятся потерпевшие и свидетели, что подтверждает тезис о направленности данного преступления на уничтожение или искажение ключевых, «идеальных» доказательств, формирующих основу обвинения.

Полученные статистические данные и выявленные закономерности судебной практики создают эмпирическую базу для типологизации лиц, оказывающих противоправное воздействие на участников уголовного судопроизводства, что, на наш взгляд, является необходимым при выстраивании плана проведения оперативно-розыскных мероприятий и применения мер безопасности.

Данная проблема уже становилась предметом рассмотрения. Так, Г. Е. Панчишина, исследуя оперативно-розыскную характеристику преступлений против правосудия, предложила типологию лиц, способных совершить преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ, включив в неё следующие категории:

- личность, совершившая преступление, по поводу которого проводится уголовное судопроизводство;
- личность, действующая в интересах подозреваемого либо иного участника процесса: родственник, близкие ему люди, знакомый, не изобличённый соучастник преступления;
- специально привлечённые для противоправного воздействия лица: криминальные авторитеты, адвокаты-защитники, эксперты [7, с. 170].

Данная классификация верно отражает субъектный состав, однако для целей нашего исследования требуется дальнейшая детализация. В частности, представляется необходимым объединить вторую и третью категории в рамках единого типа, поскольку им присуща общая функция – реализация воли основного фигуранта.

На основании проведённого анализа предлагается следующая адаптированная типология лиц, угрожающих участникам уголовного судопроизводства:

1. Лицо, совершившее преступление, по поводу которого ведётся уголовное судопроизводство (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный). Данный тип представляет собой прямой источник мотивации к оказанию давления. Его опасность заключается в личной заинтересованности и возможности отдавать распоряжения, даже будучи изолированным.
2. Лицо, действующее в интересах лица, совершившего преступление. Это опосредованный источник, который, в свою очередь, включает ключевые подкатегории, выявленные практикой:
   - родственники, близкие лица;
   - соучастник, находящийся на свободе;
   - адвокат, иные представители;
   - специально нанятые третьи лица.

Анализ научной литературы и практики позволяет выявить наиболее востребованные оперативно-розыскные мероприятия, необходимые для выявления и нейтрализации источника противоправного воздействия.

Омелин В. Н. в своих работах, посвящённых оперативно-розыскному обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, указывает, что при выявлении лиц, оказывающих противо-

[1] Приговор от 04.03.2025 № 1-27/2025 по делу № 1-27/2025 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Oa5BVb3ZzU6X/ (дата обращения: 17.01.2026).

правное воздействие, наиболее часто и эффективно применяются следующие ОРМ: опрос, наведение справок, наблюдение, снятие информации с технических каналов связи и прослушивание телефонных переговоров [6, с. 153].

Моисеев Н. А., Н. Г. Новоселов, А. Б. Свистильников обозначали, что при выявлении преступлений, связанных с угрозой лицам, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, могут проводиться различные оперативно-розыскные мероприятия, и как наиболее эффективные и применяемые выделяют ОРМ «опрос», «наблюдение» [5].

Проведенный опрос сотрудников оперативных подразделений государственной защиты подтвердил и конкретизировал данную позицию. Практики отмечают, что на первоначальном этапе применяются опрос, наведение справок, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, что позволяет проверить поступившую информацию, установить связи и образ жизни потенциального источника угрозы, спланировать последующие оперативно-розыскные мероприятия и разработать стратегию применения необходимых и соразмерных мер безопасности. Наблюдение и обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств производятся при подтверждении поступившей информации.

Вторым элементом характеристики является ***лицо, в отношении которого оказывается противоправное воздействие***.

Анализ приговоров судов по ст. 309 УК РФ позволяет выделить устойчивые черты, характеризующие лицо, на которое оказывается воздействие в рамках данной категории дел.

В подавляющем большинстве случаев потерпевшими становятся женщины, выступающие в процессуальном статусе потерпевшего или свидетеля. Кроме того, преступники часто оказывают опосредованное давление, направляя угрозы не только на участника уголовного судопроизводства, но и на его близких родственников, в первую очередь детей. Так, в приговоре Ленинского районного суда г. Иваново установлено, что обвиняемый К. высказал потерпевшей Л. угрозу убийством, сказав, что бросит сына под трактор в случае, если потерпевшая Л. не откажется давать показания о совершенном в отношении нее преступлении[1].

Наиболее распространенным методом являются разнообразные угрозы, рассчитанные на запугивание. Однако фиксируются и случаи реального применения насильственных действий (побои, истязания), что свидетельствует о высокой степени общественной опасности данных деяний, так как направленность посягательства затрагивает не только интересы правосудия, но и жизнь, здоровье участника уголовного судопроизводства. Так, в приговоре Михайловского районного суда Амурской области установлено, что обвиняемый Д. совершил принуждение потерпевшей З. к уклонению от дачи показаний, соединенное с угрозой убийством и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, что выразилось в причинении потерпевшей З. открытого винтообразного оскольчатого перелома нижней трети правой плечевой кости со смещением и раной мягких тканей в проекции перелома, повлекшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть[2].

По данным опроса практических работников, к наиболее часто применяемым мерам безопасности относятся: личная охрана, охрана жилища и имущества, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности. Выбор данного комплекса мер специалистами обосновывается его оптимальным сочетанием результативности и рациональности использования ресурсов. При повышенной угрозе применяются временное помещение в безопасное место, а также замена документов. Остальные меры безопасности, такие как изменение внешности, переселение на другое место жительства и изменение места работы (службы) или учебы, применяются в исключительных случаях, если другими средствами и способами обеспечить безопасность лица не представляется возможным. Выбор и реализация конкретного комплекса мер безопасности носят ситуативный характер и обусловлены оперативной обстановкой, складывающейся вокруг защищаемого лица, в связи с чем под каждую конкретную ситуацию подбираются наиболее эффективные и соразмерные меры безопасности.

На основе проведенного анализа доктринальных подходов к содержанию оперативно-розыскной характеристики законода-

[1] Приговор от 22.12.2024 № 1-380/2024 по делу № 1-380/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: //sudact.ru/regular/doc/dMx07U4Zi3W8/ (дата обращения: 17.01.2026).

[2] Приговор от 22.09.2022 № 1-77/2022 28RS0№-55 по делу № 1-77/2022 28RS0№-55 // Михайловский районный суд Амурской области: [сайт]. URL: https://mihailovskiy--amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=c6798cf5-fabe-4aae-869a-a6f15176f484&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 17.01.2026).

тельства, данных официальной статистики, материалов судебной практики, экспертных оценок сотрудников подразделений государственной защиты можно сделать вывод, что *оперативно-розыскная характеристика применения мер безопасности* представляет собой «информационно-аналитическую модель, состоящую из взаимосвязанных элементов и предназначенную для комплексной оценки оперативной обстановки, выбора наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий и мер безопасности, направленных на своевременное реагирование на угрозу, выявление и нейтрализацию лица, оказывающего противоправное воздействие, а также защиту лиц, подлежащих государственной защите».

Таким образом, разработанная оперативно-розыскная характеристика применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, основанная на эмпирическом анализе практики по ст. 309 УК РФ, направлена на повышение эффективности функционирования института государственной защиты. Она позволяет на основе типологии источника угрозы и оценки уязвимости защищаемого лица установить прямую взаимосвязь между комплексом оперативно-розыскных мероприятий и конкретными мерами безопасности. Внедрение отдельных элементов данного исследования в практику оперативных подразделений позволит повысить эффективность обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства в условиях современных вызовов.

Список источников

1. Белкин Р. С. Избранные труды. М.: Норма, 2008.
2. Захарцев С. И., Сальников В. П. Является ли «оперативно-розыскная характеристика преступлений» категорией юридической науки? // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 6.
3. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1 (19).
4. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2009. № 1 (18).
5. Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г., Свистильников А. Б. Меры государственной защиты, применяемые государственными органами в современных условиях // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2017. № 2 (30).
6. Омелин В. Н. Понятие оперативно-розыскного обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Закон и право. 2021. № 3.
7. Панчишная Г. Е. Оперативно-розыскная характеристика подкупа и принуждения свидетеля и потерпевшего к даче ложных показаний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88).
8. Ступницкий А. Е. Проблемные вопросы содержания оперативно-розыскной характеристики преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 4 (59).
9. Столбов В. Р. К вопросу о понятии и основных элементах оперативно-розыскной характеристики краж автотранспорта, совершенных в составе организованных групп // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 2.

Информация об авторе:

Кургаев Егор Алексеевич,
адъюнкт

About the author:

Kurgaev Egor A.,
adjunct

Статья поступила в редакцию 05.02.2026;
одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 05.02.2026;
approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-109-118
EDN: https://elibrary.ru/roqcsf

ТАРАСОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ[1]
доктор юридических наук
tarasov0123@gmail.com
РИНЦ Author ID: 1062015; SPIN-код 3078-1349

СОКОЛОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ[2]
2401sokol@rambler.ru

ХОДИКОВА НИНА АНАТОЛЬЕВНА[3]
кандидат философских наук, доцент
5856243@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2415-6267, РИНЦ Author ID: 165685

[1, 2, 3] Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
(Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ. 219 УК РФ

Аннотация.

Тема. *Одной из актуальных проблем расследования преступлений по ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности» является проблема установления причинной связи между нарушениями требований пожарной безопасности и причинением вреда жизни и здоровью людей. В настоящее время при расследовании не всегда учитывается то, что эта причинная связь может иметь сложный опосредованный характер, а последствия зачастую обусловлены обстоятельствами возникновения и развития каждого конкретного пожара и эффективностью требований пожарной безопасности.*

Цель статьи – рассмотреть проблемы расследования преступлений по ст. 219 УК РФ в части определения характера причинно-следственной связи между нарушениями требований пожарной безопасности и причинением вреда жизни и здоровью людей при пожаре.

Методы исследования. *Научной основой исследования послужили методы системного анализа, информационного синтеза, экспертного анализа, причинно-следственного анализа, методы социологического, криминалистического и ситуационного анализа.*

Результаты. *В ходе проведенного исследования выявлено, что необходима актуализация тактико-криминалистической методики расследования преступлений по ст. 219 УК РФ. При вынесении процессуальных решений следователями (дознавателями) должны приниматься во внимание и устанавливаться важные аспекты, влияющие на степень реализации риска причинения вреда и касающиеся обоснованности обязательных требований пожарной безопасности, нарушение которых может стать причиной наступления опасных последствий пожара.*

Область применения результатов. *Полученные результаты дополнят криминалистическую методику расследования преступлений по ст. 219 УК РФ в части выявления ряда важных аспектов влияния нарушений обязательных требований пожарной безопасности на общественно опасные последствия произошедшего пожара.*

Выводы. *Проведенный в настоящей статье анализ, безусловно, будет способствовать повышению объективности и всесторонности процессуальной оценки каждого конкретного случая и собранных доказательств и, как следствие, повышению уровня объективности и качества проводимых по данной категории уголовных дел экспертиз, а также законности принимаемых органами предварительного расследования решений.*

© Тарасов М. Ю., Соколов С. С., Ходикова Н. А., 2026.

Ключевые слова: *тактико-криминалистическая методика, причинно-следственная связь, пожарно-техническая экспертиза, нарушение обязательных требований пожарной безопасности*

Для цитирования: *Тарасов М. Ю., Соколов С. С., Ходикова Н. А. Проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании преступлений по ст. 219 УК РФ // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 109–118; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-109-118.*

TARASOV MAXIM YU.[1]
doctor of law

SOKOLOV SERGEY S.[2]

KHODIKOVA NINA A.[3]
candidate of philosophical sciences, associate professor

[1, 2, 3] Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

PROBLEMS OF ESTABLISHING A CAUSAL RELATIONSHIP IN THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 219 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Topic. *One of the current problems in the investigation of crimes under Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation "Violation of Fire Safety Requirements" is the problem of establishing a causal relationship between violations of fire safety requirements and the harm caused to people's lives and health. Currently, the investigation does not always take into account the fact that this causal relationship can be complex and indirect, and the consequences are often determined by the circumstances of the occurrence and development of each specific fire and the effectiveness of fire safety requirements. The purpose of this article is to examine the problems of investigating crimes under Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of determining the nature of the causal relationship between violations of fire safety requirements and the harm caused to people's lives and health during a fire.*

Research methods. *The study was based on the methods of system analysis, information synthesis, expert analysis, cause-and-effect analysis, sociological analysis, forensic analysis, and situational analysis.*

Results. *The study revealed that it is necessary to update the tactical and forensic methodology for investigating crimes under Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation. When making procedural decisions, investigators (investing officers) should take into account and establish important aspects that affect the degree of risk of causing harm and relate to the validity of mandatory fire safety requirements, violations of which can lead to dangerous consequences of a fire.*

The scope of the results. *The results obtained will supplement the forensic methodology for investigating crimes under Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation by identifying a number of important aspects of the impact of violations of mandatory fire safety requirements on the socially dangerous consequences of a fire.*

Conclusions. *The analysis conducted in this article will undoubtedly contribute to improving the objectivity and comprehensiveness of the procedural assessment of each individual case and the collected evidence, and as a result, to improving the level of legality, objectivity, and quality of the examinations conducted in this category of criminal cases, as well as the decisions made by the preliminary investigation bodies.*

Keywords: *tactical and forensic methodology, cause-and-effect relationship, fire and technical expertise, violation of mandatory fire safety requirements*

For citation: *Tarasov M. Yu., Sokolov S. S., Khodikova N. A. Problems of establishing a causal relationship in the investigation of crimes under article 219 of the Criminal code of the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 109–118; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-109-118.*

Введение. В настоящее время при расследовании преступлений, связанных с пожарами, в частности по ст. 219 УК РФ, предполагается, что соблюдение участниками правоотношений в системе обеспечения пожарной безопасности установленных требований пожарной безопасности является необходимым и достаточным условием, выполнение которого позволяет исключить негативные последствия, связанные с пожаром. Такая абсолютизация требований пожарной безопасности и попытка

применить их в ситуациях, в которых они неэффективны, приводит тому, что при расследовании не всегда учитывается, что причинно-следственная связь нарушений требований пожарной безопасности с причинением вреда жизни и здоровью людей может иметь сложный опосредованный характер [1]. Последствия пожара зачастую обусловлены уникальными обстоятельствами возникновения и развития каждого пожара и находятся в зависимости от эффективности требований в каждом конкретном случае. Под термином «эффективность требований пожарной безопасности» мы будем понимать способность реализованного требования пожарной безопасности в течение определённого времени исключать условия возникновения и развития пожара, воздействие критических значений опасных факторов пожара на людей, имущество и окружающую среду [2]. В связи с этим актуальность статьи обуславливается необходимостью совершенствования тактико-криминалистической методики расследования преступлений по ст. 219 УК РФ с учетом степени реализации риска причинения вреда жизни и здоровью людей в результате нарушения обязательных требований пожарной безопасности.

Юридическая конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, предполагает материальный состав преступления, то есть состав преступления образуется только при наличии общественно опасного последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека или смерти одному человеку или двум и более лицам по неосторожности [3]. В связи с изложенным установление наличия и характера причинно-следственной связи является необходимым условием для установления и раскрытия данного преступления. Речь идет об установлении того, что наступившие общественно опасные последствия в виде смерти или причинения тяжкого вреда здоровью человека порождены нарушениями в области соблюдения требований пожарной безопасности.

Основная часть. Необходимо отметить, что понятие причинности (каузальности) – одна из центральных и самых сложных категорий в философии, изучающая связь между причинами и следствиями. Оригинальные философские теории причинности, по-разному интерпретирующие ряд важнейших свойств каузальных связей, создали такие мыслители, как Аристотель, Д. Юм, И. Кант [3]. Милль Дж. Ст. разработал классический систематический подход к установлению причинных связей, который стал краеугольным камнем логики индукции и научной методологии. Его методы научной индукции явились основой установления причинных связей на теоретическом уровне как в естествознании, так и в социальных науках [4, с. 27–36]. Однако на практике в любой сфере деятельности (будь то постановка медицинского диагноза, исследование социального события или расследование пожара) чаще всего требуется установить причину данного конкретного события, то есть вынести единичное суждение. В таких ситуациях методы научной индукции оказываются, с одной стороны, трудно реализуемыми (поскольку требуют исследования множества случаев), а с другой стороны – «слишком сильными», поскольку они дают общий вывод. В этом случае наиболее релевантным логическим методом является метод абдукции, состоящий в том, что из истинности условного суждения и его следствия делается вывод о вероятной истинности условия [21, с. 55–62].

Понимание причинности в уголовном праве (юридическая, или уголовно-правовая причинная связь) имеет свои существенные особенности, отличающие его от философских и естественнонаучных концепций. Оно прагматично, нормативно и служит целям справедливого возложения ответственности. Главная задача в этом случае состоит не в том, чтобы познать мир, а в том, чтобы ответить на вопрос: можно ли вменить лицу наступившие общественно опасные последствия? Связь должна быть не просто объективной, а достаточной для обоснования уголовного наказания конкретного человека. Установить связь – значит не просто констатировать цепочку событий, а дать ей юридическую оценку. Связь должна быть существенной, прямой, непосредственной [4, с. 27–36].

Поскольку преступления, квалифицируемые по ст. 219 УК РФ, относятся к преступлениям, связанным с нарушением специальных правил, рассмотрим сначала специфику установления причинных связей для таких преступлений. Преступления, связанные с нарушением специальных правил, являются особым видом преступлений с материальным составом, то есть таких, объективная сторона которых считается оконченной только в момент наступления общественно опасных последствий, указанных в диспозиции статьи УК. Структура объективной стороны преступлений с материальным составом включает общественно опасное деяние, общественно опасное последствие и причинную связь между ними. Преступления, связанные с нарушением специальных правил, можно тогда охарактеризовать как преступления,

при которых общественно опасное деяние представляет собой ненадлежащее выполнение или невыполнение нормативно-правовых предписаний [20, с. 169–178]. В таких случаях ответственность наступает не за любое действие (бездействие), а строго за нарушение конкретных правил, закрепленных в тех или иных нормативных актах. Для того, чтобы установить состав преступления в таких делах, необходимо, прежде всего, установить наличие и характер фактической причинно-следственной связи между созданной опасностью и последствиями [6, с. 87–96]. Здесь проверяется, стал ли реализовавшийся вред следствием именно той опасности, которая была порождена нарушением правила. Зачастую это является нетривиальной задачей, решение которой требует как привлечения релевантных теоретических оснований, так и учета многочисленных уникальных обстоятельств каждого конкретного случая [7, с. 30–35]. Следует отметить, что часто к последствию ведет цепочка причин (нарушение правила, действия потерпевшего, внешние факторы). Причинная связь не разрывается, если нарушение правила было существенным и необходимым звеном в этой цепи. Если же последствие наступило независимо от нарушения, исключительно из-за грубой неосторожности потерпевшего или действия непреодолимой силы, причинная связь может быть отвергнута. Ряд исследователей полагают, что суды должны избегать ситуации, когда лицо привлекается к ответственности лишь за формальное нарушение правила, если это нарушение никак не повлияло на наступление последствий [7, с. 30–35; 8, с. 74–79]. Представляется обоснованным подход, согласно которому для того, чтобы установить наличие причинной связи между нарушением специального правила и последствием, нужно последовательно положительно ответить на следующие вопросы:

– Было ли конкретное правило нарушено обвиняемым?

– Привело ли это нарушение к созданию реальной и конкретной опасности причинения вреда?

– Предотвратило бы соблюдение этого правила наступление вредных последствий в данной конкретной ситуации?

Как отмечалось выше, к преступлениям, связанным с нарушением специальных правил, относятся и преступления, квалифицируемые по ст. 219 УК РФ. Одним из ключевых аспектов, определяющих специфику объективной стороны таких преступлений, является то, что законодатель не дает исчерпывающего перечня запрещенных деяний непосредственно в тексте статьи, а отсылает к иным нормативным актам, где содержатся конкретные требования пожарной безопасности [9, с. 582–585]. При этом ст. 219 УК РФ формулируется таким образом, что обязательным признаком объективной стороны состава преступления являются общественно опасные последствия. Именно они, а также наличие установленной причинной связи между ними и нарушением требований имеют решающее значение для квалификации преступления и установления уголовной ответственности [9, с. 582–585]. Для полноты и всесторонности исследования по выявлению наличия и характера причинной связи между нарушением требований пожарной безопасности и наступлением общественно опасных последствий необходимо исследовать все важнейшие обстоятельства деяния, такие как: место нарушения, способ его совершения, использованные орудия и средства, предвидение возможности наступления последствий и т. д. Безусловно, важнейшим аспектом в этом случае является установление очага и механизма возникновения пожара, для чего эксперт должен установить вид источника зажигания и вид первично загоревшегося материала, а также охарактеризовать условия их взаимодействия [21, с. 55–62].

Таким образом, установление причинно-следственной связи между нарушениями требований пожарной безопасности и наступившими последствиями носит междисциплинарный характер, находясь на стыке философии, методологии науки, логики, уголовного права, криминалистики, теории горения и теории надежности сложных систем.

Вопросам квалификации нарушений требований пожарной безопасности и определения характера их причинной связи посвящены труды ряда ученых, таких как: [1, 2, 3, 5, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18], однако и в настоящее время на практике встречаются случаи серьезных ошибок в квалификации нарушений требований пожарной безопасности при расследовании пожаров.

Анализ статистических данных о последствиях произошедших пожаров (рис. 1, 2) показывает, что каждый год ежедневно происходит порядка 949 пожаров, на которых погибал 21 человек, получали травмы 23 человека. В 2024 году в органы государственного пожарного надзора поступило 129 944 сообщений о преступлениях, связанных с пожарами, по ч. 1 ст. 219 УК РФ принято 5 999 процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, возбуждено 4 уголовных дела [19, 23]. На пожарах в 2024 году травмировано 8 372 человека, погибло 7 545 человек.

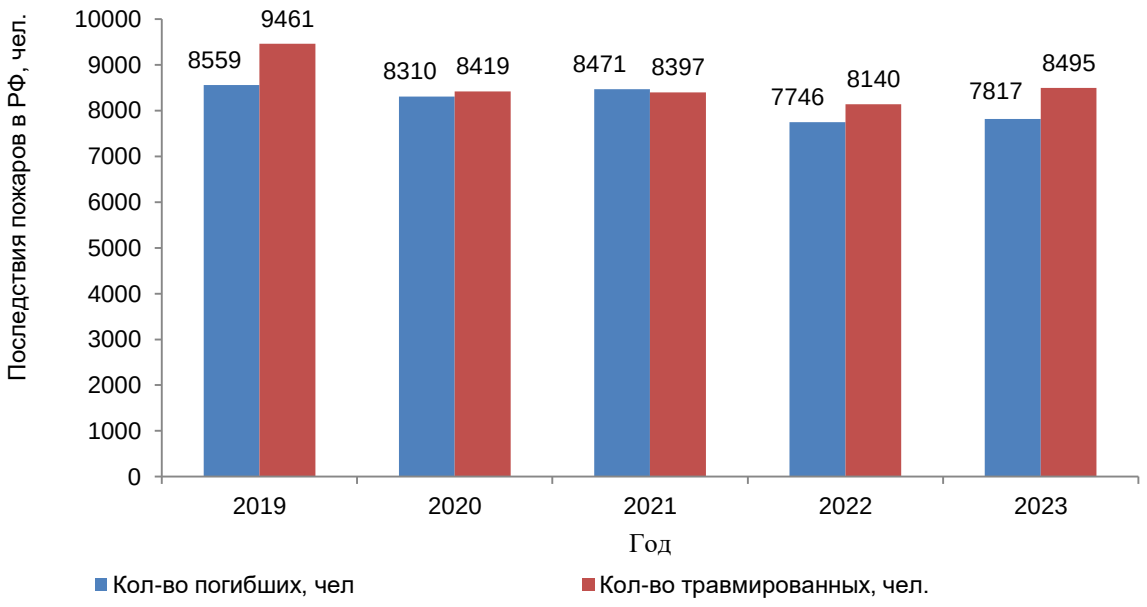


Рис. 1. *Статистические данные о последствиях пожаров за 5 лет с 2019 по 2023 год*

Согласно судебной статистике в Российской Федерации за 5 лет (в период с 2020 по 2024 год) по ч. 1 ст. 219 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью) было осуждено 7 человек, а по ч. 2 (гибель одного человека) и ч. 3 (гибель двух или более человек) ст. 219 УК РФ – 68 человек[1].

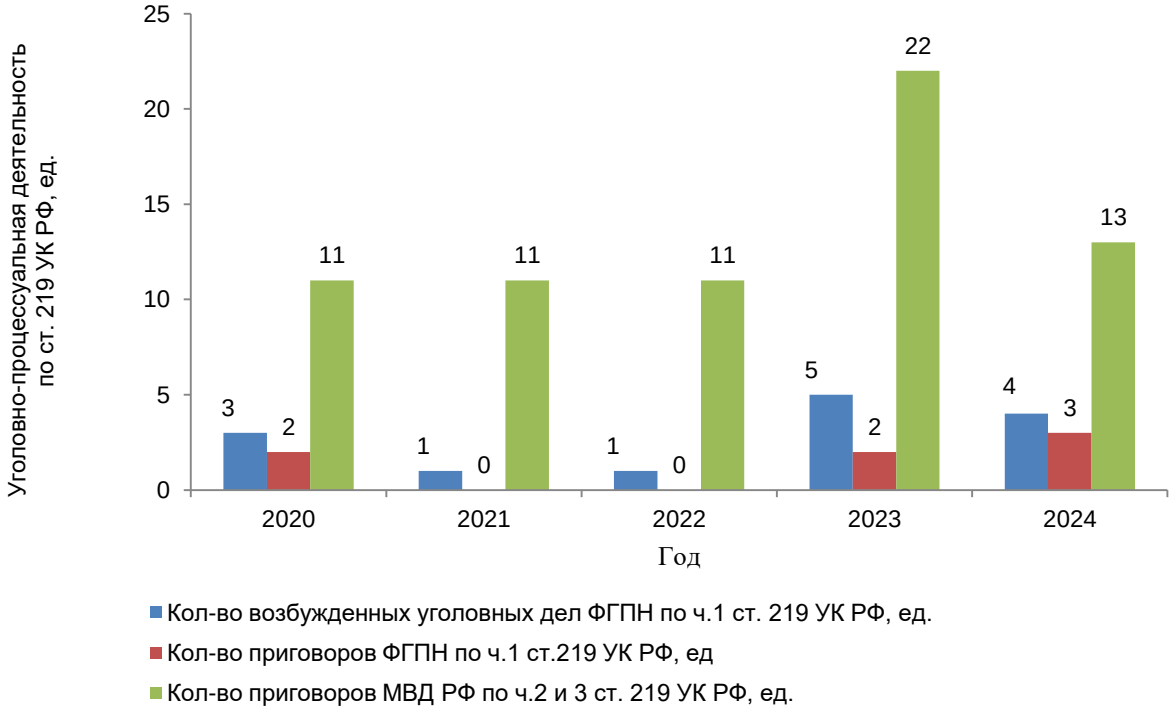


Рис. 2. *Статистические данные о результатах уголовно-процессуальной деятельности по ст. 219 УК РФ*

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79/ (дата обращения: 30.12.2025).

Анализ статистики по пожарам и их последствиям в Российской Федерации, а также судебной статистики показывает, что процент привлечения лиц к уголовной ответственности по отношению к возбужденным уголовным делам по ст. 219 УК РФ является крайне небольшим, при этом количество травмированных и погибших людей на пожарах остается на достаточно высоком уровне. При сравнении количества осужденных лиц по ч. 1 ст. 219 УК РФ и ч. 2 и ч. 3 ст. 219 УК РФ и последствий пожаров в виде гибели и травмирования людей видно, что показатели разнятся в сотни раз. Незначительное количество судебных решений по рассмотренным уголовным делам показывает отчасти проблемы установления причинности при расследовании преступлений по ст. 219 УК РФ.

Проанализированные выше статистические показатели могут указывать на недостаточный уровень подготовки специалистов органов предварительного расследования и экспертов, проводящих расследование и экспертизы по уголовным делам по ст. 219 УК РФ в части установления причинной связи между нарушениями требований пожарной безопасности и наступившими последствиями пожара.

Надо сказать, что вывод о том, что нарушение одного или нескольких требований пожарной безопасности стало причиной наступления опасных последствий, то есть необходимым и достаточным условием, при котором неизбежно происходит причинение вреда жизни и здоровью человека, предполагает экспертное определение динамики распространения опасных факторов произошедшего пожара и расчетного времени эвакуации людей при пожаре, как с учетом нарушений требований пожарной безопасности, так и в ситуации отсутствия таких нарушений [5, с. 126–135]. Поэтому установление причинной связи между явлениями и обстоятельствами в области пожарной безопасности требует применения специальных знаний. В ходе такого исследования проводится математическое моделирование развития опасных факторов пожара для каждого конкретного случая. Применение расчетных оценок динамики опасных факторов пожара позволяет также оценить обоснованность требования – наличие или отсутствие риска причинения вреда (ущерба) при нарушении конкретного обязательного требования пожарной безопасности. Эксперт должен не только найти научное объяснение причинности, но и вписать его в правовые рамки, доказывая прямой и необходимый характер связи.

Авторами был проведен анализ экспертных заключений, представляемых для аттестации на право самостоятельного производства судебных пожарно-технических экспертиз в центральную экспертно-квалификационную комиссию МЧС России. Он позволил выявить типичные ошибки, допускаемые экспертами при установлении причинно-следственных связей. Данные ошибки можно разделить на следующие группы:

1. Ошибка «post hoc ergo propter hoc» (после этого – значит по причине этого). Самая распространенная ошибка. Выявив нарушение и негативные последствия (пожар), эксперт автоматически делает вывод о наличии связи, не исследуя механизм произошедшего. Решение – обязательное построение и проверка альтернативных сценариев [5, с. 126–135].

2. Подмена установления причинно-следственной связи между нарушением и последствием, установлением непосредственной причины пожара (например, «пожар произошел от короткого замыкания»). Вопросы – «было ли это короткое замыкание следствием нарушения требований пожарной безопасности?» или «была ли возможность безопасной эвакуации людей при данном пожаре?» – часто остаются без ответа.

3. Игнорирование кумулятивного эффекта: малозначительные нарушения, рассматриваемые по отдельности, могут не создавать опасности. Но их сочетание приводит к катастрофе. Эксперт должен анализировать систему нарушений в комплексе, с учетом расчета комбинаций (сочетаний) нескольких нарушений.

4. Неиспользование количественных методов. Качественные описания («быстро распространился», «сильное задымление») недоказуемы и легко оспариваются. Только

количественные данные, полученные в результате моделирования опасных факторов пожара (температура, концентрация, время и т. п.), обеспечивают доказательную силу.

Основным непосредственным объектом преступления по ст. 219 УК РФ считается безопасность жизни и здоровья людей от пожара. Объективная сторона состава преступления выражается в действии (или бездействии), которое нарушает установленные обязательные требования пожарной безопасности. Обязательным признаком объективной стороны является прямая причинная связь с наступившими последствиями. Субъектом преступления по данной норме может быть как должностное лицо, так и любой гражданин, на которых была возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности. Субъективная сторона предполагает наличие вины в форме неосторожности (легкомыслия или небрежности).

Для правильной квалификации преступления по ст. 219 УК РФ необходимо определить степень причиненного вреда жизни или здоровью человека, а также, какие конкретно обязательные требования пожарной безопасности были нарушены. Необходимо определить обоснованность нарушенного требования, то есть ту степень риска причинения вреда, которую влечет нарушение конкретного обязательного требования пожарной безопасности. Таким образом, следует установить обязательность (необходимость) выполнения конкретного требования пожарной безопасности (или отсутствие таковой). Необходимо определить источники риска, обстоятельства и факторы, которые приводят к травмированию людей на пожарах, причиной которых может стать конкретное нарушение обязательных требований пожарной безопасности. Источниками риска могут являться технические особенности зданий, подготовка работников и находившихся в здании людей к действиям при пожаре, работоспособность систем противопожарной защиты и т. п.

Нарушение требований пожарной безопасности может выразиться как в бездействии (непринятии в полном объеме или частично мер по выполнению требований пожарной безопасности), так и в совершении действий (при нарушении правил по запрету совершения каких-либо действий). Оценка риска обеспечивает понимание возможных опасных событий, взаимосвязь их причин и последствий, вероятность их возникновения и дает возможность оценить действия, направленные на обеспечение пожарной безопасности в пределах полномочий конкретных лиц. *Под риском причинения вреда в области пожарной безопасности* в данной статье предлагается понимать вероятность возникновения и развития пожара, опасные факторы которого вследствие нарушения одного или нескольких требований пожарной безопасности могут воздействовать на людей выше допустимых пределов. В данном определении предполагается рассмотрение вероятностей двух различных событий:

– вероятность возникновения и развития пожара;

– вероятность воздействия опасных факторов пожара на людей и имущество выше критических значений, установленных нормативными документами по пожарной безопасности (при условии возникновения пожара).

При определении риска причинения вреда (ущерба) необходимо учитывать, что вероятность возникновения пожара в помещении всегда отлична от нуля, а безопасность людей должна быть обеспечена возможностью безопасной эвакуации людей при пожаре. Таким образом, при наличии возможности эвакуации людей при пожаре до наступления критических значений опасных факторов пожара, условная вероятность воздействия опасных факторов пожара на людей будет равна 0. В противном случае условная вероятность воздействия опасных факторов пожара на людей будет равна 1[1].

[1] Методика определения расчетных величин пожарного риска на производственных объектах (утв. приказом МЧС России от 26.06.2024 № 533, зарегистрирована в Минюсте России 02.09.2024 № 79360) // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409515151/ (дата обращения: 29.12.2025).

Причинность в преступлениях, связанных с нарушениями требований пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ), характеризуется повышенной сложностью, то есть наличием нескольких факторов, которые в разной степени влияют на причинение вреда жизни и здоровью людей.

Следует отметить, что конкретное нарушение требований пожарной безопасности может различным образом влиять на последствия пожара при различных обстоятельствах. При проведении расследований необходимо определять область эффективного применения обязательных требований пожарной безопасности в исследуемом случае, в результате чего устанавливать, находится ли нарушение этих требований в причинно-следственной связи с травмированием или гибелью людей.

Не всегда нарушение требований пожарной безопасности приводит к пожарной опасности, а пожарная опасность приводит к последствиям в виде воздействия опасных факторов пожара на людей выше предельных значений. Установление причинных связей согласуется с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14, где указано, что при решении вопроса о виновности лица в нарушении правил пожарной безопасности, повлекшем наступление последствий, предусмотренных ст. 219 УК РФ, судам необходимо выяснять, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо неисполнение данных правил, имеется ли причинная связь между допущенными нарушениями и наступившими последствиями, и указывать на это в приговоре со ссылкой на конкретные пункты правил пожарной безопасности, которые были нарушены[1].

При реконструкции произошедшего пожара необходимо учитывать, что исходные данные для моделирования должны соответствовать фактическим обстоятельствам (расположение очага, механизм возникновения пожара). Необходимо выяснить, возможно ли было предотвратить возникновение опасных факторов пожара при выполнении данного требования. Если будет установлено, что соблюдение требования предотвратило бы наступление опасных последствий, то делается вывод о том, что последствия находятся в прямой причинно-следственной связи с нарушением. Если же выяснится, что при прочих наличных обстоятельствах пожара и соблюдении данного требования опасные последствия все равно наступили бы, значит нарушение требования не может быть квалифицировано как прямая и непосредственная причина наступления опасных последствий.

Очевидно, что при расследовании реальных пожаров будут выявляться такие ситуации, когда опасные последствия пожара не находятся в причинно-следственных связях с нарушениями требований пожарной безопасности, но при этом обстоятельства сложились так, что эти последствия невозможно было предотвратить. В таких случаях необходимо уделить особое внимание определению тех факторов и причин, которые привели к наступлению последствий. Возможно, анализ достаточно большого числа таких случаев позволит внести корректировки в имеющиеся нормативные документы, устанавливающие обязательные требования пожарной безопасности.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование показало, что учет реализации риска причинения вреда в нарушенных требованиях пожарной безопасности при квалификации преступлений по ст. 219 УК РФ позволит усовершенствовать тактико-криминалистическую методику расследования данной категории дел и будет способствовать более правильному и объективному проведению пожарно-технических экспертиз, а также законности принятия следователями (дознавателями) основных процессуальных решений.

[1] О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (ред. от 18.10.2012) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37182/ (дата обращения: 29.12.2025).

Список источников

1. Козлачков В. И. Оценка деятельности государственных инспекторов по пожарному надзору при расследовании пожаров с гибелью людей (краткий анализ материалов уголовных дел). М.: Академия ГПС МЧС России, 2010.
2. Установление причинно-следственной связи при квалификации преступлений, связанных с пожарами: учеб.-метод. пособие / И. А. Лобаев, С. Ю. Карпов, Е. А. Матюшина [и др.]. М.: Академия ГПС МЧС России, 2012.
3. Расследование и экспертиза пожаров: учебник для вузов / под ред. В. В. Плешакова. 2-е изд. М.: изд-во «Юрайт», 2025.
4. Суденко В. Е. Теория причинности в уголовном праве // Сервис plus. 2010. № 4.
5. Причинно-следственная связь между нарушениями требований пожарной безопасности и последствиями пожара как предмет судебной пожарно-технической экспертизы / И. А. Лобаев, В. А. Малько, В. В. Плешаков [и др.] // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2024. № 2. DOI 10.25257/FE.2024.2.126-135. EDN PJXFWX.
6. Казакова В. А., Кораблева С. Ю. Проблемы уголовной политики по противодействию нарушениям специальных правил и требований безопасности // Журнал российского права. 2019. № 6. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.9.
7. Зинковская П. Э. Причинная связь как признак объективной стороны преступного нарушения специальных правил // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 3.
8. Селивановский Д. О. О некоторых аспектах характеристики объективной стороны преступлений против общественной безопасности, связанных с нарушением специальных правил // Право и практика. 2020. № 2.
9. Белов А. Н. О проблемах квалификации нарушения требований пожарной безопасности по признакам объективной стороны // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240).
10. Козлачков В. И. Обеспечение пожарной безопасности объектов народного хозяйства. Комплексный подход: практикум для пожарно-профилактических работников. Минск: Полымя, 1993.
11. Козлачков В. И., Лобаев И. А., Плешаков В. В. Корректировка методов принятия экспертных решений о причинной связи между невыполнением требований пожарной безопасности и последствиями пожара // Технологии техносферной безопасности. 2014. № 5 (57). EDN TLPNBP.
12. Козлачков В. И. Типовая и риск-ориентированная модели надзорной деятельности в области обеспечения пожарной безопасности: сравнительный анализ. М.: Академия ГПС МЧС России, 2016.
13. Богатищев А. И., Зернов С. И., Карпов С. Ю. Методы решения задач пожарно-технической экспертизы. М.: Академия ГПС МЧС России, 2009.
14. Методология судебной пожарно-технической экспертизы: основные принципы. М.: ФГБУ ВНИИПО, 2013.
15. Петрова Н. В., Чешко И. Д. Установление причинно-следственных связей нарушений требований пожарной безопасности при чрезвычайной ситуации (пожаре) на объектах хранения нефтепродуктов // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2018. № 2. EDN SIVFJN.
16. Применение логических методов для установления причинно-следственных связей при выполнении пожарно-технических экспертиз / Н. В. Петрова, С. Ф. Лобова, В. Ю. Негодуйко, С. В. Уткин // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2023. № 2 (29). DOI 10.34987/vestnik.sibpsa.2023.65.12.001. EDN PRBUWO.
17. Причинно-следственная связь между нарушениями требований пожарной безопасности и последствиями пожара, возникшего в результате поджога / М. Ю. Бабушкин, Н. А. Ходикова, В. В. Плешаков [и др.] // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2025. № 2. DOI 10.25257/FE.2025.2.100-109. EDN JZLRRR.
18. Феномен экспертного мышления и методика его формирования у обучающихся по специальности «Судебная пожарно-техническая экспертиза» / Н. А. Ходикова, В. В. Плешаков, В. Р. Чепракова, В. А. Малько // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2023. № 1. DOI 10.25257/FE.2023.1.122-131. EDN YWXXHS.

19. Пожары и пожарная безопасность в 2023 году: информационно-аналитический сборник / В. С. Гончаренко, Т. А. Чечетина, В. И. Сибирко [и др.]. Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2024. EDN BSONFO.
20. Мухортова М. В. Понятие преступлений, связанных с нарушением специальных правил // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3 (24). EDN PVAAFN.
21. Развитие подходов к установлению причины пожара: от начала 20 века до наших дней / Н. А. Ходикова, В. В. Плешаков, В. Р. Чепракова [и др.] // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2024. № 1. DOI 10.25257/FE.2024.1.55-62. EDN OLSMAQ.
22. Козлачков В. И. Типовая и риск-ориентированная модели надзорной деятельности в области обеспечения пожарной безопасности: сравнительный анализ. М.: Академия ГПС МЧС России, 2016.
23. Государственный надзор МЧС России в 2024 году: информационно-аналитический сборник / М. В. Загуменнова, К. В. Домрачев, Е. Н. Малемина [и др.]. Балашиха: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2025. EDN XSRKBE.

Информация об авторах:

Тарасов Максим Юрьевич,
профессор кафедры надзорной деятельности;

Соколов Сергей Сергеевич,
преподаватель кафедры надзорной деятельности;

Ходикова Нина Анатольевна,
доцент кафедры философии

About the authors:

Tarasov Maxim Yu.,
professor of the department of supervision;

Sokolov Sergey S.,
lecturer of the department of supervision;

Khodikova Nina A.,
associate professor of the department of philosophy

Сведения о вкладе каждого автора

Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 12.01.2026; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 23.03.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-119-123
EDN: https://elibrary.ru/oyqthl

КАУНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат юридических наук
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
alexspb0917@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Организованная преступность общеуголовной направленности представляет собой серьезную угрозу для стабильности общества, подрывая правопорядок, экономическую безопасность и социальное благополучие. Несмотря на постоянные усилия правоохранительных органов, эффективность борьбы с этим явлением остается недостаточной. Данная статья посвящена анализу ключевых проблем, возникающих при противодействии организованной преступности общеуголовной направленности. Автором предложен комплексный подход к решению проблем, с которыми сталкиваются сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел при противодействии организованным формам преступности. Автором высказаны предложения, направленные на совершенствование законодательства и оптимизацию деятельности правоохранительных органов в контексте борьбы с организованной преступностью общеуголовной направленности.*

Ключевые слова: *организованная преступность, общеуголовная направленность, проблемы противодействия, пути решения, правоохранительные органы, законодательство*

Для цитирования: *Каунов А. В. Противодействие организованной преступности общеуголовной направленности: проблемы и пути их решения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 119–123; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-119-123.*

KAUNOV ALEXANDER V.
phd of law
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow Region, Russia)

COUNTERING ORGANIZED CRIME OF A COMMON CRIMINAL NATURE: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. *Organized crime of a common criminal nature poses a serious threat to the stability of society, undermining law and order, economic security and social well-being. Despite the constant efforts of law enforcement agencies, the effectiveness of combating this phenomenon remains insufficient. This article is devoted to the analysis of key problems that arise in countering organized crime of a common criminal nature. The author suggests a comprehensive approach to solving the problems faced by employees of operational units of law enforcement agencies in countering organized forms of crime. The author has made proposals aimed at improving legislation and optimizing the activities of law enforcement agencies in the context of combating organized crime of a common criminal nature.*

© Каунов А. В., 2026.

Keywords: *organized crime, common criminal orientation, counteraction problems, solutions, law enforcement agencies, legislation*

For citation: *Kaunov A. V. Countering organized crime of a common criminal nature: problems and ways to solve them // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 119–123; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-119-123.*

Борьба с организованной преступностью на протяжении ряда лет является одним из приоритетных направлений деятельности МВД России.

По мнению В. А. Зоз и А. С. Карпенко, «проблематика организованной преступности постепенно превращается в одну из крупнейших глобальных проблем современности, которая своими корнями уходит в стремление криминальных структур легализовать собственную деятельность или построить параллельную легальной систему государственного управления, превратив, таким образом, государство в целом в собственную корпоративную структуру» [2, с. 259].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 06.09.2008 № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» на подразделения уголовного розыска органов внутренних дел Российской Федерации были возложены функции по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности.

Общеуголовными являются такие преступления, как: вымогательство, грабежи, разбойные нападения, мошенничество, кражи, угоны транспортных средств, незаконный оборот оружия и наркотических средств и др. Данные преступления приобретают особую опасность и устойчивость, когда осуществляются организованными группами.

Как отмечено в одной из работ С. В. Петрова, «результаты изучения динамики количественных и содержания качественных показателей преступности свидетельствуют о том, что на фоне снижения общего числа зарегистрированных противоправных деяний отдельные виды преступности не только не утрачивают своего негативного потенциала, но, наоборот, представляют все большую угрозу для охраняемых законом общественных отношений. В частности, в настоящее время наблюдается увеличение доли организованной составляющей в общей структуре преступности» [3, с. 170].

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем, что именно организованная преступность общеуголовной направленности зачастую служит основой для более сложных и опасных форм криминальной деятельности. Она дестабилизирует общество, создает атмосферу страха и безнаказанности, а также наносит существенный ущерб экономике. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые государством в контексте противодействия организованной преступности, вопрос о предпринимаемых мерах по данному направлению оперативно-служебной деятельности стоит наиболее остро.

Преступления, совершаемые представителями организованных групп (далее – ОГ) и преступных сообществ (далее – ПС) характеризуются изощренностью, тщательным сокрытием следов преступной деятельности, наличием разветвленной сети соучастников преступлений, каждый из которых выполняет строго определенные функции. «Развитие организованной преступности угрожает всем значимым государственным и общественным интересам, обладает существенной степенью латентности (прежде всего в связи с использованием приёмов конспирации, а также развитием коррупционных связей)» [4, с. 144].

Автором статьи предпринята попытка выявления основных проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности, а также разработки научно обоснованных путей их решения.

Анализ практики борьбы с организованной преступностью общеуголовной направленности позволяет выделить ряд системных проблем, которые снижают эффективность принимаемых мер.

Несмотря на наличие законодательства, направленного на борьбу с организованной преступностью, оно зачастую оказывается недостаточно гибким и оперативным для противодействия постоянно меняющимся формам и методам деятельности ОГ и ПС. Кроме того, как справедливо отмечает С. Д. Белоцерковский, «существенным пробелом формирующейся системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью в России в настоя-

щее время является отсутствие комплексного Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», учитывающего специфику отечественной организованной преступности, предусматривающего дополнительные меры борьбы с ней и, таким образом, обеспечивающего комплексное, системное реагирование на неё» [1, с. 95].

Отсутствие в системе правоохранительных органов Российской Федерации специализированного подразделения по борьбе с организованной преступностью, а также должного правового регулирования проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), направленных на противодействие организованной преступности, приводит к тому, что в практической деятельности сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляющие борьбу с организованными формами преступности, сталкиваются со следующими проблемами:

– отсутствие правовых норм, конкретизирующих порядок проведения и оформления результатов ОРМ, направленных на противодействие организованной преступности;

– бюрократизация порядка согласования проведения ряда ОРМ, в особенности ограничивающих конституционные права граждан;

– привлечение сотрудников уголовного розыска, осуществляющих борьбу с организованной преступностью общеуголовной направленности, к выполнению ряда несвойственных задач, к решению которых зачастую привлекаются сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД);

– разная рейтинговая оценка деятельности оперативных и следственных подразделений ОВД, осуществляющих борьбу с организованной преступностью, касаемо привлечения к уголовной ответственности лидеров и участников уголовно-криминальной среды в составе ОГ и ПС, что в правоприменительной деятельности способствует различной мотивации оперативных сотрудников ОВД и следователей к проведению мероприятий, направленных на документирование преступной деятельности лиц, совершивших преступления в организованных формах, и квалификации деяний как обладающих повышенной общественной опасностью.

Несмотря на то, что в соответствии с ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, в правоприменительной практике достаточно часто встречаются ситуации, когда следователи в целях экономии времени, необходимого для расследования уголовного дела, а также во избежание возвращения судьей уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, производят предварительное следствие с наименьшей квалификацией преступных деяний, совершенных в организованных формах.

Касаемо межведомственного взаимодействия, осуществляемого в рамках противодействия организованным формам преступности, следует констатировать тот факт, что оно между различными правоохранительными органами (полиция, прокуратура, следственные органы, службы безопасности) не всегда налажено должным образом. Отсутствие единой стратегии, дублирование функций и информационная разобщенность снижают общий потенциал противодействия организованной преступности общеуголовной направленности.

Зачастую оперативные сотрудники ОВД, осуществляющие борьбу с организованной преступностью, сталкиваются с проявлениями коррупции при документировании преступной деятельности представителей ОГ и ПС.

Сращивание криминальных элементов с представителями власти создает условия для безнаказанности и укрепления позиций преступных группировок, что подрывает доверие граждан к государству и снижает эффективность любых мер по борьбе с преступностью.

«Утечка» оперативно значимой информации от представителей государственных структур и правоохранительных органов в отношении лидеров и участников ОГ и ПС способствует тому, что последние получают от коррумпированных источников упреждающие сведения о планируемых в отношении них задержаниях и осуществлении комплекса ОРМ оперативными сотрудниками ОВД, а также используют ресурсы государства в своих целях.

Одним из ключевых элементов в противодействии организованной преступности является документирование фактов преступной деятельности, свидетельствующих о том, что преступление совершено именно организованной группой, а не просто несколькими лицами. Сложность документирования заключается в том, что преступные группы часто действуют скрытно, имеют четкую иерархию, но при этом не всегда оставляют явные следы своей структуры. Доказывание сговора, распределения ролей и устойчивости группы требует кропотливой работы следственных и оперативных подразделений ОВД, использования специальных знаний и применения сложных тактических приемов. Недостаточная квалификация следователей в этой области или отсутствие необходимых инструментов для сбора доказательств может привести к тому, что преступники будут осуждены за отдельные преступления, а не за сам факт участия в организованной преступной деятельности, что снижает общий эффект от борьбы с организованными формами преступности.

Для эффективного противодействия организованной преступности общеуголовной направленности необходим комплексный системный подход, включающий следующие направления:

– совершенствование законодательства с учетом появления новых форм и методов преступной деятельности ОГ и ПС, включая разработку более четких критериев определения организованной преступной группы, усиление ответственности за участие в ней, а также совершенствование норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность и сбор доказательств;

– разработка на законодательном уровне механизмов для более эффективного преследования лидеров и организаторов ОГ и ПС, а также для конфискации имущества, полученного преступным путем;

– усиление внутреннего контроля в правоохранительных органах; создание эффективных механизмов для выявления и пресечения коррупционных проявлений среди сотрудников; ужесточение уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений;

– налаживание эффективного обмена оперативной информацией и совместное планирование операций между различными правоохранительными органами;

– обеспечение соответствующего финансирования правоохранительных органов по направлению борьбы с организованной преступностью, позволяющего инвестировать в современные технологии (фоноскопические, видеотехнические, геномные, компьютерные и др.), методы борьбы с ОГ и ПС, повышение квалификации оперативных сотрудников ОВД, занимающихся противодействием организованной преступности общеуголовной направленности;

– создание в рамках правоохранительных органов на территории подавляющего большинства субъектов Российской Федерации постоянно действующих специализированных следственно-оперативных групп, ориентированных исключительно на борьбу с организованной преступностью общеуголовной направленности (по наиболее социально опасным ОГ и ПС); эти группы должны состоять из высококвалифицированных следователей, оперативных сотрудников, экспертов и аналитиков, обладающих глубокими знаниями в области противодействия организованной преступности;

– разработка и внедрение новых методик расследования, учитывающих специфику деятельности ОГ и ПС (включает в себя методы финансового расследования для выявления и отслеживания преступных доходов, использование цифровой криминалистики, психологические методы работы с подозреваемыми и свидетелями, а также тактику проведения сложных оперативных комбинаций).

Комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, усиление материально-технической базы и кадрового потенциала правоохранительных органов, бескомпромиссную борьбу с коррупцией, развитие межведомственного взаимодействия, способен значительно повысить эффективность противодействия организованной преступности общеуголовной направленности.

Список источников

1. Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью: её структура и содержание // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5.
2. Зоз В. А., Карпенко А. С. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия организованной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 3. Ч. 1.
3. Петров С. В. Актуальные проблемы противодействия организованной преступности: комплексный анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71).
4. Яхонтова О. С., Трабо В. Н. Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95).

Информация об авторе:

Каунов Александр Владимирович,
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

About the author:

Kaunov Alexander V.,
head of the department of operational investigative activities of internal affairs bodies

Статья поступила в редакцию 14.02.2026;
одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 14.02.2026;
approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-124-131
EDN: https://elibrary.ru/xxpuge

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
pkobets@rambler.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИИ

Аннотация. *Среди большинства государств мира, которые столкнулись с опасностью террористических угроз и сепаратизма, следует отметить Республику Индию, где на протяжении нескольких десятилетий правоохранительные органы совместно с органами государственной власти и управления успешно противодействуют террористическим группировкам. Эффективная борьба с терроризмом в Индии дала возможность накопить уникальный опыт противодействия рассматриваемому феномену индийским правоохранителям, которые направляют все усилия на защиту территориальной целостности и обеспечения безопасности страны. Поэтому автор счел необходимым изучение индийского опыта в рассматриваемой сфере.*

В ходе исследования автором была поставлена цель – проанализировать законодательный индийский опыт и организационные основы противодействия острейшей общественно-политической проблеме – терроризму. В процессе исследования использовались анализ, синтез, формально-логический, исторический, а также ряд частнонаучных методов.

В работе акцентируется внимание на том, что Индия десятилетиями борется с различными формами терроризма, используя комплексный подход, включающий правовые, разведывательные, технологические аспекты и международное сотрудничество. Автор пришел к выводу, что на протяжении длительного временного периода в Индии получили распространение различные виды терроризма. При этом предпринимать усилия по противодействию терроризму в Индии власти страны стали также весьма давно, фактически с периода провозглашения независимости страны. Они очень рано усвоили принцип, по которому только уголовно-правовые меры не в состоянии полностью обеспечить правовое регулирование различных деяний, связанных с проявлением террористических угроз. В частности, Индия приняла несколько строгих антитеррористических законов и внесла ряд необходимых поправок в ранее принятые законодательные акты в рассматриваемой сфере. Власти страны смогли создать различные органы, активно противодействующие антитеррористической деятельности. Кроме того, с ростом цифровых транзакций власти усилили надзор за финансированием терроризма, основанного на криптовалюте, и подпольными финансовыми сетями.

В заключение отмечено, что в настоящее время Индия представляет самодостаточную великую региональную страну, продолжает демонстрировать заинтересованность в укреплении отношений с Россией в рамках международного сотрудничества, в частности для индийской стороны огромное значение имеет поддержка Российской Федерации в сфере борьбы с террористическими угрозами. Автор подчеркивает важность развития двустороннего российско-индийского сотрудничества в сфере борьбы с международным терроризмом и дальнейшего изучения положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова: *международный терроризм, индийские правоохранительные органы, противодействуйте террору, международное сотрудничество, предупреждение преступности, правовое регулирование, антитеррористическое законодательство, правоохранительная практика, законность*

Для цитирования: *Кобец П. Н. Законодательные и организационные основы борьбы с терроризмом в Республике Индии // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 124–131; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-124-131.*

© Кобец П. Н., 2026.

KOBETS PETER N.
doctor of law, professor
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

LEGAL AND ORGANIZATIONAL FRAMEWORK FOR THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN THE REPUBLIC OF INDIA

Abstract. *Among the majority of countries worldwide facing the threat of terrorist threats and separatism is the Republic of India. For several decades, law enforcement agencies, in conjunction with state authorities and administrative bodies, have successfully countered terrorist groups. The effective fight against terrorism in India has provided Indian law enforcement agencies with unique experience in countering this phenomenon, focusing all their efforts on protecting the territorial integrity and ensuring the country's security.*

Therefore, the author considered it necessary to study India's experience in this area. Initially, the author set the goal of analyzing India's legislative experience and organizational foundations for countering the most acute socio-political problem – terrorism. The research utilized analysis, synthesis, formal-logical, historical, and a number of specific scientific methods.

The work emphasizes that India has been fighting various forms of terrorism for decades. To combat it, the government uses a comprehensive approach, incorporating legal, intelligence, technological aspects, and international cooperation. The author concluded that various forms of terrorism have been prevalent in India for a long time. Moreover, the Indian authorities began countering terrorism very early on, in fact, since the country's independence. They early on understood the principle that criminal law alone cannot fully regulate the various acts associated with terrorist threats. In particular, India has adopted several strict anti-terrorism laws and made a number of necessary amendments to previously adopted legislation in this area. Furthermore, over the years of the fight against terrorism, a considerable number of various agencies dedicated to countering it have been established in this country. Furthermore, with the growth of digital transactions, authorities have strengthened oversight of cryptocurrency-based terrorist financing and underground financial networks.

The conclusion notes that India is currently a self-sufficient and major regional power, and it continues to demonstrate interest in strengthening relations with Russia through international cooperation, particularly because Russia's support in combating terrorist threats is of paramount importance to India. Therefore, the author emphasizes the importance of developing bilateral Russian-Indian cooperation in the fight against international terrorism and further studying positive international practices and experiments.

Keywords: *international terrorism, Indian law enforcement agencies, counter-terrorism, international cooperation, crime prevention, legal regulation, anti-terrorism legislation, law enforcement practice, legality*

For citation: *Kobets P. N. Legal and organizational framework for the fight against terrorism in the Republic of India // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). С. 124–131; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-124-131.*

С начала двадцать первого столетия в ежедневном режиме поступают информационные данные о совершаемых террористических атаках и пострадавших в них лицах. В середине третьего десятилетия нынешнего тысячелетия вопросы воздействия террористических угроз на общественное развитие большинства стран мира продолжают оставаться актуальными и болезненными, несмотря на то, что эту сложнейшую задачу приходится сегодня решать практически в каждом государстве мира [1, с. 145]. Так исторически сложилось, что в мире, преимущественно в числе конфликтующих зон, которые подвержены воздействию терроризма, исключительную позицию занимает Южная Азия. Республика Индия (далее – Индия), являясь региональным лидером указанного региона, в большей степени, чем иные субъекты, выступает в качестве пострадавшей от рассматриваемого феномена. Таким образом, среди стран, которые столкнулись в середине прошлого столетия с опасностью террористических угроз и сепаратизма, является и Индия, в которой на протяжении нескольких десятилетий правоохранительные органы страны совместно с органами государственной власти и управления успешно противодействуют террористическим группировкам в ряде индийских штатов. В связи с этим генезис террористической активности в Индии в настоящее время представляет для большинства отечественных исследователей терроризма повышенный интерес, как и в целом опыт правоохранительной деятельности, осуществляемый индийскими силовыми структурами [2, с. 19].

В соответствии со статистическими данными Института экономики и мира – Institute for Economics and Peace (далее – IEP) всего на глобальном уровне в 2024 году произошло 3 492 террористических акта (в 163 странах мира). В большинстве террористических атак были виновны преступные группировки. Количество террористических атак в Индии в 2024 году составило 206, в 2023 году, по подсчетам Института экономики и мира, – 118. Это первый год роста после падения. Максимальное количество нападений террористов на мирное население Индии за последние 14 лет зафиксировано в 2018 году – 542. Наименьшая террористическая активность достигнута в Индии в 2023 году – 118 террористических атак. Важно отметить, что «терроризм определяется … как угроза или реальное применение силы незаконными организациями, добивающимися своих политических, социальных и религиозных целей путем насилия и устрашения»[1]. Таким образом, согласно данным IEP на сегодняшний день Индия стала занимать четвертое место в списке стран с наибольшим количеством совершенных террористических актов.

Ежегодно публикуется Глобальный индекс терроризма – Global Terrorism Index (далее – GTI), который представляет собой «комплексный анализ тенденций терроризма и измеряет уровень террористической активности внутри той или иной страны по четырем основным показателям: количество террористических инцидентов; количество погибших; количество пострадавших; уровень материального ущерба; кроме того, при составлении Индекса анализируется ряд других факторов, которые могут быть косвенно связаны с террористической активностью»[2]. В соответствии с данными, основанными на выводах GTI 2025, Индия занимает 14-е место среди стран, наиболее пострадавших от терроризма. Тогда как, по данным этого же индекса, в 2000 году она находилась на первом месте, что, в свою очередь, дает основание утверждать о высокой результативности и эффективности предпринимаемых данным государством мероприятий, направленных на противодействие актам террора, а также весьма неплохой работе всех субъектов антитеррористической деятельности.

Эффективная борьба с терроризмом в Индии дала возможность накопить уникальный опыт противодействия рассматриваемому феномену индийскими правоохранителями, которые направляют все усилия на защиту территориальной целостности и обеспечение безопасности страны. Для Российской Федерации вопросы борьбы с терроризмом пока что остаются актуальными и значимыми, в связи с этим не только теоретическое, но и практическое значение имеет исследование положительного опыта по противодействию терроризма за рубежом. В данном случае будет правильным изучение индийского опыта (законодательных и организационных основ) в рассматриваемой сфере, поскольку, по мнению большинства отечественных исследователей проблем терроризма, тактика действий индийских террористов во многом похожа на террористические атаки, совершаемые в нашей стране (минирование транспортных средств и инфраструктуры, использование террористов-смертников и др.).

Важно указать на то, что в некоторых регионах Индии – Пенджабе, Джамму, Кашмире – проявления терроризма и сегодня продолжают негативно влиять на жизненные стандарты индийских граждан указанных территориальных образований. Экстремистские организации, оказывающие противоправное воздействие правоохранительным органам, зачастую используют террористическую тактику, а иногда объявляют террор основным методом своей деятельности. В настоящее время «террористические сети в Индии в первую очередь охватывают диаспору мусульман в штате Кашмир. Зарождение конфликта в указанном штате (бывшем княжестве Британской Индии) произошло в середине XX столетия, являясь формой борьбы за территориальную принадлежность “Джамму и Кашмир”» [3, с. 110]. В 1980–1990-х гг. только в штате Кашмир было совершено свыше 64 тыс. террористических актов и похищено более 2,5 тыс. человек [4, p. 168]. Помимо обозначенного региона, острота террористических проявлений продолжает ощущаться в северо-восточной части Индии, где действует прохристианская сепаратистская организация под названием «Национальный фронт освобождения Трипуры» – National Liberation Front of Tripura (NLFT), требующая независимости и создания собственного христианского государства[3].

[1] Количество террористических атак 2024. URL: https://statbase.ru/datasets/criminality/number-of-terrorist-incidents/ (дата обращения: 05.12.2025).

[2] Global Terrorism Index 2025. URL: https://apnipathshala.com/global-terrorism-index-2025/ (дата обращения: 05.12.2025).

[3] Современные христианские террористические группировки. URL: https://antizoomby.livejournal.com/372490.html (дата обращения: 05.12.2025).

Приступая к анализу законодательных основ, необходимо отметить, что так как Индия принадлежит к числу государств, которые в большей степени, чем иные страны, пострадали от террористических атак, в этой стране довольно давно приступили к разработке и внедрению в практику правовых механизмов борьбы с рассматриваемым социально-политическим феноменом [5, с. 61]. Совершенно очевидно, что только уголовно-правовые меры не в состоянии полностью обеспечить правовое регулирование различных деяний, которые связаны с проявлением террористических угроз, и на законодательном уровне создать все необходимые условия для эффективного функционирования антитеррористической деятельности. Поэтому в Индии была разработана и на законодательном уровне принята специальная нормативно-правовая база по борьбе с терроризмом. Важнейшая роль в правотворческом процессе, обеспечивающем страну правовой базой по борьбе терроризмом, принадлежит Высшему федеральному органу законодательной власти – Парламенту Индии.

Раскрывать законодательные основы борьбы с терроризмом в Индии начнем с Уголовного Кодекса Индии 1860 года (далее – УК Индии) – кодифицированного уголовно-правового акта, появившегося в период, когда Индия являлась колонией Британской Империи [6, с. 21]. Общегосударственный УК был принят англичанами после ряда восстаний местного населения и предусматривал меры уголовной ответственности за ряд форм участия в мятежной деятельности [7]. В 1947 году в Индии была провозглашена независимость и образована Республика Индия. По индийской Конституции принятые до провозглашения независимости нормативные правовые акты имеют право действия, при этом, согласно решениям Верховного Суда Индии, британские нормативные правовые акты могут применяться в том случае, если они не противоречат национальному суверенитету. В связи с этим УК Индии 1860 года продолжает действовать и в настоящее время, в него внесены небольшие изменения, а судебная практика по его толкованию разрослась до невероятного размера [8, с. 432]. Немаловажным является и то обстоятельство, что на сегодняшний день составы преступлений, которые связаны с терроризмом, рассматриваются в Индии в соответствии «с установленными уголовно-правовыми положениями, при этом в 1995 году УК Индии был дополнен в соответствии с нормами Международной конвенции по предотвращению захвата заложников, и поэтому было введено наказание за указанное деяние»[1].

В настоящее время действующие уголовно-правовые и процессуальные нормы дополняют многочисленные нормативные правовые акты, направленные на борьбу с терроризмом, принятые в разные годы Парламентом Индии. Совокупность рассматриваемого законодательства является серьезной правовой основой, обеспечивающей успех индийских правоохранительных органов, отвечающих за борьбу с терроризмом. Важнейшими из законов в рассматриваемой сфере «являются следующие: «Закон о специальных судах» 1978 г.; «Закон о национальной безопасности» 1980 г.; «Закон о борьбе с захватом воздушных судов» 1982 г.; «Закон о предотвращении терроризма» 2004 г.; «Закон об оружии массового поражения и способах его доставки (запрет незаконного оборота)» 2005 г.; «Закон о Национальном агентстве расследований» 2008 г. и др.» [9, с. 14].

На законодательном уровне в Индии запрещено оскорблять по национальному или религиозному признакам, в том числе запрещены оскорбления религиозных групп, каст, общин. И чтобы как можно эффективнее снизить эмоциональный накал, связанный с внутренним терроризмом, в условиях нового тысячелетия индийские законодатели были вынуждены принять несколько разнообразных уголовных законов, предусматривающих в качестве санкции за преступления, связанные с разжиганием межобщинной ненависти, тюремное заключение.

Стоит обратить внимание на то, что в 2002 году «в Индии принимается “Закон о предотвращении терроризма”, который с учетом особенностей национальной террористической деятельности и судебной практики детально определяет, что такое террористический акт»[2]. Обозначенный законодательный акт был издан прежде всего с целью как дальнейшей оптимизации противодействия террору в стране, так и усиления контроля и повышения результативности антитеррористических действий. Закон о предотвращении терроризма пришел на смену «ранее принятым “Указу о предупреждении терроризма” 2001 г. и “Закону о предупреждении террористической и подрывной деятельности” 1985–1995 гг.»

[1] Международная конвенция о борьбе с захватом заложников: заключена в г. Нью-Йорке 17.12.1979 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/2541135/ (дата обращения 05.12.2025).

[2] Clause 5 of The Prevention of Terrorism Act, 2002. URL: https://satp.org/satporgtp/countries/india/document/actandordinances/pota.htm (дата обращения: 05.12.2025).

[10, с. 10]. Рассматриваемый нормативный правовой акт объявил о том, что сокрытие информации от властей о террористической деятельности тоже является преступлением. Законом о предотвращении терроризма были предоставлены большие полномочия правоохранительным органам, борющимся с терроризмом. Приложение к данному законодательному акту состоит из списка ряда террористических организаций, подпадающих под определение террористических организаций, указанное в нем. Однако в 2004 году Закон о предотвращении терроризма был отменен коалицией «Объединенный прогрессивный альянс».

В связи с ростом дестабилизирующих причин и условий в 2004 году принимается новый «Закон о предотвращении терроризма», который в значительной степени ужесточил санкции за совершенные террористические акты. К примеру, предшествующим ему аналогичным законодательным актом 2002 года за совершение преступлений террористической направленности предусматривались санкции в виде тюремного заключения от 10 лет до пожизненного заключения, тогда как новым законодательным актом в тех случаях, когда при совершении террористической атаки погибал хотя бы один человек, все виновные в этом лица должны были нести меры ответственности в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни[1].

После того, как как в ноябре 2008 г. террористической группировкой в г. Мумбаи был атакован финансовый и деловой центр, вследствие чего более ста шестидесяти человек скончались и более трехсот были ранены, был принят очередной законодательный акт, направленный на противодействие террору, – «Закон о предотвращении незаконной деятельности»[2]. Весьма примечательно, что первый раздел этого нормативного правового акта посвящен необходимости уголовно-правового противодействия терроризму, второй – экономическому анализу терроризма как преступления, третий – терроризму как элементу организованной преступности, а последние четыре раздела –оценке этого закона.

Сегодня Индия не только готова, но и способна к проведению собственной внешней политики, основанной на общественном взаимопонимании, принципе неучастия в различных военно-политических блоках и мирного урегулирования несогласованностей и разногласий с государствами-соседями. Основные принципы такой стратегической внешней политики длительное время продолжают оставаться неизменными, между тем некоторые аспекты региональной политики государства давали сбои и проявлялись в ряде вооруженных конфликтов. Являясь крупнейшей державой мира на всех этапах своей государственной независимости, Индия продолжала взаимодействовать с рядом международных, глобальных и региональных организаций [11, с. 39]. Индия – одна из стран-учредителей Организации Объединенных Наций (далее – ООН) – и по настоящее время продолжает принимать активное участие в ее деятельности. Так, индийское правительство ратифицировало ряд важнейших международных конвенций по противодействию терроризму, в дальнейшем имплементировав ряд их актуальных положений в национальное законодательство, в том числе в УК Индии, а также в специально принятое федеральное законодательство.

Необходимо подчеркнуть, что еще в 1997 году Индией было предложено принять на уровне ООН проект Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом (далее – Конвенция), закрепляющей общие принципы и определения терроризма, тем самым создать юридические рамки по координации борьбы с проявлениями международного терроризма. При этом важно отметить, что 23 сентября 2017 г. на очередной сессии ООН министром иностранных дел было вновь предложено согласовать текст проекта Конвенции. В своем выступлении им отмечалось, что проявления терроризма являются важнейшей из проблем, решением которых занимается ООН[3]. В данной связи в обращении к Генеральной ассамблее ООН было предложено не искать нюансы относительно проблематики международного терроризма, а признать, что она представляет из себя угрозу существования всего человечества.

Стоит обратить внимание на то, что Московская декларация о международном терроризме, подписанная в г. Москве 6 ноября 2001 г., отражает принципы российско-индийского сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом. В ней указывается, что наши страны свидетельствуют, что проявления международного терроризма являются угрозой мира и безопасности, серьезным нарушением прав человека и преступлением против человечества.

[1] Prevention of Terrorism (Repeal) Act, 2004. URL: https://www.yumpu.com/en/document/view/32990863/prevention-of-terrorism-repeal-act-2004-the-vertic (дата обращения: 05.12.2025).

[2] The Unlawful Activities (Prevention) Amendment Act, 2008. URL: https://howlingpixel.com/i-en/Unlawful_Activities (Prevention)_Act (дата обращения: 05.12.2025).

[3] В МИД Индии призвали ООН согласовать всеобъемлющую конвенцию по терроризму. URL: https://ria.ru/20170923/1505421963.html (дата обращения: 05.12.2025).

В связи с этим борьба с проявлениями международного терроризма становится приоритетной задачей всего мирового сообщества. Международный терроризм можно побороть путем объединения усилий всех стран мира[1].

Также немаловажно отметить, что с начала 2000-х гг. в Индии приступили к активной нейтрализации, устранению и искоренению основных факторов, детерминирующих рост террора. Индийские власти проводят немало разнообразных мероприятий в данном направлении. Однако прежде всего в условиях нового тысячелетия Индии необходимо активно бороться с бедностью, потому как преимущественно данная причина подталкивала, провоцировала и в конечном итоге стимулировала усиление радикальных взглядов и настроений, возникающих у индийских граждан. Вкупе с разнообразными мероприятиями общесоциальной направленности, весьма результативно противодействующих актам терроризма, правительствами индийских штатов ведется систематическая работа, связанная с организацией специальных курсов, направленных на борьбу с террором. В том числе в разы была увеличена численность индийских правоохранителей, которая, к примеру, в 2020 году по сравнению с 2004 годом увеличилась в три раза и составила 2 091 488 человек [12, с. 199].

На протяжении многолетнего противодействия террору Индии удалось создать различные службы, задействованные в антитеррористической деятельности. В целях обеспечения охраны границы, «в связи с мятежом сепаратистов в Джамму и Кашмире в 1990-х гг. стали привлекаться батальоны ассамских стрелков, которые стали выполнять антитеррористические функции, также они представляют собой хорошо вооруженные и обученные военные подразделения, заменившие местную полицию, функции которой ограничиваются поддержанием правопорядка» [13, с. 5]. После Мумбайских событий 2008 года создали Национальное агентство расследований. В целом можно отметить, что «за годы независимости индийские антитеррористические структуры проделали довольно серьезный эволюционный путь» [14, с. 251].

Примечательно, что премьер-министр Индии Шри Нарендра Моди, принимая участие в 2014 году в 60-й Всеиндийской конференции генеральных директоров полиции в Индийском институте менеджмента в Райпуре, подчеркнул важность создания механизмов регулярного мониторинга запрещенных группировок, обеспечения комплексного развития территорий, освобожденных от левого экстремизма, и внедрения инновационных моделей для укрепления безопасности прибрежных районов. Он также отметил, что активное планирование, координация в режиме реального времени, оперативное реагирование и общегосударственный подход имеют решающее значение для сохранения жизни людей во время таких событий[2].

В настоящее время Индия признает терроризм глобальной угрозой и активно участвует в международных усилиях по борьбе с ним. Индия тесно сотрудничает с Бангладеш, Шри-Ланкой, Непалом и другими соседними странами в проведении совместных антитеррористических операций. Индия является активным членом Целевого фонда ООН по борьбе с терроризмом и вносит свой вклад в глобальные усилия по пресечению финансирования терроризма [15, с. 135]. Однако наиболее важным союзников Индии в рассматриваемой сфере является Российская Федерация. Наша страна не перестает выражать поддержку большинству предпринятых мер индийскими властями, направленными на противодействие террору, а также самым решительным образом проводит осуждение трансграничных проявлений терроризма. «С Индией мы полные союзники и целиком и полностью поддерживаем Индию в борьбе с терроризмом», – указал Президент Российской Федерации В. В. Путин 4 декабря 2025 г. в интервью «India Today». Отвечая на вопрос о том, может ли быть террорист борцом за свободу, В. В. Путин подчеркнул, что свободы можно достичь только законными методами[3].

Важно подчеркнуть, что с 2003 года наши страны организуют и осуществляют совместные антитеррористические мероприятия. Так, в 2025 году на полигоне Махаджан в северной части Индии прошли совместные российско-индийские учения «Индра-2025». Эти учения стали уже традиционными, они укрепляют практическое взаимодействие между армиями России и Индии. Их главная цель – отработка совместных действий в борьбе с международным терроризмом. В ходе учений подразделения отрабатывают координацию при проведении контртеррористических операций, включая организацию связи и управ-

[1] Московская декларация о международном терроризме (Москва, 6 ноября 2001 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/2561650/ (дата обращения 5.12.2025).

[2] PM presides over 60th All India Conference of Director Generals/Inspector Generals of Police in Raipur. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pm-presides-over-60th-all-india-conference-of-director-generals-inspector-generals-of-police-in-raipur/ (дата обращения: 05.12.2025).

[3] Путин: Россия поддерживает Индию в борьбе с терроризмом. URL: https://tass.ru/politika/25820447 (дата обращения: 05.12.2025).

ление объединенной группировкой. Особое внимание уделяется повышению оперативной совместимости – способности подразделений двух разных армий понимать друг друга и действовать слаженно[1].

Подводя итоги, следует сделать ряд выводов.

В настоящее время индийскими властями принимаются самые необходимые меры, направленные на противодействие террору на всех уровнях: локальном, региональном и глобальном. В Индии постоянно совершенствуется правовая база борьбы с терроризмом, в частности страна приняла несколько строгих антитеррористических законов и внесла поправки в более старые законы. Так, например, «Закон о предотвращении незаконной деятельности» 1967 года был усилен для принятия мер против отдельных террористов, а также против террористических организаций. «Закон о Национальном следственном агентстве» 2008 года привел к созданию Национального следственного агентства, которое играет ключевую роль в расследованиях и судебном преследовании терроризма. «Закон о предотвращении отмывания денег» 2002 г. был усилен для борьбы с финансированием терроризма. «Закон о предотвращении терроризма» 2004 г. [16, с. 285] не только увеличил санкции за рассматриваемую противоправную деятельность, но и в целом активизировал антитеррористическую борьбу в стране. Поскольку террористические организации используют современные технологии для вербовки и пропаганды, в целях противодействия этому Индия приняла ряд мер, в частности разрабатываются системы наблюдения на основе искусственного интеллекта для обнаружения подозрительной активности в Интернете. Кроме того, власти внимательно следят за социальными сетями и даркнетом, чтобы предотвратить распространение радикальных идеологий. В стране ведется криптовалютный и финансовый мониторинги. С ростом цифровых транзакций власти усилили надзор за финансированием терроризма, основанным на криптовалюте, и подпольными финансовыми сетями. Различные службы безопасности и разведывательные службы играют ключевую роль в борьбе с терроризмом: Национальное агентство расследований руководит расследованиями и судебными преследованиями по делам о терроризме, Разведывательное бюро и Исследовательско-аналитическое подразделение отслеживают внутреннюю и международную террористическую деятельность. Полицейские силы и военизированные формирования штатов в существенной мере укреплены для предотвращения террористических атак и обеспечения безопасности на местах. На уровне штатов созданы специальные антитеррористические отряды и группы быстрого реагирования[2]. В настоящее время российско-индийское международное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом продолжает носить плотный характер. В том числе оно выражается в проведении обоюдных тактических и специальных антитеррористических учений, попеременно проходящих в Российской Федерации и Индии с 2003 года и по настоящее время.

В заключение необходимо отметить, что Индия обладает огромным опытом по противодействию терроризму, поскольку ряд экстремистских движений различной сложности и ориентированности регулярно давали о себе знать в этой стране в течение всего периода второй половины прошлого столетия. Вследствие чего законодательная практика борьбы с терроризмом в Индии достаточно хорошо проработана и нуждается в гораздо большем внимании со стороны зарубежных ученых и исследователей и, соответственно, требует дальнейшего глубокого и всестороннего изучения в нашей стране, так как принятие адекватных и в первую очередь правильных решений требует от субъектов правоохранительной направленности взвешенных и всесторонне тщательно проработанных законодательных подходов и организационных основ по противодействию террористической деятельности.

В настоящее время Республика Индия представляет собой самодостаточную великую региональную страну, ускоренными темпами движущуюся к признанию ее глобальной державой, продолжающую сохранять независимость и способность принимать самостоятельные решения. Индия демонстрирует заинтересованность в укреплении отношений с нашей страной в рамках международного сотрудничества, в частности для индийской стороны огромное значение имеет поддержка Российской Федерации в сфере борьбы с террористическими угрозами. Индия проявляет стремление к развитию партнерских отношений в деле разработки эффективной политики противодействия терроризму. Весьма значимо, что у наших стран совпадают подходы в вопросах борьбы с террористическими угрозами.

[1] Целью российско-индийских учений стала борьба с международным терроризмом. URL: https://rg.ru/2025/10/06/celiu-rossijsko-indijskih-uchenij-stala-borba-s-mezhdunarodnym-terrorizmom.html?ysclid=mit5spya8e739477753 (дата обращения: 05.12.2025).

[2] Global Terrorism Index 2025. URL: https://apnipathshala.com/global-terrorism-index-2025/ (дата обращения: 05.12.2025).

Список источников
1. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А. М. Воронов, С. И. Гирько, Д. В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3 (51).
2. Кобец П. Н. Особенности формирования и эффективного функционирования механизма взаимодействия гражданского общества и полиции Индии в сфере противодействия преступности // Вестник развития науки и образования. 2018. № 12.
3. Ходатенко Е. Н. Особый правовой статус штата Джамму и Кашмир в механизме территориального конфликта между Индией и Пакистаном // Бизнес в законе. 2009. № 1.
4. Soundrarajan R., Rajan P. Impact of Terrorism on Jammu and Kashmir Tourism. Delhi, 2006.
5. Кобец П. Н. Опыт полиции Республики Индии по взаимодействию с гражданским обществом в сфере поддержания правопорядка // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1. DOI 10.18572/1813-1247-2019-1-59-63.
6. Кобец П. Н. Генезис индийского антикоррупционного законодательства // Общество и право. 2021. № 3 (77).
7. Уголовный кодекс Индии / пер. с англ. А. С. Михлина; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Б. С. Никифорова. М.: изд-во иностр. лит., 1958.
8. Крашенинникова Н. А., Трикоз Е. Н. Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 года: пенологические теории // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).431-443.
9. Яковлев А. Ю. Антитеррор по-индийски // Азия и Африка сегодня. 2012. № 5 (658).
10. Соловьев А. Законы о борьбе с терроризмом в иностранных государствах // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 1.
11. Кобец П. Н. Противодействие коррупции в Республике Индия: опыт и основные тенденции // Международное публичное и частное право. 2022. № 1. DOI 10.18572/1812-3910-2022-1-39-41.
12. Ивлиев И. И. Терроризм как глобальная проблема: индийский опыт борьбы с ним // Глобалистика-2023: сб. материалов Междунар. науч. конгресса. Осенняя сессия (Москва, 23–27 октября 2023 г.). М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева, 2024. DOI 10.46865/978-5-901640-41-8-2024-198-200.
13. Крысин М. Ю. Антитеррористические силы Индии в штате Джамму и Кашмир // Зарубежное военное обозрение. 2003. № 5.
14. Яковлев А. Ю., Яковлев П. Ю. Об антитеррористических структурах Индии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10.
15. Кобец П. Н. Оптимизация работы по борьбе с проявлениями международного химического терроризма // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50).
16. Яковлев А. Ю. Индийский опыт противодействия терроризму. Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3.

Информация об авторе:

Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник
Центра организационного обеспечения
научной деятельности

About the author:

Kobets Peter N.,
chief researcher of the Center
for organizational support of scientific activities

Статья поступила в редакцию 12.12.2025;
одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 12.12.2025;
approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-132-135
EDN: https://elibrary.ru/jominz

ДУТОВ ПАВЕЛ ОЛЕГОВИЧ [1, 2]
[1] Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан
Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва, Россия)
[2] Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
po.dutov@mail.ru

НЕЗАКОННАЯ ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В статье проанализированы вопросы незаконной реализации иностранными гражданами права на осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации в контексте создания угроз общественной безопасности Российской Федерации. Автором изучены как негативные стороны рассматриваемого явления, в том числе его последствия, так и представлены меры по совершенствованию законодательства в части противодействия незаконной внешней трудовой миграции, а также практической деятельности подразделений по вопросам миграции системы МВД России.*

Ключевые слова: *незаконная миграция, нелегальная миграция, внешняя трудовая миграция, общественная безопасность, реестровая модель, иностранный работник*

Для цитирования: *Дутов П. О. Незаконная трудовая деятельность иностранных граждан как угроза общественной безопасности // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 132–135; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-132-135.*

DUTOV PAVEL O. [1, 2]
[1] Service for citizenship and registration of foreign citizens
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russia)
[2] Advanced Training Institute of the Mia of Russia
(Moscow region, Russia)

ILLEGAL LABOR ACTIVITY OF FOREIGN CITIZENS AS A THREAT TO PUBLIC SAFETY

Abstract. *The article analyzes the issues of illegal exercise by foreign citizens of the right to work on the territory of the Russian Federation in the context of creating threats to the public security of the Russian Federation. The author examines both the negative aspects of the phenomenon under consideration, including its consequences, and presents measures to improve legislation in terms of countering illegal external labor migration, as well as the practical activities of migration units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.*

Keywords: *illegal migration, illegal migration, external labor migration, public safety, registry model, foreign worker*

For citation: *Dutov P. O. Illegal labor activity of foreign citizens as a threat to public safety // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 132–135; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-132-135.*

© Дутов П. О., 2026.

В современном мире миграция, легальная и контролируемая, стала социально-экономической реальностью, без которой наша цивилизация не может существовать. Следовательно, необходимо искать пути и создавать механизмы, которые сведут к минимуму ее негативные последствия, в том числе «конфликт культур», распространение экстремистской идеологии, ксенофобии и расизма [3, с. 52–58].

По данным ООН, число международных мигрантов увеличилось за последние 20 лет более чем на 100 млн человек, достигнув в 2020 году отметку в 281 млн (2000 год – 173 млн)[1].

В данной связи нельзя не учитывать риски возникновения неконтролируемой миграции, которая негативным образом сказывается на государственной и общественной безопасности принимающего государства.

Для нашей страны это как никогда актуально, так как Российская Федерация занимает устойчивое место в группе мировых лидеров по количеству принимаемых иностранных граждан, в том числе прибывающих в нашу страну в целях реализации ими права на трудовую деятельность.

Так, только по итогам 2024 года, подразделениями по вопросам миграции системы МВД России оформлено более 2 млн патентов, 170 тыс. разрешений на работу, принято 6,5 млн уведомлений, связанных с реализацией иностранными гражданами права на осуществление трудовой деятельности.

Ранее при рассмотрении правовой сущности внешней трудовой миграции [1, с. 34–39] в качестве характеризующего ее признака автором, исходя из способа законности, выделена легальная (законная) и нелегальная (незаконная) внешняя трудовая миграция, которая связана с нарушением работодателями, заказчиками работ (услуг) или самими иностранными работниками правил трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

При этом нелегальная составляющая внешней трудовой миграции не только способствует сохранению неформальной занятости, теневого сектора экономики и, как следствие, непоступлению доходов в бюджетную систему Российской Федерации, но и ведет к ущемлению прав иностранных работников в части благоприятного режима рабочего времени, охраны труда и его оплаты [2].

Одновременно с этим, согласно Концепции общественной безопасности в Российской Федерации[2], к основным источникам ее угроз относится незаконное осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности, которое зачастую ухудшает социальную обстановку в местах их пребывания, создает условия для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма, национализма.

Еще одним негативным аспектом нелегальной внешней трудовой миграции является концентрация лиц одной национальности, не адаптированных к условиям жизни в России, и, как следствие, образование этнических анклавов.

Профильными министерствами и ведомствами в качестве одного из основных инструментов противодействия их образованию рассматривается работа по совершенствованию законодательства и реализации иных мер в сфере социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.

Основной акцент делается на освоении мигрантами русского языка, ознакомлении с историей России и основами законодательства Российской Федерации, их правовом просвещении, разъяснении национально-культурных и религиозных традиций в среде принимающего населения

Вместе с тем отдельными руководителями субъектов Российской Федерации выдвигается идея о создании центров пребывания и адаптации иностранных трудовых мигрантов на территории Российской Федерации.

По мнению автора, работодателям необходимо обеспечивать условия, связанные с пребыванием на территории Российской Федерации иностранных работников в таких центрах.

Реализация указанного предложения возможна путем развития государственно-частного партнерства, что позволит осуществлять контроль за пребыванием иностранных граждан; обеспечивать им достойные места размещения и проведения досуга; проводить адаптационные меро-

[1] Основные показатели международной миграции на 2020 год // URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf. (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685 // Законы, кодексы, нормативные правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: egalacts.ru/doc/kontseptsija-obshchestvennoi-bezopasnosti-v-rossiiskoi-federatsii-utv/ (дата обращения: 15.01.2026).

приятия; минимизировать риски возникновения межнациональных конфликтов и формирования этнических анклавов; проводить дополнительную профессиональную подготовку.

Следует принять также во внимание то обстоятельство, что иностранные работники, реализующие право на трудовую деятельность в теневом секторе экономики, представляют для их работодателей, заказчиков работ (услуг) наиболее экономически доступный и малопроблемный трудовой ресурс, что побуждает к найму таких работников.

В этой связи назрела необходимость пересмотра обязанностей работодателей в отношении привлекаемых ими иностранных работников, в том числе в целях безусловного сохранения первоочередного права трудоустройства граждан Российской Федерации на соответствующие рабочие места.

Работодатель должен нести дополнительную ответственность за привлекаемого им иностранного работника, обеспечив при этом:

– переоформление патента или продление срока действия разрешения на работу, ранее выданных иностранному гражданину;

– прохождение иностранным работником обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования;

– получение иностранным работником медицинских документов по результатам предусмотренного законодательством медицинского освидетельствования;

– подтверждение иностранным работником владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации;

– наличие у иностранного работника договора (полиса) добровольного медицинского страхования либо договора о предоставлении платных медицинских услуг, либо полиса обязательного медицинского страхования;

– постановку иностранного работника на учет по месту пребывания;

– продление срока временного пребывания в Российской Федерации иностранного работника;

– оплату расходов, связанных с административным выдворением за пределы Российской Федерации или депортацией иностранного гражданина, принятого на работу с нарушением установленного порядка привлечения и использования иностранных работников.

Данную обязанность вполне возможно уже сейчас распространить на работодателей, являющихся юридическими лицами, аккредитованными в установленном порядке филиалами, представительствами иностранного юридического лица на территории Российской Федерации, индивидуальными предпринимателями, частными нотариусами, адвокатами, учредившими адвокатский кабинет, иными лицами, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию.

Одновременно с этим в рамках предусмотренных Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации основных направлений деятельности сил обеспечения общественной безопасности в области противодействия незаконной миграции необходимо совершенствовать проведение информационной и разъяснительной работы с иностранными работниками и привлекающими их работодателями, заказчиками работ (услуг) в целях предупреждения нарушений миграционного законодательства в сфере внешней трудовой миграции.

При этом следует шире использовать возможности современных информационных технологий, например проведение вебинаров, осуществление личного и группового приема посредством видеоконференц-связи и др.

Вместе с тем в ходе правоприменительной практики деятельности подразделений по вопросам миграции системы МВД России выявляются проблемные вопросы, требующие комплексного решения, в том числе в целях снижения административных барьеров, затрудняющих, с одной стороны, движение рабочей силы, а с другой – способствующих созданию потенциальных угроз и рисков общественной безопасности, связанных с неконтролируемой внешней трудовой миграцией, криминальными и коррупционными проявлениями.

Так, с учетом ежегодного роста поступающих уведомлений о трудоустройстве иностранных граждан территориальные органы МВД России испытывают нагрузку, в том числе в части необходимости внесения в информационную систему МВД России сведений, содержащихся в таких уведомлениях, поступающих в «бумажном виде».

При этом отмечается недостаточная востребованность работодателями размещенного на портале государственных услуг сервиса подачи уведомлений о трудо-

устройстве иностранных граждан, а также о выплате заработной платы высококвалифицированным специалистам, в том числе обусловленная отсутствием возможности пакетной загрузки уведомлений на Едином портале государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (далее – ЕПГУ) в личном кабинете работодателя, а также нарушением сроков рассмотрения уведомлений из-за необходимости проверки в «ручном режиме» и акцептирования каждого уведомления, поступающего из ЕПГУ.

Сохраняются проблемные вопросы в части образования очередей для получения патентов, носящих сезонный характер (в апреле-мае), а также вызванных значительной удаленностью ряда районов, где трудоустраиваются иностранные работники, от мест дислокации подразделений, принимающих заявления и уведомления.

Так, например, в Ямало-Ненецком автономном округе между частью районов имеется только вертолетное либо речное (в период навигации) сообщение.

Решению сложившейся ситуации будет способствовать разрабатываемый МВД России проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», которым предлагается отказаться от выдачи разрешительных документов и ввести универсальный механизм, реализуемый на основе двух электронных реестров: реестра работодателей, привлекающих иностранных работников, и реестра иностранных работников.

Вместе с тем для подготовки к вводу реестровой системы необходимо обеспечить апробацию ее ключевых подходов в части цифровой трансформации государственных услуг и исполнения функций:

– автоматизировать процесс внесения в информационную систему МВД России сведений, содержащихся в уведомлениях, поступивших из портала государственных услуг, а также установить возможность использования заявителями при их направлении простой электронной подписи;

– отказаться от использования специальной бланочной продукции и предусмотреть выдачу распечатанного разрешительного документа в любом подразделении по вопросам миграции или филиале ФГУП «ПВС» МВД России, по выбору заявителя.

В заключение следует отметить, что предлагаемые автором предложения (как нормативного, так и организационного характера) будут способствовать не только созданию комфортных условий для привлечения российскими работодателями иностранной рабочей силы и реализации самими иностранными гражданами права на трудовую деятельность, но и решению такой важнейшей государственной задачи, как борьба с нелегальной внешней трудовой миграцией.

Список источников

1. Дутов П. О. Внешняя трудовая миграция: к вопросу определения понятия и признаков // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. EDN YAQTRZ.
2. Дутов П. О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции. М.: ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2022. ISBN 978-5-238-03668-7. EDN KLDZWS.
3. Дутов П. О., Ермакова М. В. Незаконная внешняя трудовая миграция как угроза национальной безопасности // Противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и за рубежом: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Домодедово, 9 июня 2022 г.) / под общ. ред. А. В. Лекомцева; сост. Р. А. Шихнабиев. Домодедово: ВИПК МВД России, 2022.

Информация об авторе:

Дутов Павел Олегович,
начальник управления регулирования внешней трудовой миграции Департамента внешней трудовой миграции

About the author:

Dutov Pavel O.,
head of the department of external labor migration regulation of the Department of external labor migration

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 20.02.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 23.03.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-136-141
EDN: https://elibrary.ru/nyrlno

ПОЛЯКОВА ЯНИНА НИКОЛАЕВНА[1, 2]
кандидат психологических наук
[1]Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(Москва, Россия)
[2]Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Ростов-на-Дону, Россия)
ynpolyakova@yandex.ru

КАШКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА[1, 2]
кандидат юридических наук, доцент
[1]Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(Москва, Россия)
[2]Российский университет транспорта (МИИТ)
(Москва, Россия)
000049@bk.ru
ORCID.ORG/0000-0001-5045-2054

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию образовательного компонента как ключевого инструмента профилактики правонарушений и ресоциализации лиц, находящихся в группе повышенного риска совершения правонарушений, в социально-правовом контексте. Авторы выявляют пробелы в нормативном регулировании, препятствующие полноценному участию образовательных организаций в превентивной деятельности и обосновывают их значимость для формирования правомерного поведения, ценностных ориентиров и социальной компетентности личности. На основе анализа практики межведомственного взаимодействия предлагается модель интеграции образовательных мер, включающая оценку образовательных потребностей, разработку адаптационных программ и механизмы координации между субъектами профилактики и ресоциализации. Реализация подхода повышает эффективность превентивных мер, способствует снижению рецидивной преступности и укреплению социальной устойчивости личности.*

Ключевые слова: *пробация, профилактика правонарушений, ресоциализация, образовательные программы, межведомственное взаимодействие, социальная адаптация*

Для цитирования: *Полякова Я. Н., Кашкина Е. В. Социально-правовой контекст и значение образования для профилактики правонарушений // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 136–141; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-136-141.*

POLYAKOVA YANINA N.[1,2]
candidate of psychological sciences
[1]Research Institute of the Federal Penitentiary Service
(Moscow, Russia)
[2]Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(Rostov-on-Don, Russia)

© Полякова Я. Н., Кашкина Е. В., 2026.

KASHKINA EKATERINA V.[1,2]
phd of law, associate professor
[1]Research Institute of the Federal Penitentiary Service
(Moscow, Russia)
[2]Russian University of Transport (MIIT)
(Moscow, Russia)

SOCIAL AND LEGAL CONTEXT AND THE IMPORTANCE OF EDUCATION FOR CRIME PREVENTION

Abstract. *The article is devoted to the study of the educational component as a key tool for the prevention of offenses and the resocialization of individuals at high risk of committing offenses in a socio-legal context. The authors identify gaps in regulatory frameworks that hinder the full-fledged participation of educational organizations in preventive activities and substantiate their importance for the formation of law-abiding behavior, value orientations, and social competence. Based on the analysis of interagency cooperation practices, the article proposes a model for integrating educational measures, which includes the assessment of educational needs, the development of adaptation programs, and the coordination mechanisms between the subjects of prevention and resocialization. This approach increases the effectiveness of preventive measures, reduces recidivism, and strengthens personal social stability.*

Keywords: *probation, crime prevention, resocialization, educational programs, interagency cooperation, social adaptation*

For citation: *Polyakova Y. N., Kashkina E. V. Social and legal context and the importance of education for crime prevention // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 136–141; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-1-136-141.*

Формирование современной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации происходит на фоне глубоких и комплексных трансформаций социальной структуры, обусловленной необходимостью переосмысления роли государства как гаранта правопорядка, смещения акцента с чисто карательной модели уголовного воздействия на интегративные меры профилактики, включающие социальные, образовательные и психологические компоненты [1, с. 179–186]. Сегодня уголовная политика государства и политика в сфере профилактики правонарушений перестает быть исключительно прерогативой органов внутренних дел. Она становится межотраслевым явлением, требующим координации усилий государственных институтов, образовательных организаций и гражданского общества, что подтверждается исследованиями российских ученых-пенитенциаристов: М. А. Калужиной, Т. С. Пухаревой, В. Г. Громовым, С. А. Старостиным, Н. В. Анискиной. В этом контексте образование приобретает новое значение, выходя за рамки традиционной функции передачи знаний и становясь инструментом формирования правомерного поведения и ценностных ориентиров личности.

Природа образовательного процесса делает его когнитивно-ценностным инструментом, способным воздействовать на глубинные установки личности, развивать критическое мышление и формировать социально приемлемые модели поведения. На этом основании образовательные организации становятся ключевыми субъектами ранней профилактики [2, с. 28–34], способными предупреждать развитие девиантных установок у детей, подростков и молодежи.

Можно сказать, что образовательная среда служит своеобразным «соединительным звеном», которое помогает перейти от понимания социальных предпосылок отклоняющегося поведения к применению государством юридических санкций. Так, анализ работ Л. О. Пережогина, Ю. Б. Барыльника, Е. В. Бачило, Н. В. Филипповой, М. А. Деевой, А. С. Кормилицыной, Г. В. Наумова показал, что недостаточный уровень образования, деформация коммуникативных навыков и ограниченный когнитивный горизонт являются существенными факторами, способствующими совершению правонарушений. Соответственно, включение образовательных мер в систему профилактики и ресоциализации не является факультативным, а представляет собой необхо-

димое условие эффективного снижения рецидива.

Практика демонстрирует, что без системного участия образовательных организаций пробация и профилактика правонарушений теряют часть своего функционального потенциала. Образовательные организации способны предоставлять данные о динамике развития личности, выявлять ранние признаки девиантного поведения и участвовать в разработке индивидуальных программ сопровождения. При этом существующее законодательство, включая Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ)[1], не закрепляет правовой статус образовательных организаций как субъектов профилактики, что создает нормативный пробел.

Таким образом, современный социально-правовой контекст требует перехода к интегрированным моделям профилактики правонарушений, где образование рассматривается как стратегический ресурс, способный влиять на личность не только на уровне знаний, но и на уровне ценностных ориентаций и поведенческих привычек. В этом аспекте законодательство должно обеспечивать механизмы взаимодействия образовательных организаций с органами пробации и профилактики, включая обмен информацией, разработку совместных программ и участие педагогов в сопровождении лиц, находящихся под наблюдением.

Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 10-ФЗ)[2] вводит в национальную правовую систему принципиально новый режим взаимодействия государства с лицами, к которым применяются уголовно-правовые ограничения. Пробация, в отличие от традиционных карательных мер, не сводится к простому контролю за поведением; она представляет собой систему сопровождения личности, ориентированную на восстановление социальной компетентности, адаптацию в обществе и снижение вероятности рецидива [3, с. 35–42].

С правовой точки зрения пробация является комплексной институциональной конструкцией, объединяющей контрольные, образовательные, психологические и социальные меры. Центральным элементом этой конструкции выступает именно образовательная деятельность, включающая как формальное обучение, так и корректирующие программы развития социальных и профессиональных компетенций. Практика показывает, что без интеграции образовательных мер эффективность пробации снижается: лица, находящиеся под надзором, часто возвращаются в криминогенную среду, где ранее сформированные навыки правомерного поведения не закрепляются [1, с. 179–186].

Правовой анализ Федерального закона № 10-ФЗ демонстрирует, что законодатель предусмотрел межведомственное взаимодействие, однако рамочный характер норм создает значительные пробелы. Так, закон абстрактно указывает на сотрудничество с социальными институтами, включая образовательные организации, но не регламентирует конкретные обязанности, механизмы координации и ответственность за их исполнение [4, с. 194–203]. В результате формальное включение образовательных организаций в пробационную систему не гарантирует фактическое участие педагогов и специалистов в ресоциализационных программах.

Отечественные пенитенциаристы подчеркивают значимость образовательного компонента как структурного элемента ресоциализации. Так, Н. А. Сухов выделяет социальные детерминанты рецидива, среди которых низкий образовательный уровень, деформация коммуникативных навыков и ограниченный когнитивный горизонт являются ключевыми факторами, препятствующими социальной адаптации [5, с. 39–42]. Применение образовательных программ позволяет нейтрализовать эти факторы, формируя навыки самостоятельного функционирования в социуме [6, с. 58–64].

Итак, пробация в российской практике должна рассматриваться как многоуровневая система, включающая в себя:

1. Контрольную функцию – мониторинг поведения и соблюдение предписанных условий.

2. Профилактическую функцию – предупреждение рецидива через формирование

[1] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонтурНорматив: [сайт]. URL: https://normativ.kontur.ru/document? moduleId=1&documentId=502289&ysclid=mja3d2qci8408582424 (дата обращения: 17.12.2025).

[2] О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // КонтурНорматив: [сайт]. // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=480197&ysclid=mja3gragpf965460152 (дата обращения: 17.12.2025).

правомерного поведения и ценностных ориентиров.

3. Ресоциализационный компонент – образовательные, социальные и психологические программы, направленные на восстановление социальной компетентности.

Федеральный закон № 10-ФЗ закрепляет правовые механизмы пробации, определяет полномочия органов, задачи и функции социального сопровождения. Закон ясно ориентирован на социальное восстановление личности, включая элементы контроля, ресоциализации и поддержки. Тем не менее Федеральный закон № 10-ФЗ не предусматривает обязательного участия образовательных организаций в разработке индивидуальных планов пробации; правового механизма координации с субъектами профилактики; учета образовательных дефицитов и адаптации программ под конкретные категории лиц. Эти пробелы формируют неструктурированную образовательную составляющую, понижая потенциал снижения рецидивной преступности и последовательность педагогического воздействия [7, с. 23–28].

Более того, интеграция образовательных мер в пробацию также требует нормативного закрепления нескольких аспектов, таких как: статус образовательных организаций как субъектов пробации; участие педагогов и психологов в разработке индивидуальных планов ресоциализации; обязательность учета образовательных дефицитов и адаптации программ под особенности каждого лица; правовой режим обмена информацией между органами пробации, профилактики и образования с соблюдением норм о персональных данных.

Эти меры позволяют создать систему непрерывного сопровождения, где образовательная деятельность выступает не дополнительным, а центральным инструментом влияния на личность, находящуюся в зоне криминогенного риска. Включение образовательного компонента в структуру пробации также способствует формированию социального капитала личности, расширяет возможности трудовой и профессиональной интеграции после завершения пробации [6, с. 58–64].

Следовательно, с юридической точки зрения пробация является не просто инструментом контроля, но институционально и нормативно закрепленной моделью социальной поддержки, где образование выполняет ключевую функцию. Этот вывод непосредственно связывает правовую природу пробации с потребностью в интеграции образовательных программ, формирующих когнитивные, профессиональные и ценностные компетенции лиц, в отношении которых применяется пробация.

Современная российская правовая система предусматривает несколько ключевых законов, формирующих основу профилактики правонарушений и ресоциализации лиц, находящихся под уголовно-правовым контролем. Среди них: Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ)[1] и Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Несмотря на их предметную автономность, анализ показывает, что между ними существуют значительные структурные и терминологические несоответствия, препятствующие построению единой эффективной системы профилактики и ресоциализации [4, с. 194–203].

К примеру, Федеральный закон № 182-ФЗ вводит концепцию комплексной профилактики правонарушений, объединяющей социальные, психологические, правовые и организационные меры. Закон ориентирован на раннее выявление рисков и предупреждение асоциального поведения, однако не закрепляет образовательные организации в качестве полноправных субъектов профилактики, создавая нормативный пробел.

В результате образовательные организации, о чем мы говорили ранее, обладая значительной информацией о динамике развития молодежи и способные выявлять девиантные установки на ранних этапах, формально не имеют юридических обязанностей участвовать в межведомственных профилактических программах. На практике это означает, что интеграция образовательных мер в профилактику правонарушений остается декларативной, что снижает эффективность законодательно закрепленных мер.

Федеральный закон № 273-ФЗ обеспечивает конституционное право на образование, формируя правовую основу образо-

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // КонтурНорматив: [сайт]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=476812&ysclid=mja3zdsaif13926478 (дата обращения: 17.12.2025).

вательной системы. Однако в его понятийном аппарате отсутствуют такие ключевые категории, напрямую связанные с пробацией, как «ресоциализация», «сопровождение лиц, в отношении которых применяется пробация, в образовательном процессе» и т. д. Отсутствие этих категорий приводит к следующему:

– образовательные организации формально не обязаны работать с лицами, в отношении которых применяется пробация;

– отсутствует механизм межведомственного взаимодействия с субъектами пробации;

– нет нормативного закрепления адаптационных образовательных программ, учитывающих криминогенные риски.

Таким образом, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не обеспечивает правовую базу для интеграции образовательного компонента в профилактику и ресоциализацию, что формирует структурный разрыв с Федеральным законом № 10-ФЗ и Федеральным законом № 182 -ФЗ.

Анализ нормативных правовых актов, эмпирических исследований и практического опыта взаимодействия пробации, профилактики и образования позволяет сформулировать ***ключевые межотраслевые рекомендации***, направленные на создание единой правовой модели ресоциализации лиц, в отношении которых применяется пробация.

1. Укрепление нормативного статуса образовательных организаций. На основании выявленных законодательных пробелов следует закрепить правовой статус образовательных организаций как участников пробации. Это означает:

– обязательное участие педагогов и психологов в разработке индивидуальных планов ресоциализации;

– закрепление образовательных организаций как субъектов профилактики правонарушений;

– создание механизмов межведомственного взаимодействия с субъектами пробации и профилактики, включая правовые основания для обмена информацией.

Такое закрепление позволит обеспечить непрерывность образовательного и воспитательного воздействия, что является критическим фактором успешной ресоциализации и снижения рецидива.

2. Адаптационные образовательные программы. Необходимо разработать многоуровневые образовательные модули, учитывающие образовательные дефициты лиц на пробации; индивидуальные криминогенные и социальные риски; потребности в профессиональном обучении; коррекцию коммуникативных и поведенческих навыков.

Программы должны включать как традиционное образование, так и коррекционно-педагогические мероприятия, направленные на развитие социальной компетентности и навыков законопослушного поведения.

3. Межведомственные механизмы координации. В целях обеспечения эффективного взаимодействия Федерального закона № 10-ФЗ, Федерального закона № 182-ФЗ и Федерального закона № 273-ФЗ необходимо создать рабочие группы и комиссии, объединяющие субъекты пробации, образовательные организации и структуры профилактики. Ключевые функции таких групп:

– разработка и корректировка индивидуальных планов ресоциализации;

– мониторинг образовательного процесса и результатов;

– обеспечение обмена информацией при соблюдении норм защиты персональных данных;

– анализ эффективности интегрированных программ и адаптация их под новые вызовы социальной среды.

4. Логико-правовые рекомендации:

– согласование терминологии: введение понятий «пробация», «ресоциализация», «адаптивная образовательная среда», «адаптированная образовательная программа ресоциализируемого лица» в Федеральный закон № 273-ФЗ и Федеральный закон № 182-ФЗ для обеспечения единой нормативной системы;

– обязательность участия образовательных организаций в профилактике и пробации с закреплением ответственности и полномочий;

– разработка межведомственных методических рекомендаций по взаимодействию субъектов пробации и образовательных структур;

– включение образовательных показателей в оценку эффективности мер, применяемых в рамках пробации, что позволит систематически корректировать программы и повышать их результативность.

5. Практическая модель интеграции. На основе вышеизложенного можно предложить пошаговую практическую модель интеграции:

Этап выявления и диагностики – оценка образовательного уровня, социальных

и психологических потребностей лица на пробации.

Этап планирования – совместная разработка индивидуального плана с педагогами, психологами и специалистами органов пробации.

Этап реализации – проведение образовательных, профессиональных и корректирующих программ с мониторингом промежуточных результатов.

Этап оценки и коррекции – анализ эффективности воздействия и корректировка образовательного компонента с учетом изменения криминогенной ситуации и образовательных потребностей.

Только при выполнении этих условий возможно формирование единых межотраслевых структур, где образование становится не вспомогательным, а центральным инструментом предупреждения правонарушений, снижения рецидива и укрепления социальной устойчивости, а законодательство перестает быть разрозненным и декларативным.

Список источников

1. Дворянсков И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. Т. 18. 2024. № 2 (66).
2. Антонян Ю. М., Рачицкая В. А., Тимошина Е. М. Современные проблемы индивидуальной профилактики преступлений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел. 2014. № 4 (32).
3. Кунц Е. В. Институт пробации и предупреждение рецидивной преступности: отечественный и зарубежный опыт // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 4.
4. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58).
5. Сухов Н. А. Социально-психологические основы ресоциализации осужденных // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 1.
6. Чопик О. А. Ресоциализация осужденных в процессе получения профессионального образования // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 5.
7. Сальников М. В., Воронков К. И., Исмагилов Р. Ф. Роль и место создаваемой службы пробации в Российской Федерации на этапах ресоциализации осужденных // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3 (44).

Информация об авторах:

Полякова Янина Николаевна,
ведущий научный сотрудник[1],
доцент кафедры уголовного права
и криминологии[2];

Кашкина Екатерина Валерьевна,
ведущий научный сотрудник[1],
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Юридического института[2]

About the authors:

Polyakova Yanina N.,
leading researcher[1],
associate professor of criminal law
and criminology[2];

Kashkina Ekaterina V.,
leading researcher[1],
associate professor of the department
of criminal law, criminal procedure,
and law enforcement activities
Law institute[2]

Сведения о вкладе каждого автора

Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.*
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article.*
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026;
одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 03.02.2026;
approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 23.03.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-142-148
EDN: https://elibrary.ru/qfrfnz

ПЛЕШАКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
vapleshakov@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА КАК КАТЕГОРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. *В статье обосновывается необходимость развития риск-ориентированного подхода к обеспечению криминологической безопасности в условиях усложнения современной криминогенной обстановки. Показано, что традиционные модели профилактики преступности, ориентированные на статическое понимание защищённости, не позволяют в полной мере учитывать динамический, латентный и адаптивный характер криминологических угроз. Вводится и теоретически раскрывается категория криминологического иммунитета как интегральной характеристики устойчивости объектов и физических лиц к криминогенным воздействиям. Криминологический иммунитет рассматривается как многоуровневое, динамическое свойство социальной системы, формируемое под воздействием институциональных, организационных, экономических, социокультурных и индивидуально-поведенческих факторов. Особое внимание уделяется индивидуальному уровню криминологического иммунитета, его связи с виктимологической уязвимостью, правовой социализацией и профилактикой преступности, а также классификации групп криминологического риска. Раскрывается теоретическое и прикладное значение предложенной концепции для деятельности органов внутренних дел.*

Ключевые слова: *криминологическая безопасность, криминологический риск, риск-ориентированный подход, криминологический иммунитет, физическое лицо, виктимология, группы риска, профилактика преступности*

Для цитирования: *Плешаков В. А. Концепция криминологического иммунитете как категории криминологической науки // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 142–148; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-142-148.*

PLESHAKOV BLADIMIR A.
doctor of law, professor
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

THE CONCEPT CRIMINOLOGICAL IMMUNITY AS CATEGORIES OF CRIMINOLOGICAL SCIENCE

Abstract. *The article substantiates the need to develop a risk-oriented approach to ensuring criminological security in the context of the complexity of the modern criminogenic situation. It is shown that traditional models of crime prevention, focused on a static understanding of security, do not allow for a full account of the dynamic, latent and adaptive nature of criminological threats. The category of criminological*

© Плешаков В. А., 2026.

immunity is introduced and theoretically revealed as an integral characteristic of the resistance of objects and individuals to criminogenic influences. Criminological immunity is considered as a multi-level, dynamic property of a social system, formed under the influence of institutional, organizational, economic, sociocultural, and individual-behavioral factors. Special attention is paid to the individual level of criminological immunity, its connection with victimological vulnerability, legal socialization, and prevention. The theoretical and applied significance of the proposed concept for the activities of law enforcement agencies is revealed.

Keywords: *criminological security, criminological risk, risk-oriented approach, criminological immunity, individual, victimology, risk groups, crime prevention*

For citation: *Pleshakov B. A. The concept criminological immunity as categories of criminological science // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1 (77). P. 142–148; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-142-148.*

Современное состояние преступности характеризуется не только изменением количественных показателей, но и существенным усложнением её качественных характеристик. Расширение латентных форм преступности, трансформация организованных преступных практик, активное использование цифровых технологий, а также проникновение криминальных схем в социально-экономические и управленческие процессы объективно повышают требования к качеству криминологического анализа и профилактики преступности.

В этих условиях традиционные подходы, ориентированные преимущественно на реагирование на уже совершённые преступления и формальное усиление охранных мер, демонстрируют ограниченную эффективность. Они не позволяют в достаточной мере учитывать изменчивость криминогенных угроз, их способность к адаптации и трансформации, а также латентный характер значительной части криминологических рисков.

В отечественной криминологической науке обеспечение безопасности традиционно рассматривается через призму профилактики преступности, охраны общественного порядка и защиты охраняемых уголовным законом общественных отношений [1, с. 53–58]. Объект преступного посягательства при этом чаще всего анализируется как элемент состава преступления либо как носитель определённых социальных ценностей. При всей значимости данного подхода он в меньшей степени ориентирован на анализ способности объектов и физических лиц противостоять криминогенным воздействиям в долгосрочной перспективе [3, с. 555–565].

Практика показывает, что преступные посягательства нередко реализуются в отношении объектов и лиц, формально находящихся под защитой государства, но обладающих скрытыми институциональными, организационными или поведенческими уязвимостями. Это обстоятельство объективно указывает на необходимость перехода от статического понимания защищённости к анализу устойчивости как способности социальной системы сохранять функциональную целостность в условиях криминогенного давления.

Концепция криминологического иммунитета. Развитие концепции криминологического иммунитета объекта требует обращения к более широкому методологическому контексту, выходящему за рамки прикладных задач профилактики преступности. В теоретическом плане данная категория затрагивает фундаментальную проблему соотношения устойчивости социальных систем и криминогенного воздействия[1]. Соотношение устойчивости и криминогенного воздействия носит диалектический характер. С одной стороны, преступность способна подрывать институциональную стабильность, снижать уровень доверия и легитимности власти. С другой стороны, она стимулирует развитие механизмов контроля, профилактики и институционального

[1] Исследования устойчивых систем и устойчивости как свойства систем имеют большую традицию, преимущественно в естественных и математических науках (Л. Фон Берталанфи, А. И. Уемов, А. В. Антонов, А. М. Ляпунов, А. А. Лаптев и др.). Устойчивость социальных систем является предметом изучения социологов (Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Гиденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Этой же проблеме посвящены исследовательские работы философов. Например, Демичев И. В. Устойчивость социальных систем: опыт философского анализа: дис. … канд. филос. наук. Башкирский государственный университет, 2011. В криминологии под устойчивостью к криминогенным воздействиям понимается социально приемлемый уровень криминологической безопасности. Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних: дис. … д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 1998. 323 с.

обновления. Устойчивость социальной системы проявляется не в отсутствии криминогенности, а в способности к адаптивной переработке криминальных вызовов без утраты базовой функциональной целостности. Именно в этой плоскости возникает возможность разработки категории «криминологическая устойчивость» или «криминологический иммунитет» как частного выражения более общего феномена резистентности (от лат. *resistentia* – сопротивление, т. е. социальной способности сопротивляться, противостоять различным негативным воздействиям).

В классической криминологической теории устойчивость социальной системы нередко рассматривалась через призму её способности поддерживать нормативный порядок и воспроизводить базовые формы социального контроля. Однако в условиях усложнения социальных процессов и множественности источников криминогенных угроз подобная трактовка оказывается недостаточной. Современные объекты преступного посягательства функционируют в среде высокой неопределённости, где криминологические риски переплетаются с экономическими, технологическими и управленческими рисками. В этих условиях устойчивость перестаёт быть состоянием равновесия и приобретает характер процесса, связанного с постоянной адаптацией к изменяющимся условиям.

С этих позиций криминологический иммунитет объекта может быть интерпретирован как частный случай более общего феномена институциональной устойчивости, проявляющегося в способности социальной системы противостоять деструктивным воздействиям без утраты своих ключевых функций. В отличие от биологических аналогий, где иммунитет связан с автоматическими реакциями организма, криминологический иммунитет имеет социально обусловленную природу и формируется в результате осознанных управленческих решений, институциональных практик и культурных установок.

Важным теоретическим аспектом является разграничение понятий «устойчивость», «стабильность» и «безопасность». В рамках настоящего исследования устойчивость понимается не как неизменность структуры, а как способность системы сохранять функциональную целостность при трансформации внешних и внутренних условий. Стабильность, напротив, может рассматриваться как статическое состояние, не предполагающее адаптации. Безопасность же в криминологическом смысле фиксирует уровень защищённости от угроз, но не отражает способность системы к восстановлению после их реализации. Таким образом, криминологический иммунитет интегрирует элементы всех трёх понятий, выходя за рамки каждого из них по отдельности.

Особое значение имеет вопрос субъектности объекта преступного посягательства. Традиционно объект в уголовно-правовом и криминологическом анализе выступал в роли пассивной стороны, на которую направлено преступное воздействие. В рамках предлагаемой концепции объект приобретает характеристики активного субъекта, способного формировать собственные механизмы противодействия, адаптации и восстановления. Это методологическое смещение позволяет рассматривать криминологическую безопасность не только как результат внешнего воздействия (деятельности правоохранительных органов), но и как продукт внутренней организации и управленческой культуры объекта.

Объект с высоким уровнем криминологического иммунитета характеризуется наличием устойчивых внутренних правил, в том числе предусматривающих обеспечение криминологической безопасности, прозрачных процедур принятия решений, развитых механизмов внутреннего контроля и обратной связи. Эти элементы не только снижают вероятность преступных посягательств, но и препятствуют формированию криминогенной среды внутри самого объекта.

В теоретическом плане важным является и анализ границ криминологического иммунитета. Он не является универсальным и абсолютным свойством, а формируется в определённых социально-экономических и культурных условиях. Изменение этих условий может как усиливать, так и ослаблять иммунитет. Например, резкие управленческие реформы, кадровые перестановки или экономические кризисы способны временно снизить уровень устойчивости объекта, даже при сохранении формальных мер защиты. Это обстоятельство подчёркивает необходимость динамического подхода к оценке иммунитета и отказа от его статической интерпретации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении криминологического иммунитета и виктимологической уязвимости. В традиционной виктимологии акцент делается на характеристиках жертвы преступления, способствующих её вовлечённости в криминогенную ситуацию. В рамках предлагаемой концепции данный подход расширяется за счёт анализа системных факторов, формирующих коллективную виктимность объектов. Криминологический иммунитет в этом смысле может рассматриваться как антипод виктимологической уязвимости, выражающий способность объекта минимизировать вероятность превращения в жертву преступления.

Существенным элементом теоретического анализа является и нормативное измерение криминологического иммунитета. Формирование устойчивости объектов не может осуществляться вне правового поля и без учёта принципов законности, соразмерности и защиты прав человека. Избыточное усиление контроля и превентивных мер при отсутствии правовых гарантий способно привести к противоположному эффекту – снижению доверия, росту латентности и формированию альтернативных, в том числе криминальных, практик взаимодействия. В этой связи криминологический иммунитет должен рассматриваться как категория, тесно связанная с правовой культурой и качеством правового регулирования.

С методологической точки зрения предложенная концепция позволяет преодолеть раздвоенность между теоретической и прикладной криминологией. Криминологический иммунитет выступает в качестве связующего звена между абстрактными теоретическими моделями преступности и конкретными управленческими решениями в сфере профилактики. Он задаёт рамку для интерпретации эмпирических данных и одновременно служит ориентиром для практической деятельности.

В перспективе развитие теории криминологического иммунитета открывает возможности для формирования самостоятельного направления исследований, ориентированного на анализ устойчивости социальных систем в условиях криминогенного давления. Это направление может интегрировать достижения криминологии, социологии, теории управления и рискологии, формируя междисциплинарное поле, способное адекватно отвечать на вызовы современной преступности [2].

Таким образом, усиление теоретического слоя концепции криминологического иммунитета позволяет рассматривать её не только как прикладной инструмент управления рисками, но и как полноценную научную конструкцию, обладающую высоким эвристическим потенциалом[1]. В монографическом формате данная концепция способна служить основой для дальнейших теоретических разработок и эмпирических исследований, направленных на углублённое понимание механизмов устойчивости и уязвимости объектов преступного посягательства.

Криминологический иммунитет физических лиц. Наряду с рассмотрением криминологического иммунитета объектов в институциональном и организационном измерении представляется методологически оправданным распространение данной категории на уровень физических лиц. В современных условиях именно индивидуальный уровень устойчивости всё в большей степени определяет общую криминологическую ситуацию, поскольку значительная часть криминогенных рисков реализуется через поведение конкретных лиц, их решения, модели взаимодействия и степень включенности в социальную среду.

Криминологический иммунитет физического лица в данном контексте может быть определён как совокупность личностных, социальных и правовых характеристик, обеспечивающих способность индивида противостоять вовлечению в криминальные практики, минимизировать риск виктимизации и сохранять правомерные модели поведения в условиях криминогенного давления. В отличие от институционального уровня, где иммунитет формируется преимущественно за счёт организационных и управленческих механизмов, индивидуальный криминологический иммунитет имеет более выраженную социокультурную и психологическую природу.

С теоретических позиций криминологический иммунитет физического лица тесно связан с категориями правосознания, социальной ответственности и уровня правовой социализации. Лица с устойчивыми правовыми установками, развитым чувством социальной ответственности и навы-

[1] *Эвристический потенциал* – это комплекс способностей к успешному поиску истины, к нахождению новых способов разрешения сложных проблем.

ками критической оценки рисков демонстрируют более высокий уровень сопротивляемости криминогенным воздействиям. Напротив, дефицит правовой социализации, социальная дезадаптация и маргинализация существенно снижают индивидуальный уровень криминологического иммунитета и повышают вероятность как криминального поведения, так и виктимизации.

Применение категории криминологического иммунитета к физическим лицам позволяет по-новому интерпретировать классические положения виктимологии [4]. Если традиционный виктимологический анализ акцентирует внимание на факторах, повышающих вероятность стать жертвой преступления, то концепция криминологического иммунитета смещает фокус на факторы устойчивости, снижающие такую вероятность. В этом смысле криминологический иммунитет физического лица может рассматриваться как антипод виктимологической уязвимости, выражающий активную способность индивида избегать криминогенных ситуаций либо минимизировать их последствия.

Особое значение индивидуальный криминологический иммунитет приобретает в условиях цифровизации социальной среды. Расширение виртуального пространства, рост дистанционных форм коммуникации и цифровых сервисов формируют новые типы криминологических угроз, воздействующих прежде всего на физические лица. Уровень цифровой грамотности, способность критически оценивать информацию, навыки безопасного поведения в цифровой среде становятся важными элементами индивидуального криминологического иммунитета.

С практической точки зрения включение физического лица в систему анализа криминологического иммунитета расширяет возможности профилактической деятельности органов внутренних дел. Это позволяет рассматривать профилактику не только как воздействие на объекты и территории, но и как процесс формирования устойчивых моделей правомерного поведения у граждан. Программы правового просвещения, профилактики виктимного поведения, повышения цифровой и правовой грамотности могут рассматриваться как инструменты целенаправленного формирования индивидуального криминологического иммунитета.

В более широком социальном измерении индивидуальный криминологический иммунитет выступает структурным элементом иммунитета институционального. Совокупность лиц с высоким уровнем устойчивости к криминогенным воздействиям формирует более стабильную социальную среду, снижает общий уровень криминологических рисков и повышает эффективность профилактических мер. Таким образом, криминологический иммунитет физического лица и криминологический иммунитет объекта находятся в отношениях взаимного усиления и не могут рассматриваться изолированно.

Включение индивидуального измерения в концепцию криминологического иммунитета позволяет перейти к более комплексному пониманию криминологической устойчивости как многоуровневого явления, охватывающего как институциональные структуры, так и поведение конкретных лиц.

Включение индивидуального криминологического иммунитета позволяет также по-новому интерпретировать классические положения виктимологии. Если традиционный виктимологический анализ сосредоточен на факторах виктимности, то концепция криминологического иммунитета смещает акцент на факторы устойчивости личности.

Виктимологическая уязвимость в данном контексте рассматривается не как вина потерпевшего, а как индикатор пониженного уровня индивидуального криминологического иммунитета, требующий профилактического вмешательства.

Развитие концепции криминологического иммунитета физического лица предполагает необходимость дифференцированного подхода к анализу индивидуальной уязвимости, что обусловливает обращение к классификации групп криминологического риска. Индивидуальный криминологический иммунитет формируется неравномерно и существенно различается в зависимости от социального статуса, жизненной ситуации, уровня правовой социализации и характера включённости лица в социальную среду. В этой связи универсальные профилактические меры демонстрируют ограниченную эффективность и требуют адресного уточнения.

С криминологической точки зрения группы риска целесообразно рассматривать не как стигматизированные социальные кате-

гории[1], а как совокупности лиц, находящихся в условиях повышенного криминогенного давления либо обладающих пониженным уровнем индивидуального криминологического иммунитета. Такая трактовка позволяет избежать упрощённых оценок и сосредоточиться на факторах уязвимости и устойчивости.

К первой группе относятся лица с дефицитом правовой социализации, для которых характерен низкий уровень правосознания, фрагментарное представление о правовых нормах и ограниченные навыки правомерного поведения. В данную группу могут входить несовершеннолетние, молодые люди, находящиеся на ранних этапах социальной адаптации, а также лица, длительное время находившиеся вне устойчивых социальных институтов. Пониженный уровень криминологического иммунитета в данном случае обусловлен не столько сознательным противоправным выбором, сколько отсутствием устойчивых правовых и поведенческих ориентиров.

Вторую группу составляют лица, находящиеся в состоянии социальной и экономической нестабильности. К ним относятся граждане, переживающие длительную безработицу, резкое снижение уровня жизни, утрату социальных связей либо находящиеся в условиях хронического стресса. Для данной группы характерно снижение способности к рациональной оценке рисков и повышенная восприимчивость к криминогенным предложениям, что существенно ослабляет индивидуальный криминологический иммунитет и повышает вероятность как виктимизации, так и вовлечения в противоправную деятельность.

Третью группу образуют лица, находящиеся в ситуациях институционального давления и повышенной нормативной неопределённости. Речь идёт о гражданах, чья профессиональная или социальная деятельность связана с принятием решений в условиях противоречивых требований, дефицита ресурсов и высокой ответственности. В таких условиях снижение криминологического иммунитета может быть обусловлено не личностными деформациями, а системными факторами, провоцирующими риск девиантных или коррупционных практик.

Особую группу криминологического риска составляют лица с повышенной виктимологической уязвимостью. К данной категории относятся граждане, чьё поведение, образ жизни либо социальная позиция объективно повышают вероятность стать жертвой преступления. При этом виктимологическая уязвимость не должна интерпретироваться как вина потерпевшего. Напротив, она указывает на необходимость формирования устойчивых навыков безопасного поведения и усиления индивидуального криминологического иммунитета за счёт профилактических и просветительских мер.

В условиях цифровизации социальной среды целесообразно выделять и особую группу лиц, подверженных цифровым криминологическим рискам. К ней относятся граждане с низким уровнем цифровой грамотности, ограниченной способностью к критической оценке информации и недостаточными навыками безопасного поведения в информационном пространстве. Для данной группы характерна повышенная виктимизация в сфере мошенничества, незаконного оборота персональных данных и иных форм киберпреступности, что требует специфических профилактических подходов.

Выделение групп криминологического риска в рамках концепции индивидуального криминологического иммунитета позволяет перейти от универсальных профилактических мер к адресным программам воздействия. Такие программы ориентированы не на формальный контроль, а на формирование устойчивых правовых и поведенческих моделей, повышение способности к оценке рисков и развитие навыков самозащиты личности.

С практической точки зрения для органов внутренних дел данная классификация создаёт основу для дифференцированного планирования профилактической деятельности. Она позволяет учитывать специфику различных групп, корректировать содержание профилактических мероприятий и оценивать их результативность не только по количественным показателям, но и по качественным изменениям уровня индивидуального криминологического иммунитета.

В более широком контексте классификация групп риска подтверждает тезис о многоуровневом характере криминологического иммунитета. Индивидуальная устойчивость физических лиц, формируе-

[1] *Стигматизированные социальные категории* – это группы или индивиды, которые получают негативные ярлыки и оценки со стороны общества из-за каких-либо характеристик, качеств или обстоятельств.

мая с учётом их специфических уязвимостей, выступает важнейшим фактором укрепления институционального иммунитета объектов и социальной среды в целом.

Профилактический и управленческий потенциал. Интеграция индивидуального и институционального уровней криминологического иммунитета расширяет возможности профилактической деятельности органов внутренних дел. Профилактика рассматривается как процесс формирования устойчивости, а не как исключительно контрольная или репрессивная функция.

Использование концепции криминологического иммунитета позволяет перейти к риск-ориентированному планированию профилактических мероприятий и более точной оценке их эффективности.

Заключение. Криминологический иммунитет представляет собой комплексную научную категорию, отражающую устойчивость объектов и физических лиц к криминогенным воздействиям. Расширение теоретического слоя за счёт индивидуального уровня, виктимологии и классификации групп риска позволяет существенно углубить криминологический анализ и повысить практическую результативность профилактики преступности. Предложенная концепция ориентирована на использование в деятельности органов внутренних дел и формирует основу для развития современных риск-ориентированных моделей противодействия преступности.

Список источников

1. Бабаев М. М. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. 2008. № 3.
2. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии: монография. М.: Юрлитинформ, 2021.
3. Дамм И. А. Объект антикоррупционной криминологической безопасности: основные направления исследования // Всероссийский криминологический журнал. Байкальский государственный университет. 2022. Т. 16, № 5.
4. Квашис В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших. М.: Nota Bene, 1999.

Информация об авторе:

Плешаков Владимир Алексеевич,
главный научный сотрудник НИЦ № 1

About the author:

Pleshakov Bladimir A.,
chief researcher research center no. 1

Статья поступила в редакцию 25.02.2026;
одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.02.2026;
approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 23.03.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-149-153
EDN: https://elibrary.ru/onenku

СТРАМИЛОВ СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
(Москва, Россия)
stramilova87-1@mail.ru

Научный руководитель: **Фоменко Елена Владимировна,** профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор

КОМПЛЕКСНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу актуальных проблем профилактики семейно-бытового насилия в современной России. Рассматриваются особенности латентности преступлений, психологические последствия для жертв, а также роль экстремистских настроений в формировании конфликтов внутри семей. В статье представлен зарубежный опыт внедрения систем электронного мониторинга и охранных ордеров, а также даны рекомендации по модернизации российских механизмов реагирования, усилению межведомственного взаимодействия и развитию информационных технологий для своевременного выявления и пресечения насилия. Акцент сделан на необходимости внедрения современных технологий и комплексных программ профилактики для повышения эффективности работы правоохранительных органов и защиты прав жертв семейно-бытового насилия.*

Ключевые слова: *насилие в семье, профилактика насилия, электронный мониторинг, межведомственное сотрудничество, социальная безопасность, технология GPS, кризисные центры, социальная защита, цифровизация, правоохранительная деятельность*

Для цитирования: *Страмилов С. Ю. Комплексные меры профилактики семейно-бытового насилия: современные подходы и перспективы правоохранительной деятельности // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 149–153; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-1-149-153.*

STRAMILOV STANISLAV YU.
All-Russian State University of Justice (Russian Ministry of Justice)

Supervisor: **Fomenko Elena V.**, professor of the department of criminal law and criminology of the All-Russian state university of justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), doctor of law, professor

COMPLEX PREVENTIVE MEASURES FOR DOMESTIC VIOLENCE: MODERN APPROACHES AND PROSPECTS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Abstract. *The article is devoted to the analysis of current problems of domestic violence prevention in modern Russia. It examines the features of crime latency, the psychological consequences for victims, and the role of extremist sentiments in the formation of conflicts within families. The article presents foreign*

© Страмилов С. Ю., 2026.

experience in implementing electronic monitoring systems and protection orders, and provides recommendations for modernizing Russian response mechanisms, strengthening interagency cooperation, and developing information technologies for timely detection and prevention of violence. The focus is on the need to implement modern technologies and comprehensive prevention programs to improve the efficiency of law enforcement agencies and protect the rights of victims of domestic violence.

Keywords: *domestic violence, violence prevention, electronic monitoring, interagency cooperation, social security, GPS technology, crisis centers, social protection, digitalization, law enforcement*

For citation: *Stramilov S. Yu. Complex preventive measures for domestic violence: modern approaches and prospects of law enforcement activities // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 149–153; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-1-149-153.*

Семейно-бытовое насилие – серьезная проблема правоохранительной деятельности. Учитывая высокую латентность этого вида преступлений, реальный масштаб насилия в семейно-бытовой сфере может значительно превышать учетные показатели.

По оценкам, лишь около 10 % пострадавших женщин обращаются в полицию, многие же предпочитают не выносить проблему на публичный уровень из страха и из-за осуждения близкого окружения[1], и даже обратившиеся часто забирают заявление под давлением агрессора, семьи, окружения либо в результате пассивной позиции сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), которые в силу сложившейся практики не видят перспектив продолжения разбирательства по заявлениям о насилии в семье. Так, в 2021 году полиция рассмотрела свыше 150 тыс. заявлений о побоях в семье, квалифицированных как административные правонарушения. Без серьезных последствий для агрессора такие случаи нередко повторяются и усугубляются.

В результате такие жертвы формируют в себе синдром «приобретённой беспомощности» – неспособности вырваться из круга насилия. Это осложняет профилактическое воздействие, так как полиция и социальные службы часто не знают об этих случаях. При этом около 43 % россиян лично были свидетелями насилия в семьях близких или соседей, но лишь небольшая часть из них вмешивалась или сообщала в полицию, что указывает на недостаток гражданской активности и доверия к правоохранителям[2].

Экстремизм в молодежной среде [5] способствует формированию негативных стереотипов, усилению конфликтных установок и оправданию насилия в межличностных отношениях, что увеличивает риск возникновения семейных трагедий, таких как бытовое убийство или фемицид. Более того, радикализированные молодые люди могут использовать насилие как средство достижения своих целей или выражения протеста, что в семейной сфере проявляется в усилении конфликтов, психологическом и физическом насилии, а иногда и в убийствах.

С практической точки зрения результаты собственного исследования и иных источников [1, с. 84–90; 3; 9] подтверждают настоятельную необходимость комплексных мер по предупреждению наиболее опасных видов семейно-бытового насилия – убийств. Важным направлением является повышение эффективности работы ОВД: специализация сотрудников отдельных подразделений по делам, связанным с насилием в сфере семейно-бытовых отношений, обучение участковых уполномоченных полиции реагированию на подобные инциденты, стандартизация алгоритмов пресечения правонарушений в рассматриваемой сфере [2, с. 45–52].

Необходимо, чтобы каждый сигнал о насилии в обозначенной области общественных отношений проверялся и сопровождался реальными мерами защиты потерпевших, вплоть до изоляции агрессора при угрозе жизни. Немаловажна и информационно-просветительская работа [4, с. 477–480]: необходимо формировать в обществе нулевую толерантность к насилию в семейно-бытовой сфере, развенчивать мифы («бьет – значит любит») и поощрять вмешательство со стороны окружающих в ситуациях угрозы. Отдельно стоит задача адаптации судебной практики: суды должны учитывать ситуации нахождения жертвы в перманентно угнетенном положении, в результате чего она сама проявляет насилие по отношению к агрессору, и напротив, не допускать неоправ-

[1] 24 % от всех предварительно расследованных убийств совершены в семье. URL: https://tochno.st/materials/ot-vsex-predvaritelno-rassledovannyx-ubiistv-soverseny-v-seme (дата обращения: 13.01.2026).

[2] Там же.

данного смягчения приговоров убийцам-женоненавистникам.

К сожалению, до последнего времени эффективность профилактической работы полиции и социальных служб в данной сфере оставляла желать лучшего. Участковые уполномоченные полиции, которые по закону должны реагировать на семейные скандалы, зачастую ограничивались беседами, а органы опеки и комиссии по делам несовершеннолетних не всегда выявляли семьи группы риска своевременно [7]. Внутрисемейное насилие расценивалось как малозначительная «бытовая» проблема. Более того, внесённые в 2017 году изменения в законодательство, когда разовые побои в семье были декриминализированы (переведены в разряд административных правонарушений), объективно снизили возможности правоохранителей пресекать насилие на ранней стадии. Фактически агрессор впервые может избить жену или ребёнка и понести лишь административную ответственность в виде штрафа, оплачиваемого из общего бюджета семьи, что никак не защищает жертву, а наоборот, усугубляет её положение. Такая ситуация отрицательно сказалась на профилактике: отмечается рост семейно-бытового насилия с непривлечением к уголовному наказанию за первичные случаи домашних побоев[1].

Тем не менее в последние годы предпринимаются шаги по улучшению ситуации. Министерство внутренних дел Российской Федерации заявляет о наращивании усилий в противодействии преступлениям в семейно-бытовой сфере. Внедряются программы обучения сотрудников полиции методам работы с конфликтными семьями, создаются специализированные подразделения (например, во многих регионах функционируют кризисные кабинеты при отделах полиции, куда приглашают семейных дебоширов на профилактические беседы).

Требуется налаженное взаимодействие между ведомствами (полиция – органы опеки – органы здравоохранения – некоммерческие организации) для обмена информацией о семьях группы риска. Предлагается деятельность межведомственных комиссий, которые на местном уровне могли бы рассматривать сложные случаи и вырабатывать совместные меры поддержки семье (психологическая работа, патронаж, контроль поведения агрессора).

Необходима более тесная интеграция работы школ, поликлиник, полиции и комиссий по делам несовершеннолетних: информация о фактах жестокого обращения с детьми должна незамедлительно передаваться между ведомствами.

В период массовых потрясений (эпидемий, чрезвычайных ситуаций) следует заранее закладывать в планы реагирования меры профилактики семейно-бытового насилия: поддержка горячих линий и онлайн-консультаций для жертв, оперативное развертывание дополнительных кризисных убежищ, информирование полиции о росте рисков. Международный опыт (например, призыв Генсека ООН к «перемирию в семьях» во время пандемии 2020 года[2]) показывает важность того, чтобы борьба с насилием в семейно-бытовой сфере не отходила на второй план даже в период глобальных кризисов.

Важнейшим шагом является своевременное выявление семей, где назревает насилие. В практику ОВД должны быть внедрены системы оценки угрозы. В некоторых странах, например в Польше, полиция на каждый сигнал о насилии в семейно-бытовой сфере заполняет стандартизированную анкету оценки риска повторного насилия и убийства (учёт угроз убийством, наличия оружия, степени эскалации, ревности, попыток удушения и т. д.). На основе баллов риска принимаются решения об усиленных мерах защиты. Подобные алгоритмы уже применяются в мире: по данным Федерального криминального ведомства Германии, из десятков тысяч зафиксированных случаев насилия в отношении супругов в 2023 году многие остаются латентными, поэтому предлагается цифровизировать администрирование мер пресечения в указанной сфере, чтобы запрет приближаться перестал быть формальностью [10]. В частности, планируется применение цифровых технологий: семейный суд по ходатайству полиции обяжет агрессора при выявлении высокого риска носить GPS-браслет, а жертва получит устройства оповещения; при приближении нарушителя система автоматически сигнализирует в полицию для немедленного реагирования.

Эффективность такого подхода подтверждает опыт Испании. Там с 2009 года

[1] URL: https://tochno.st/materials/ot-vsex-predvaritelno-rassledovannyx-ubiistv-soverseny-v-seme (дата обращения: 12.01.2026).

[2] UN chief calls for domestic violence ceasefire amid horrifying global surge. URL: https://news.un.org/en/story/2020/04/1061052 (дата обращения: 12.01.2026).

действует телематическая система защиты: у правонарушителя – браслет-маячок, у жертвы – парный приемник, заданы утверждённые судом геозоны, а данные поступают на единую платформу мониторинга VioGén. В Испании по состоянию на 2025 год применяется одновременно несколько тысяч комплектов устройств, и при активной защите электронными средствами не зарегистрировано ни одного убийства [10]. Более того, система VioGén включает обмен данными между всеми службами и продвинутые алгоритмы оценки риска, позволяющие прогнозировать опасные ситуации.

Российским правоохранительным органам имеет смысл перенять эти наработки: создание единой межведомственной информационной системы учёта случаев семейно-бытового насилия и автоматизированного ранжирования случаев по степени угрозы. Такая система могла бы объединить данные полиции (заявления, телефонные сообщения), медицинских учреждений (обращения с травмами), органов опеки и социальных служб. На ее основе оперативные дежурные и участковые могли бы получать уведомления о семьях высокой категории риска и брать их под особый контроль.

Одним из центральных специальных средств предупреждения эскалации семейных конфликтов являются защитные предписания, запрещающие агрессору контактировать с жертвой и приближаться к ней. В зарубежной практике они также именуются охранными ордерами (защитными предписаниями). В Российской Федерации механизм охранных ордеров до сих пор не реализован на федеральном уровне, хотя соответствующий законопроект о профилактике семейно-бытового насилия обсуждается с 2019 года. Между тем немедленная изоляция агрессора – необходимое условие безопасности жертвы. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW) в решении 2019 года по делу Тимаговой прямо рекомендовал Российской Федерации ввести охранные ордера и обеспечить жертвам защиту[1]. Суть меры заключается в том, что полиция или суд выдает предписание, обязывающее правонарушителя покинуть общее жилье, не приближаться к жертве, не вступать с ней в контакт (в т. ч. по телефону, через Интернет). Срок действия ордера ограничен, например 30 суток с возможным продлением до 60 суток по заявлению жертвы, но за этот период снимается непосредственная угроза жизни и здоровью, у жертвы есть время предпринять дальнейшие шаги – оформить судебный защитный приказ, подать заявление о возбуждении уголовного дела и проч.

Практика десятков стран подтверждает эффективность таких мер. К примеру, Германия в 2001 году приняла закон о защите от насилия, внедривший принцип «если бьет – значит, должен уйти из дома». Португалия и ряд других стран Европы также позволяют полиции незамедлительно отстранить агрессора от жертвы на срок до 48 часов с последующим судебным продлением запрета (в Португалии это регламентировано Законом № 112/2009). В сопоставимых правовых системах (Испания, Франция, Казахстан и др.) охранные ордера давно стали рутинным инструментом – благодаря им удается предотвратить повторные нападения и убийства, когда жертва уже сигнализировала об опасности.

В Российской Федерации введение так называемых защитных предписаний назрело давно. Эта мера особенно актуальна с учетом высокой латентности насилия: по опросам, 77 % потерпевших ранее никому не сообщали о конфликтах, и когда они наконец обращаются, ситуация, как правило, уже критическая. Поэтому охранный ордер – способ немедленно прервать цикл насилия и защитить жизнь.

Введением одного лишь охранного ордера дело не ограничивается, необходимо обеспечить его фактическое соблюдение.

Параллельно с контролем агрессора важно дать самой жертве удобный способ мгновенно вызвать помощь. В ряде стран успешно функционируют системы телесопровождения: пострадавшей выдается специальное устройство (брелок или приложение), связанное с пультом полиции. Например, в Португалии законом предусмотрена так называемая *teleassistência* – электронный девайс у жертвы, при нажатии на кнопку связывающий ее с центром поддержки и/или ближайшим нарядом полиции. В зависимости от ситуации через этот канал можно получить психологическую поддержку либо немедленно вызвать наряд.

В Российской Федерации локально применяются похожие решения, например мо-

[1] Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. URL: https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/cedaw (дата обращения: 12.01.2026).

бильное приложение МВД «112» или кнопки экстренного вызова в некоторых регионах. Однако нет целостной системы, специализированной для жертв насилия. Представляется целесообразным в рамках программы защиты оснащение *каждой жертвы*, получившей охранный ордер, персональным тревожным брелоком, работающим через сотовую сеть или Интернет. Тогда при появлении агрессора, нарушающего запрет, жертва одним нажатием сообщает диспетчеру точное местоположение и необходимость срочной помощи. Такие устройства психологически поддерживают жертв (они чувствуют себя не один на один с опасностью) и позволяют резко сократить время реагирования полиции. Учитывая развитие технологий (смартфоны, носимые гаджеты), внедрение системы тревожных кнопок или специальных мобильных приложений не представляет больших технических трудностей, а по стоимости несопоставимо мало с ценностью спасенных жизней. Поэтому внедрение средств экстренной связи – необходимое дополнение к охранным ордерам в арсенале специально-криминологических мер.

Таким образом, для эффективной борьбы с семейно-бытовым насилием необходимо внедрять инновационные технологии, развивать межведомственное взаимодействие и формировать систему комплексных профилактических мер [8, с. 165–173]. Использование электронных систем мониторинга, охранных ордеров и тревожных устройств, а также информационно-просветительская работа в обществе существенно повысят уровень защиты пострадавших и снизят количество латентных и повторных преступлений. Только системный и технологически обоснованный подход позволит существенно сократить масштабы семейно-бытового насилия и обеспечить безопасность граждан.

Список источников

1. Гаврилова О. В., Носенков А. П., Смольяков А. А. Значение социально-криминологического анализа бытовой сферы жизни общества в предупреждении семейно-бытовой преступности // Социология и право. 2021. № 2 (52).
2. Гайдуков А. А. Административно-правовые меры пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65).
3. Гришко Н. А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Грозный, 2019.
4. К вопросу о противодействии семейно-бытовому насилию в Российской Федерации / Р. Р. Каримов, И. А. Асеев, Г. Ю. Каримова, З. А. Шагимуратова // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240).
5. Системное противодействие радикальным экстремистским течениям в молодежной среде: монография / Ю. В. Латов, Р. Б. Осокин, Д. В. Сочнев, Ю. В. Трунцевский. Тамбов: изд-во Р. В. Першина, 2010.
6. Лихачева О. В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
7. Осокин Р. Б. Признание несовершеннолетних потерпевшими при насилии в семейно-бытовой сфере, совершаемом в их присутствии // Криминологический журнал. 2026. № 1.
8. Трунцевский Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3.
9. Шестаков Д. А. Семейная криминология. Семья – конфликт – преступление. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996.
10. Германия – Приблизился к жертве – браслет запищал! // Московский комсомолец. 2025. 24 авг.

Информация об авторе:

Страмилов Станислав Юрьевич,
соискатель

About the author:

Stramilov Stanislav Yu.,
the applicant

Статья поступила в редакцию 20.01.2026;
одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 20.01.2026;
approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 23.03.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-154-160
EDN: https://elibrary.ru/dmqggi

КУЛЬЧИКОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
кандидат юридических наук
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
coolchikov@inbox.ru

ПОРЯДОК ОРГАНИЗАЦИИ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕМ ОБСЛЕДОВАНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

Аннотация. *Эффективная организация ведомственного контроля является основой успешного выполнения оперативными подразделениями МВД России задач оперативно-розыскной деятельности.*

В статье проведен системный анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, направленный на формирование универсального порядка организации ведомственного контроля за проведением сотрудниками оперативных подразделений МВД России обследования помещений, ограничивающего конституционное право на неприкосновенность жилища.

Автором предложены следующие этапы ведомственного контроля за проведением обследования жилища: подготовительный (организация подготовки), основной (координация и контроль за проведением) и заключительный (правовая оценка результата).

Ключевые слова: *ведомственный контроль, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, конституционное право на неприкосновенность жилища, обследование жилища, осмотр жилища, планирование, изъятие предметов и документов, электронный носитель информации*

Для цитирования: *Кульчиков Д. Е. Порядок организации ведомственного контроля за проведением сотрудниками оперативных подразделений МВД России обследования жилых помещений // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 154–160; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-154-160.*

KULCHIKOV DMITRY E.
phd of law
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

PROCEDURE FOR ORGANIZING DEPARTMENTAL CONTROL THE EXAMINATION OF RESIDENTIAL BUILDINGS BY EMPLOYEES OF OPERATIONAL DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Abstract. *Effective organization of departmental control is the basis for the successful fulfillment of operational tasks by the operational units of the Ministry of internal affairs of Russia.*

© Кульчиков Д. Е., 2026.

The article provides a systematic analysis of current legislation and law enforcement practice aimed at forming a universal procedure for the organization of departmental control over the inspection of premises by employees of operational units of the Ministry of internal affairs of Russia, which restricts the constitutional right to inviolability of the home.

The study suggests the following stages of departmental control over the conduct of a housing survey: preparatory (organization of training), basic (coordination and control of the conduct) and final (legal assessment of the result).

Keywords: *departmental control, operational-search activities operational-search measures, the constitutional right to inviolability of the home, inspection of the home, inspection of the home, planning, seizure of objects and documents, electronic media*

For citation: *Kulchikov D. E. Procedure for organizing departmental control the examination of residential buildings by employees of operational departments of the ministry of internal affairs of Russia // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (77). P. 154–160; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-1-154-160.*

Право осуществления оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации закреплено в п. 1 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее – Закон об ОРД)[1].

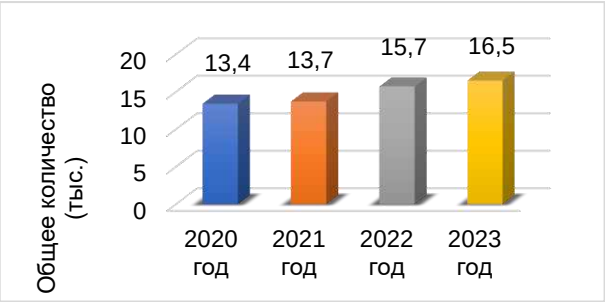
Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел.

МВД России и территориальные органы организуют и осуществляют в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-разыскную деятельность (пп. 14 п. 11, пп. 7 п. 13)[2].

Перечень оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, утвержден приказом МВД России от 31.03.2023 № 199[3].

В своём исследовании Б. Ю. Дерешко и С. Н. Мешалкин сделали обоснованный вывод о том, что «одной из основных задач органов внутренних дел России, основанных на федеральных законах в области противодействия преступности, является оперативно-розыскная профилактика преступлений» [1, с. 165–169].

В практической деятельности оперативных подразделений МВД России обследование помещений, которым ограничивается конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища (далее – обследование жилища), является значимым и широко применяемым оперативно-розыскным мероприятием. Масштабность его проведения подтверждается статистическими сведениями, указанными в таблице.



Так, в областных и равных им судах в порядке судебного контроля в 2020 году

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 26.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 02.02.2026).

[3] Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31.03.2023 № 199 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/ 407540201/ (дата обращения: 02.02.2026).

было рассмотрено 13,4 тыс.[1] материалов по ходатайствам об ограничении неприкосновенности жилища, в 2021 – 13,7 тыс.[2], в 2022 – 15,7 тыс.[3], а в 2023 году их количество составило 16,5 тыс.[4]

Ежегодный рост количества проведенных обследований жилища подтверждает высокую эффективность и значимость данного оперативно-розыскного мероприятия при разрешении задач оперативно-розыскной деятельности, в том числе по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экономической направленности, в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. В связи с чем особое значение следует уделять вопросам организации и контроля за проведением обследования жилища в рамках оперативно-розыскной деятельности, учитывая специфические аспекты, обусловленные важностью соблюдения конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища.

Ведомственный контроль за проведением обследования помещений, ограничивающих конституционное право на неприкосновенность жилища, следует разделить на следующие этапы: подготовительный (организация подготовки), основной (координация и контроль за проведением) и заключительный (правовая оценка результата).

На этапе подготовки проведения обследования жилища руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, даёт в рапорте правовую оценку изложенной сотрудником оперативного подразделения МВД России информации об основаниях и условиях проведения данного оперативно-розыскного мероприятия, в случае отсутствия достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

На данном этапе в рамках ведомственного контроля руководитель оперативного подразделения МВД России принимает решение о разрешении подготовки проекта ходатайства в суд для санкционирования проведения обследования в жилище или мотивированно отказывает в проведении данного оперативно-розыскного мероприятия.

Действующим законодательством Российской Федерации прямо не регламентирован порядок обжалования решения руководителя сотрудником оперативного подразделения МВД России.

Полагаем, что в случае несогласия с отказом руководителя, сотрудник оперативного подразделения МВД России вправе обратиться с рапортом к вышестоящему руководителю органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с указанием оснований и мотивов несогласия.

В случае, если вышестоящий руководитель не согласится с принятым решением, он вправе принять новое решение и разрешить обратиться в суд с ходатайством о проведении обследования помещений, ограничивающего конституционное право на неприкосновенность жилища. Данное правомочие соответствует принципу иерархии ведомственного подчинения и контроля за выполнением подчиненными оперативно-служебных задач.

Вышеуказанное правомочие следует из буквального толкования п. 26 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации[5], согласно которому, «если подчиненный, исполняющий приказ, получит от вышестоящего прямого руководителя (начальника) новый приказ, который может воспрепятствовать исполнению ранее полученного приказа, он докладывает об этом вышестоящему прямому руководителю (начальнику), отдавшему новый приказ, и в случае подтверждения но-

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. М., 2021. С. 7. URL: http://www.cdep.ru. (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 году // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. М., 2022. С. 9. URL: http://www.cdep.ru. (дата обращения: 02.02.2026).

[3] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. М., 2023. С. 8. URL: http://www.cdep.ru. (дата обращения: 02.02.2026).

[4] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. М., 2024. С. 7. URL: http://www.cdep.ru. (дата обращения: 02.02.2026).

[5] О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 // Гарант.Ру: [информационно-правовой портал]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142006/ (дата обращения: 02.02.2026).

вого приказа исполняет его. Руководитель (начальник), отдавший новый приказ, сообщает об этом руководителю (начальнику), отдавшему первый приказ».

Решение о проведении вышеуказанного оперативно-розыскного мероприятия *не должно допускать злоупотребления должностными полномочиями или их превышения и быть направлено на нарушение действующего законодательства,* так как сотрудник полиции независимо от замещаемой должности несет ответственность за свои действия (бездействие) и за отдаваемые приказы и распоряжения (ч. 1 ст. 33 Федерального закона «О полиции»[1]).

После согласования проведения планируемого оперативно-розыскного мероприятия руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, подписывает проект постановления, в котором ходатайствует перед судом о проведении обследования помещений, ограничивающего конституционное право на неприкосновенность жилища. Данный документ с учетом территориальной компетенции (обслуживаемой территории) подписывает уполномоченный руководитель органа внутренних дел, должность которого предусмотрена в Перечне должностных лиц, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»[2]. При этом постановление является мотивированным в случае, если в нем указываются:

1) сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, по которому производство предварительного следствия обязательно, или о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, если не имеется достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

2) полученная в результате проведения предшествовавших оперативно-розыскных мероприятий информация, относящаяся к объекту обследования;

3) правовое основание для проведения оперативно-розыскного мероприятия;

4) информация, указывающая на возможность получения достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела посредством проведения обследования;

5) дата, время и место предлагаемого проведения обследования;

6) сведения о лицах, которых предлагается привлечь к участию при проведении обследования;

7) информация о наличии в месте проведения обследования предметов, документов и материалов, содержащих сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну.

Мотивированное постановление регистрируется в журнале учёта по правилам делопроизводства[3] и передается для рассмотрения в суд, как правило, по месту проведения оперативно-розыскного мероприятия или по месту нахождения органа внутренних дел, ходатайствующего о его проведении.

По результатам рассмотрения вышеуказанного ходатайства судья разрешает проведение оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища, либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление, которое заверяется печатью и выдается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия одновременно с представленными материалами, обосновывающими необходимость проведения оперативно-розыскного мероприятия.

В случае, если судья отказал в проведении оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционное право на неприкосновенность жилища, орган, осуществляющий оперативно-

[1] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70663232/ (дата обращения: 02.02.2026).

[3] Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.09.2024 № 515 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/411260623/ (дата обращения: 02.02.2026).

розыскную деятельность, вправе обратиться по этому же вопросу в вышестоящий суд (ч. 7 ст. 9 Закона об ОРД).

Буквальное толкование вышеуказанной процедуры показывает возможность повторного обращения руководителя оперативного подразделения МВД России по одному и тому же факту в вышестоящий суд. При этом право обжалования принятого судом решения законодательно не установлено.

Полагаем, что в случае несогласия с принятым судебным актом об отказе в предоставлении права проведения обследования в жилище при повторном обращении руководителя оперативного подразделения МВД России в вышестоящий суд целесообразно дополнительно обосновать ходатайство о предоставлении разрешения на проведение данного оперативно-розыскного мероприятия с учётом оснований и мотивов отказа, указанных в судебном постановлении. При этом действующим законодательством в сфере оперативно-розыскной деятельности не ограничено право повторного обращения в суд для санкционирования проведения обследования в жилище после представления новых материалов, подтверждающих противоправную деятельность и дополнительно обосновывающих необходимость проведения оперативно-розыскного мероприятия.

Следующим этапом является ***контроль за проведением обследования в жилище, который состоит из планирования и организации проведения сотрудниками оперативных подразделений МВД России данного оперативно-розыскного мероприятия.***

В органах внутренних дел Российской Федерации планирование является фундаментальной основой успешного выполнения оперативно-служебных задач.

Процедура планирования регламентирована ведомственными нормативными правовыми актами. Согласно п. 73 Инструкции по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации[1] в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, организационно-распорядительных актов, поручениями уполномоченных должностных лиц могут разрабатываться организационные документы, схожие по структуре с планами (графики, перечни, «дорожные карты», схемы, алгоритмы действий, другие аналогичные документы), предназначенные для определения порядка и сроков проведения заинтересованными подразделениями проверочных, профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (абз. 4) и решения иных задач, не требующих разработки планов (абз. 8).

Руководителю органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при проверке алгоритма действий, перечисленных в плане, подготовленном сотрудником оперативного подразделения МВД России, следует учитывать следующие особенности:

1. В случае необходимости проведения обследования за пределами обслуживаемой территориальным органом МВД России территории руководитель обязан до начала проведения обследования письменно проинформировать начальника (заместителя начальника) территориального органа МВД России, на территории обслуживания которого планируется проведение обследования, а в случаях, не терпящих отлагательств, уведомление осуществляется руководителем в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проведения обследования.

2. В зависимости от целей и задач оперативно-розыскного мероприятия необходимо определить состав его участников:

– сотрудники оперативного подразделения МВД России, проводящего обследование жилища;

– сотрудники подразделений специального назначения органов внутренних дел Российской Федерации;

– эксперты-криминалисты (специалисты) для оказания помощи в изъятии веществ, предметов и документов, в том числе электронных носителей информации;

– сотрудники правовых подразделений органов внутренних дел Российской Федерации для оказания правовой помощи;

– специалисты-кинологи подразделений МВД России со служебными собаками для более эффективного поиска веществ, материалов и предметов.

Состав участников при проведении обследования жилища не является исчерпывающим. При этом для удостоверения факта, содержания, хода проведения и результатов изъятия к участию в изъятии привлекаются (с их согласия) не менее двух дееспособных граждан, достигших возраста восемнадцати лет, не заинтересованных в результатах изъятия, не состоящих с лицами, проводящими изъятие, в родстве

[1] Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.10.2020 № 683 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/74749404/ (дата обращения: 02.02.2026).

или свойстве, не подчиненных и не подконтрольных указанным лицам, а также не являющихся работниками органов исполнительной власти, наделенными в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Следует согласиться с А. В. Кауновым, что «при обследовании могут быть изъяты компьютеры, планшеты, фото- и видеоархив, расписки и иные предметы, представляющие оперативный интерес» [2, с. 130–133].

3. Важно заранее подготовить технические средства, которые будут использоваться при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

Методы проведения обследования жилища следует разделить на следующие виды:

1. Линейное обследование – последовательный обход и осмотр каждого помещения в жилище. Целесообразно использовать для детального и тщательного обследования каждого помещения в жилище.

2. Групповое обследование – несколько сотрудников распределяются по разным участкам в одном помещении жилища и проводят одновременно обход и осмотр. Целесообразно использовать для ускорения процесса проведения оперативно-розыскного мероприятия.

3. Комбинированное обследование – сочетает элементы последовательного и группового обследования, при котором одни сотрудники проводят детальный осмотр отдельных зон в одном помещении, а другие одновременно осуществляют обзор остальных помещений в жилище. Метод используется в сложных ситуациях, требующих осмотра большой площади жилища, при необходимости быстрого и эффективного разрешения различных оперативно-розыскных задач.

4. Селективное обследование – первоочередной осмотр потенциальных мест расположения искомых объектов с учетом предполагаемой степени вероятности их обнаружения. Целесообразно использовать в случае необходимости оперативного и эффективного решения задач проводимого оперативно-розыскного мероприятия.

Выбор метода обследования жилища предопределяет состав участников и напрямую зависит от решаемых оперативно-розыскных задач. При проведении оперативно-розыскного мероприятия не допускается разглашение сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Этап проверки руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, результатов проведенного обследования помещений, ограничивающего конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища, заключается в правовой оценке информации о результатах проведения оперативно-розыскного мероприятия, указанной сотрудником оперативного подразделения МВД России в рапорте. Данный документ должен содержать порядок действий, совершенных в ходе обследования. К рапорту прилагаются:

1) протокол – в случае изъятия в ходе проведения обследования предметов и документов, а также документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения;

2) электронный носитель информации с цифровым файлом – в случае использования в ходе проведения обследования жилища аудио- и (или) видеозаписи.

На основе представленных документов, содержащих результаты обследования жилища, руководитель принимает необходимые решения в соответствии с законодательством Российской Федерации. В частности, в случае получения достаточных данных, указывающих на признаки преступления, результаты проведенного обследования жилища могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела[1].

Проведенным исследованием доказаны особые полномочия руководителей оперативных подразделений МВД России по организации, координации и контроле за подчиненными сотрудниками при проведении обследования жилища в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

[1] Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70531824 (дата обращения: 02.02.2026).

Список источников

1. Дерешко Б. Ю., Мешалкин С. Н. Оперативно-розыскная профилактика преступлений: ретроспективный анализ научных исследований (к 80-летию образования ВНИИ МВД России) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 3 (75).
2. Каунов А. В. Проблемные вопросы, связанные с документированием преступной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2026. № 4 (76).

Информация об авторе:

Кульчиков Дмитрий Евгеньевич,
доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного учебного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений им. генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева

About the author:

Kulchikov Dmitry E.,
docent of the kafedry of operational-technical events measures internal affairs bodies International interdepartmental training center for operational units named after lieutenant general of the militia A. N. Sergeev

Статья поступила в редакцию 24.02.2026;
одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted to the editorial office 24.02.2026;
approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 23.03.2026